

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 27, № 2*

Вологда • 2023

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (Экономические)
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (Экономические)
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (Экономические)
- 5.2.4. Финансы (Экономические)
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии (Социологические)
- 5.4.2. Экономическая социология (Социологические)
- 5.4.3. Демография (Социологические)
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (Социологические)
- 5.4.5. Политическая социология (Социологические)
- 5.4.6. Социология культуры (Социологические)
- 5.4.7. Социология управления (Социологические)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

Методическое обеспечение задачи адаптации региональной экономики
к новым условиям хозяйствования7

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Румянцев Н.М.

Репозиционирование экономики региона в цепочках
создания стоимости на основе поиска перспективных специализаций:
кейс лесопромышленного комплекса Вологодской области.....10

Федорова А.В., Емельянова Е.Г., Кузьменков А.А.

Тенденции развития жилищного строительства
в муниципальных образованиях Республики Карелии.....23

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Макарова М.Н.

Система расселения как результат адаптации населения
к социально-экономическим условиям регионального развития.....40

Патракова С.С.

Хозяйственная сельско-городская кооперация как инструмент
обеспечения сбалансированности экономического пространства региона53

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Мальшиев М.К.

Налоговое поведение хозяйствующих субъектов:
сущность, модели и факторы формирования.....70

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Воробьева И.Н.

Факторы формирования территориальной
идентичности населения: социологический анализ.....89

Хотеева Е.А., Степунь И.С.

Миграция населения в Российской Арктике
в статистических оценках и практике управления регионами..... 110

Проворова А.А.

Оценка эффективности реализации трудового потенциала региона:
анализ методического инструментария 129

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: итоги 2022 года 145

Мониторинг социального самочувствия населения
Вологодской области в феврале 2023 года 158

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН..... 167

Правила для авторов 170

Информация о подписке..... 171

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Uskova T.V.

Methodological Support for the Task of Adapting the Regional Economy to New Economic Conditions.....	7
---	---

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Rumyantsev N.M.

Repositioning of the Regional Economy in Value Chains Based on the Search for Promising Specializations: The Case of the Timber Industry Complex of the Vologda Oblast	10
--	----

Fedorova A.V., Emel'yanova E.G., Kuz'menkov A.A.

Development Trends of Housing Construction in the Republic of Karelia Municipalities	23
---	----

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Makarova M.N.

Settlement System as a Result of Population's Adaptation to the Socio-Economic Conditions of Regional Development	40
--	----

Patrakova S.S.

Economic Rural-Urban Cooperation as a Tool for Balancing the Economic Space of the Region	53
--	----

TERRITORIAL FINANCE

Malyshev M.K.

Tax Behavior of Economic Entities: Essence, Models and Formation Factors	70
---	----

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Vorobeva I.N.

Factors in the Formation of the Population's Territorial Identity: A Sociological Analysis	89
---	----

<i>Khoteeva E.A., Stepus I.S.</i>	
Population Migration in the Russian Arctic in Statistical Estimates and Regional Management Practice.....	110
<i>Provorova A.A.</i>	
Assessing the Effectiveness of the Implementation of the Labor Potential of the Region: Methodological Tools Analysis.....	129
MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS	
Monitoring of the Economy: Results of 2022	145
Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in February 2023	158
CHRONICLES OF SCIENCE LIFE	
New VolRC RAS issues.....	167
Guidelines for the authors	170
Subscription information	171

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В.

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
ФГБУН ВолНЦ РАН
Вологда
Российская Федерация
ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136)
ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/0-2232-2017)

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАДАЧИ АДАПТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Весь прошедший год российская экономика функционировала в условиях жесточайших санкций. 23 февраля 2023 года Председатель Правительства М.В. Мишустин, выступая с отчетом в Государственной Думе, подчеркнул, что «по России был нанесен санкционный удар, равного по силе которому в новейшей истории не было». Но экономика России выстояла. «Спад, неизбежный в таких условиях, оказался вполне умеренным. ...Мы вернули экономику на траекторию роста»¹.

Экономике России удалось преодолеть возникшие риски во многом благодаря слаженной работе федеральных и региональных органов государственной власти. Существенную роль в этом процессе сыграли российский бизнес и население страны. Несомненный вклад внесли отечественные ученые-регионалисты, сосредоточившие силы на исследованиях происходящих социально-экономических процессов, а самое главное – на поиске возможностей адаптации региональной экономики и общества к новым вызовам и угрозам хозяйствования. Этим вопросам посвящена подборка статей в текущем номере журнала.

Для цитирования: Ускова Т.В. (2023). Методическое обеспечение задачи адаптации региональной экономики к новым условиям хозяйствования // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.1

For citation: Uskova T.V. (2023). Methodological Support for the Task of Adapting the Regional Economy to New Economic Conditions. *Problems of Territory's Development*, 27 (2), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.1

¹ Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. URL: <http://government.ru/news/48055>

Изменившиеся условия хозяйствования требуют проведения структурных преобразований российской экономики, перехода на выпуск продукции высоких переделов, обеспечивающий технологический суверенитет страны. Вопросам структурной трансформации экономики регионов посвящена статья *Н.М. Румянцева*. Автор обосновывает необходимость поиска внутренних источников роста экономики и выбора отраслевых приоритетов структурной политики регионов, в качестве которых рассматривает перспективные виды экономической деятельности, позволяющие интегрироваться в существующие цепочки создания стоимости на основе углубления переработки продукции. Нарботки автора могут быть полезны региональным органам государственной власти при корректировке реализуемой экономической политики.

Еще одной сферой экономики, которая может стать локомотивом роста и поступательного развития российских регионов, выступает жилищное строительство. Основные тенденции и факторы, способствующие развитию этого сектора в экономике Республики Карелии, раскрыты в статье *А.В. Федоровой, Е.Г. Емельяновой, А.А. Кузьменкова*. Дана типология районов республики по темпам ввода в действие жилых домов. Особое внимание авторы уделяют ключевым направлениям деятельности производственно-строительного кластера республики.

Полагаем, что интерес читателей вызовет работа *М.Н. Макаровой*, посвященная трансформации региональной системы расселения как результату адаптации населения к происходящим изменениям социально-экономических условий. Автор оценивает изменения, специфические пространственные характеристики в региональной системе расселения с помощью распределения Ципфа, делает вывод о необходимости учета этого фактора при обосновании мер регулирующего воздействия в стратегиях пространственного и социально-экономического развития региона.

Проблемы связности и сбалансированности регионального экономического про-

странства освещены в статье *С.С. Патраковой*. Показано, что ослабление хозяйственных связей между городом и селом в пореформенный период сдерживает развитие сельских территорий, обуславливает недоиспользование их производственного потенциала. Инструментом решения этой задачи автор считает развитие хозяйственной кооперации как объединения предприятий, производств, отраслей на основе устойчивых производственно-экономических связей в рамках единого производственного процесса.

Развитие страны, регионов и муниципалитетов неразрывно связано с эффективным взаимодействием бюджетобразующих предприятий и налоговых органов. Сущность, факторы и модели налогового поведения хозяйствующих субъектов исследованы в работе *М.К. Малышева*. Выявлены наиболее часто встречающиеся модели, дана характеристика стратегий налогового поведения хозяйствующих субъектов как долгосрочных ценностно-психологических установок налогоплательщика. Выделены стратегии уклонистского, оптимизационного, ответственного и смешанного налогового поведения. Расширены классификационные признаки и виды налогового поведения, предпринята попытка охарактеризовать налоговое поведение крупнейших корпораций Вологодской области.

В развитии территорий особую роль играют человеческий потенциал и способность населения территорий адаптироваться к изменяющимся условиям. Этим вопросам посвящен ряд статей, представленных в выпуске. Так, *И.Н. Воробьева* в качестве нематериального актива развития города рассматривает территориальную идентичность населения как фактор удержания жителей в регионе и важнейший ресурс его преобразования. Исследуя этот актив через индикаторы эмоционального отношения к городу, миграционные настроения, установки и практики социального участия в развитии городского пространства, автор приходит к выводу о том, что территориальная идентичность в значительной степени зависит от

уровня развития социальной инфраструктуры, наличия перспектив и возможностей для самореализации людей. Именно такие условия являются определяющими в формировании миграционных установок, особенно для населения молодых возрастов.

Особенности миграционной ситуации в Арктической зоне РФ раскрыты в работе *Е.А. Хотеевой, И.С. Степунь*. Отток населения является угрозой для социально-экономического развития любой территории, прежде всего геополитически и экономически важной для страны. По мнению авторов, миграционная политика требует более пристального внимания региональных органов государственной власти, выработки конкретных мер, обеспечивающих не только удержание местного населения, но и приток людей из других регионов.

Трансформации, происходящие в российской экономике и обществе, актуализируют проблему ресурсосбережения и повышения эффективности реализации трудового потенциала как важнейшей составляющей человеческого потенциала региона. Изменение форм организации труда, повышение роли человека в трудовом процессе, увеличение значимости отдельных качеств и навыков трудовой деятельности

определяют не только эффективность реализации трудового потенциала, но и параметры экономического роста. В связи с этим несомненный интерес читателей вызовут анализ и систематизация методических подходов к оценке эффективности реализации трудового потенциала, представленные в статье *А.А. Проворовой*. Выявленные автором в ходе исследования методические подходы к оценке эффективности реализации трудового потенциала будут полезны и для исследователей, и для практиков.

Итак, можно констатировать, что экономика России преодолела риски, возникшие из-за введения западных санкций. Этот факт отметил Президент Российской Федерации, выступая в феврале перед Федеральным Собранием². Вместе с тем, по мнению Председателя Правительства М.В. Мишустина, внешнее давление на Россию не ослабнет. Период адаптации экономики завершится не ранее 2024 года³. В связи с этим разработки исследователей могут стать прочной научно-методической базой для корректировки региональных и отраслевых стратегий и программ, направленных на скорейшую адаптацию общества и экономики, перевода ее на путь долгосрочного поступательного развития.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy director for science, head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010>

³ Из Отчета Правительства РФ.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.2

УДК 338.012 | ББК 65.34

© Румянцев Н.М.

РЕПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА В ЦЕПОЧКАХ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ НА ОСНОВЕ ПОИСКА ПЕРСПЕКТИВНЫХ СПЕЦИАЛИЗАЦИЙ: КЕЙС ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

НИКИТА МИХАЙЛОВИЧ РУМЯНЦЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: rumyanik.95@gmail.com

ORCID: [0000-0001-5660-8443](https://orcid.org/0000-0001-5660-8443); ResearcherID: [AAC-2818-2019](https://orcid.org/AAC-2818-2019)

Замедление российской экономики в результате усилившегося санкционного давления оказалось менее значительным, чем прогнозировалось в течение 2022 года. Быстрая адаптация российского бизнеса и государственная поддержка экономики позволили компенсировать негативные воздействия санкций. Однако адаптационный период подходит к концу, и экономика России должна переходить к структурной трансформации с опорой на внутренние источники роста. Отраслевыми приоритетами структурной политики в регионах должны стать перспективные виды экономической деятельности, которые интегрируются в существующие цепочки создания стоимости, углубляя переработку продукции и устраняя «узкие места». В связи с этим цель исследования заключается в разработке и обосновании направлений репозиционирования региональной экономики в цепочках создания стоимости с опорой на перспективные виды экономической деятельности. Для ее достижения требуется решение таких задач, как построение существующей цепочки создания стоимости, выявление наиболее уязвимых ее звеньев, а также формирование мер поддержки и развития перспективных видов экономической деятельности, органично встраиваемых в цепочки создания стоимости. Информационной базой исследования

Для цитирования: Румянцев Н.М. (2023). Репозиционирование экономики региона в цепочках создания стоимости на основе поиска перспективных специализаций: кейс лесопромышленного комплекса Вологодской области // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 10–22. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.2

For citation: Rumyantsev N.M. (2023). Repositioning of the regional economy in value chains based on the search for promising specializations: The case of the timber industry complex of the Vologda Oblast. *Problems of Territory's Development*, 27(2), 10–22. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.2

послужили труды отечественных и зарубежных авторов в области структурной политики, цепочек создания стоимости, поиска перспективных специализаций и межотраслевого моделирования, данные Росстата, «Спарк-Интерфакс», государственного информационного ресурса бухгалтерской отчетности. Научную новизну работы составляет применение авторского подхода к определению перспективных специализаций при трансформации цепочек создания стоимости в региональной экономике. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти при разработке стратегических документов по экономической политике, в т. ч. структурной, отраслевых стратегий, инвестиционных паспортов и стандартов. Также они будут полезны широкому кругу исследователей, занимающихся вопросами структурной политики, анализом, проектированием и моделированием цепочек создания стоимости, проблемами региональной экономики в целом.

Структурная трансформация, цепочки создания стоимости, перспективные виды экономической деятельности, репозиционирование экономики региона, лесопромышленный комплекс.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

Экономика Российской Федерации, только преодолевшая последствия постпандемического кризиса, в 2022 году получила новые вызовы: усиление антироссийских санкций из-за начала специальной военной операции, глобальный энергетический и продовольственный кризисы, замедление крупнейших экономик мира (прежде всего Китая из-за очередных локдаунов, а также США и еврозоны из-за высокой инфляции и скачка цен на энергоресурсы). Происходящие события заметно усложнили экономическую деятельность внутри страны. Однако, несмотря на негативные прогнозы, замедление экономики оказалось менее существенным, она ускоренно адаптировалась к внешнему давлению.

Особенно сильно пострадали экспортно-ориентированные экономики регионов Северо-Запада страны. Предпосылками этого стали слабая диверсификация экономики в целом и ее упрощение, ограниченное число внешнеторговых партнеров в силу географического положения (Ускова и др., 2022b), высокая зависимость от импортной продукции инвестиционного назначения, в частности машиностроительной (Широкова, 2022). Заметное снижение экономической активности также наблюдалось в ре-

зультате ухода зарубежных компаний с рынка РФ (Котов, 2022).

В названных условиях ведения народного хозяйства необходимо искать источники экономического роста внутри регионов. В целом этап адаптации экономики РФ к изменениям уже можно считать завершенным, дальнейшая государственная политика должна быть направлена на активную структурную трансформацию. В связи с этим актуальным становится поиск перспективных видов экономической деятельности как отраслевых приоритетов структурной перестройки региональной экономики. С учетом сказанного цель нашего исследования заключается в разработке и обосновании направлений репозиционирования региональной экономики в цепочках создания стоимости (ЦСС) с опорой на перспективные виды экономической деятельности. Для ее достижения требуется решить такие задачи, как построение существующей цепочки создания стоимости, выявление наиболее уязвимых ее звеньев, а также формирование мер поддержки и развития перспективных видов экономической деятельности, органично встраиваемых в ЦСС.

Информационной базой послужили труды отечественных и зарубежных авторов в области структурной политики, ЦСС, поис-

ка перспективных специализаций и межотраслевого моделирования, данные Росстата, «Спарк-Интерфакс», государственного информационного ресурса бухгалтерской отчетности. Научную новизну исследования составляет применение авторского подхода к определению перспективных специализаций при ЦСС в региональной экономике.

Обзор существующих исследований

Структурная политика – широко представленная в отечественной и зарубежной литературе тема исследований. Существующие работы охватывают такие вопросы, как отраслевые и пространственные аспекты структурной перестройки экономики (Колесников, Толстогузов, 2016), разработка и внедрение механизмов структурной трансформации в практику государственного управления (Широв, 2018). Подробно рассмотрены направления структурной трансформации: так, в качестве ключевых обозначены развитие ЦСС, структурно-инвестиционная политика, стимулирование внутреннего спроса, обеспечение импортозамещения и технологического суверенитета (Ускова и др., 2022а).

Необходимость трансформации ЦСС, а также проведения политики по их развитию и репозиционированию регионов внутри цепочек актуализируется в ряде работ. Так, к примеру, обобщение и систематизация исследования по вопросам анализа, моделирования и проектирования ЦСС позволили прийти к выводу о том, что развитие и трансформация существующих в российской экономике цепочек должны опираться на их многоаспектный и многоуровневый углубленный анализ. Использование модельного инструментария при проектировании направлений развития ЦСС дает возможность оцифровать и визуализировать параметры взаимодействия предприятий с внутренней и внешней средой, просчитать экономические эффекты от реализации тех или иных сценариев, а потенциальные виды

экономической деятельности для включения в ЦСС стоит определять учитывая не только существующую структуру экономики, но и глобальные мировые тренды и перспективные специализации. Растущая потребность в адекватной оценке различных аспектов и проработке вариантов функционирования ЦСС обусловила развитие соответствующего методического инструментария. Для этого используется широкий набор модельных инструментов: межотраслевые, агентоориентированные и пространственные авторегрессионные модели, элементы теории игр (Лукин, 2022).

Неоднократно отмечалась высокая результативность оценки эффектов трансформации ЦСС именно на основе межотраслевого моделирования. Так, в работах ИЭОПП СО РАН представлены балансовые модели, позволяющие прогнозировать эффекты от реализации инвестиционных проектов, в т. ч. от создания новых предприятий в рамках трансформации цепочек создания стоимости (Модели ..., 2022). Совместными усилиями голландских и американских ученых построена межрегиональная межотраслевая модель экономики Дании, оценивающая эффекты от стимулирования внутреннего потребления и активизации инвестиционной деятельности (Oosterhaven, Hewings, 2014).

Анализ и проектирование перспективных ЦСС могут осуществляться с помощью двух подходов: микроэкономического, с позиций отдельных экономических агентов, и отраслевого, на основе поиска потенциальных отраслевых приоритетов развития. К первой группе можно отнести такие методы, как технологическое сканирование, конкурентная разведка, картирование технологического ландшафта, форсайт (Calof et al., 2015; Ashton, 2020; Раар, 2020). Вторая группа методов связана с теоретическими концепциями «умная специализация» (Boschma, 2013; Kutsenko et al., 2018), «экономическая сложность»¹, «технологическая близость» (Hidalgo et al., 2007). Определение перспективных видов экономической деятельности

¹ Hausmann R., Hidalgo C.A. (2010). Country diversification, product ubiquity, and economic divergence. Working Paper No. 201. Cambridge, MA. DOI: 10.2139/ssrn.1724722

для региональной экспортоориентированной экономики на основе авторского методологического подхода было произведено исследователями Вологодского научного центра РАН и Вологодского государственного университета (Румянцев и др., 2022).

В ходе ранее проведенных нами исследований было выявлено, что стимулирование спроса на продукцию лесопромышленного комплекса для Вологодской области более эффективно с точки зрения прироста валового выпуска, чем текущих отраслей специализации региона – черной металлургии и химических производств (Румянцев, 2022). Также в свете запрета на экспорт необработанной древесины и других внешнеторговых ограничений, связанных с лесопромышленным комплексом, оценена эффективность углубления переработки древесины на территории Вологодской области (Румянцев, 2021). Однако, как отмечают исследователи, существенного повышения количества переделов в составе экспорта РФ не наблюдается (Новый импульс ..., 2022). Исследователи и органы власти² сходятся во мнении о необходимости активизации внутреннего спроса на продукцию деревообрабатывающей промышленности, предназначенную для конечного спроса (Шишелов, 2020).

В продолжение исследования с опорой на существующие научные труды будут подробно рассмотрены звенья цепочки создания добавленной стоимости лесопромышленной продукции, локализованные в Вологодской области, с использованием инструментария межотраслевого моделирования и поиска перспективных видов экономической деятельности.

Результаты исследования

Для определения перспективных видов экономической деятельности как отрасле-

вых приоритетов структурной политики разработана авторская методика³. Основу подхода составила методика поиска перспективных видов экономической специализации. Авторский подход дополняет существующую методологию в части учета развития ЦСС и потребностей в импортозамещении.

$$ПС_i^{per} = (ЭОС_i^{per} + РП_i^{per} + ИА_i^{per}) + ППО_i^{per},$$

где:

$ПС_i^{per}$ – значение интегральной оценки потенциала перспективной специализации i -го ВЭД в регионе;

$ЭОС_i^{per}$ – значение балльной оценки потенциала перспективной специализации i -го ВЭД по блоку критериев «Эффективность отраслевой специализации»;

$РП_i^{per}$ – значение балльной оценки потенциала перспективной специализации i -го ВЭД по блоку критериев «Рыночный потенциал»;

$ИА_i^{per}$ – значение балльной оценки потенциала перспективной специализации i -го ВЭД по блоку критериев «Инновационная активность»;

$ППО_i^{per}$ – значение балльной оценки потенциала перспективной специализации i -го ВЭД по блоку критериев «Патентно-публикационная обеспеченность».

Методика позволяет выделить виды деятельности, которые могут быть встроены в существующие ЦСС, имеют инновационный и научно-технический задел, а также потенциально способны активизировать экономический рост в регионе.

Базовыми точками для формирования перспективной специализации по результатам апробации авторской методики признаны следующие виды экономической деятельности (рис. 1).

² В.В. Путин: «...нужно сохранить работу этой и других пострадавших отраслей, сберечь их трудовые коллективы, а также придать импульс их развитию через стимулирование внутреннего спроса и углубление переработки сырья и материалов именно в нашей стране, на отечественных производствах и на отечественных производственных мощностях. Источник: Королева А. Владимир Путин: «Мы прошли через этот лес» // Эксперт. 2023. 18 января. URL: https://expert.ru/2023/01/18/vladimir-putin-my-proshli-cherез-etot-les/?ny=&utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D

³ Подробное описание методики и ее апробация представлены в (Румянцев и др., 2022).

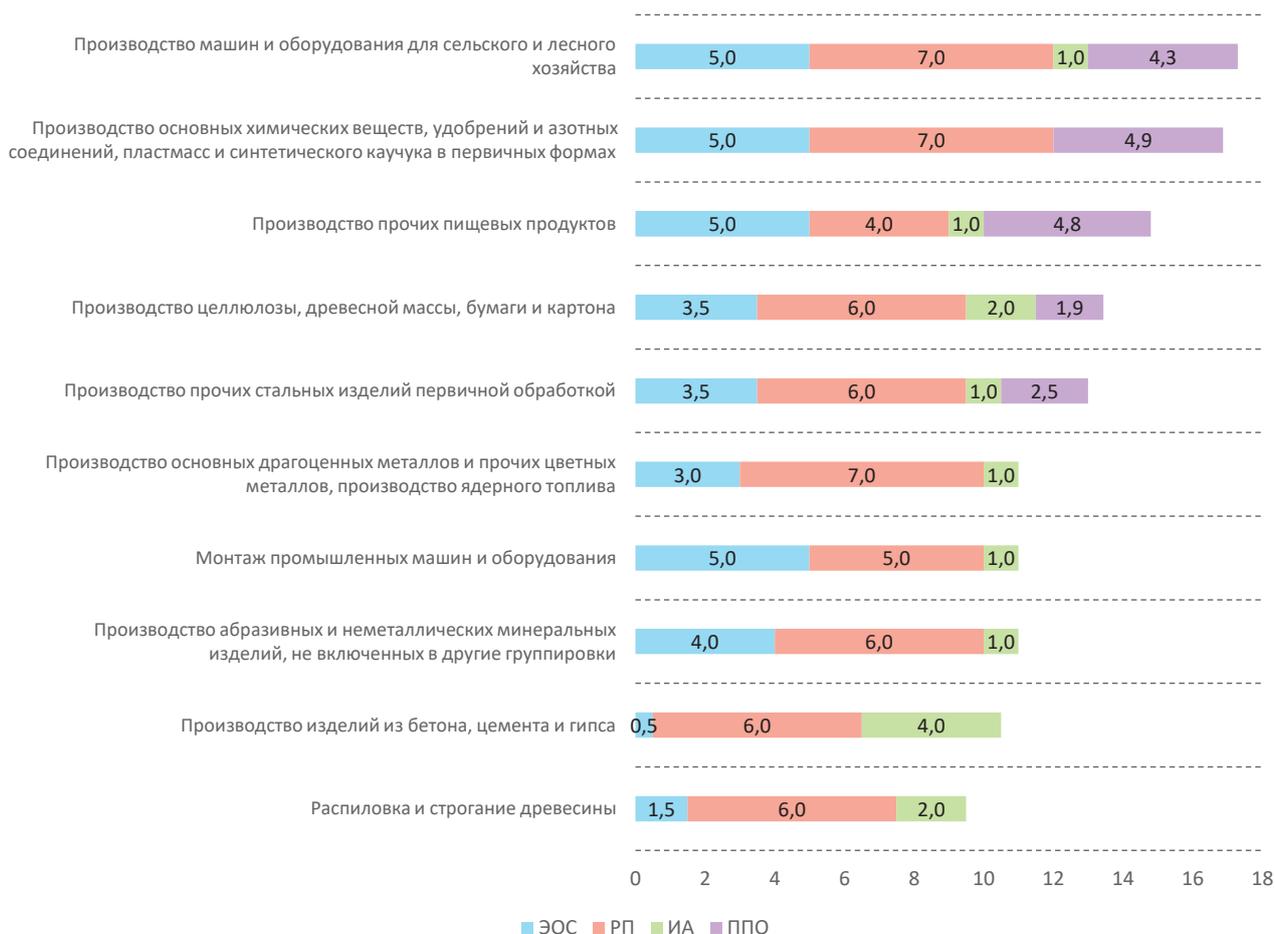

Рис. 1. Результаты интегральных оценок перспективности ВЭД Вологодской области, баллы
 Источник: расчеты автора.

Формирование профиля перспективной специализации экономики Вологодской области позволяет скомпоновать виды экономической деятельности для достижения синергетического эффекта их взаимодействия.

В качестве прикладного примера реализации подхода к репозиционированию экономики региона в ЦСС с опорой на перспективные специализации более подробно рассмотрены фрагменты ЦСС лесопромышленной продукции, локализованные в Вологодской области (рис. 2).

Ограничения, налагаемые на ввоз товаров инвестиционного назначения, существенно затронули материально-техническую базу лесозаготовительных предприятий.

В краткосрочной перспективе, согласно данным опроса экспертов, наблюдается нехватка комплектующих и расходников,

в долгосрочной – отсутствие замены всей техники.

Предлагаемые нами перспективные специализации при внедрении в ЦСС позволяют решить проблему импортозамещения и создать базу для развития тяжелого машиностроения в регионе (рис. 3).

Преимущества:

- существующие в регионе предприятия имеют определенный технологический задел (2 предприятия, ООО «Агросервис» и ООО «Нория», уже занимаются производством комплектующих для лесозаготовительной техники, для еще более 100 предприятий данный вид экономической деятельности является дополнительным, в регионе присутствуют крупные машиностроительные предприятия, которые могут стать бенефициарами включения в производство)⁴;

⁴ По данным «СПАРК-Интерфакс». URL: <https://spark-interfax.ru/statistics/region/19000000000>

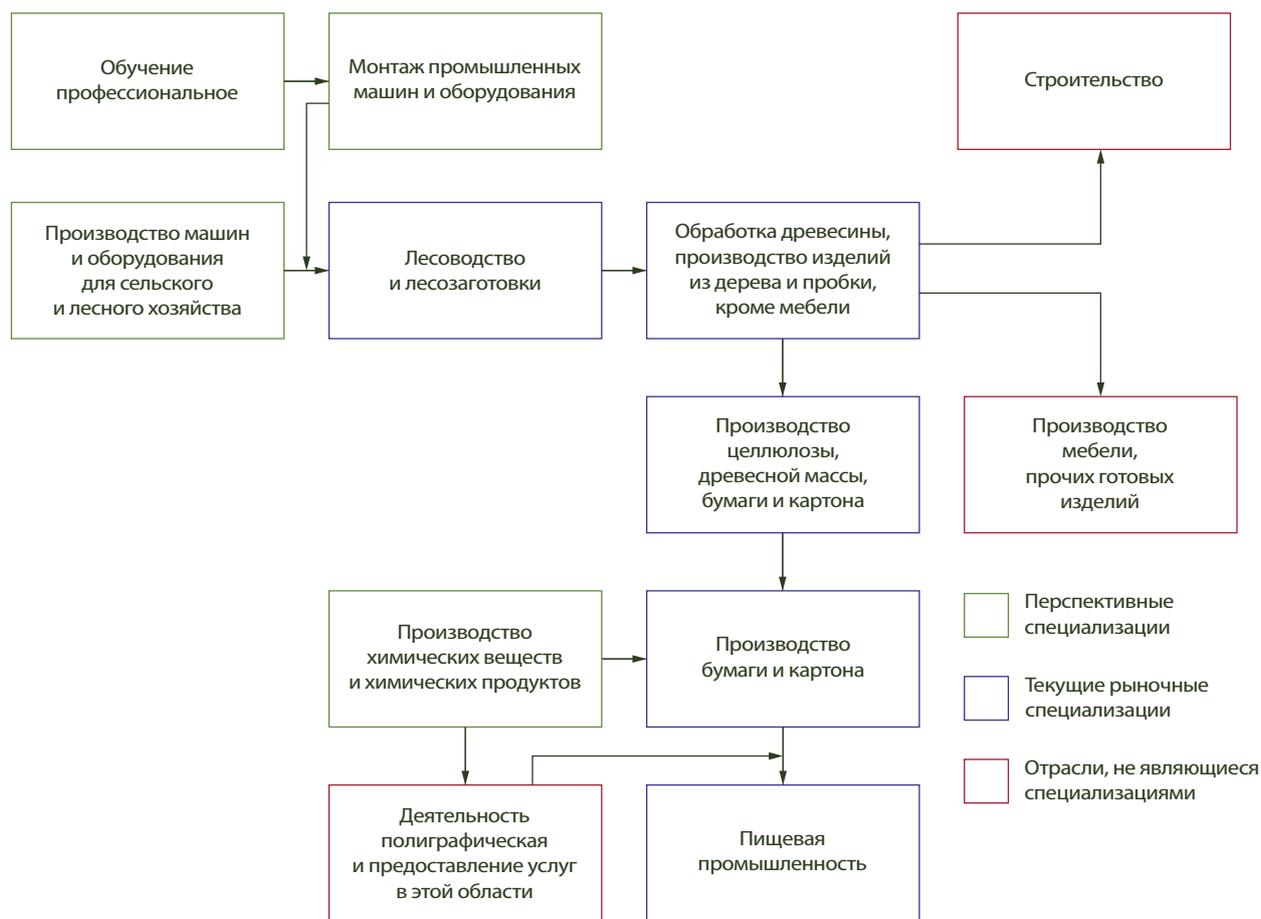

Рис. 2. Упрощенная схема фрагментов ЦСС лесопромышленной продукции, локализованных в Вологодской области (с включенными перспективными видами экономической деятельности)

Источник: составлено автором.

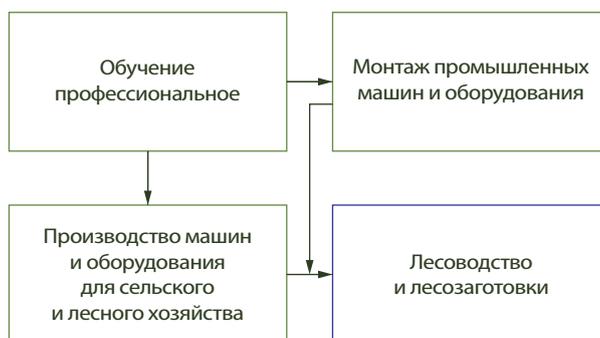

Рис. 3. Включение лесозаготовительного машиностроения в ЦСС лесопромышленной продукции

Источник: составлено автором.

– учебные заведения региона могут обеспечить подготовку кадрового состава как для уже существующих предприятий, так и потенциально создаваемых;

– регион имеет определенный технологический задел – научными организациями зарегистрировано более 30 патентов в сфере машиностроения⁵.

⁵ По данным Федерального института промышленной собственности.

Предлагается поэтапная реализация проекта по формированию полного цикла производства техники для лесозаготовок:

– первый этап – производство наиболее простых, но востребованных комплектующих (рукава высокого давления, фитинги, комплектующие ходовых частей и т. д.);

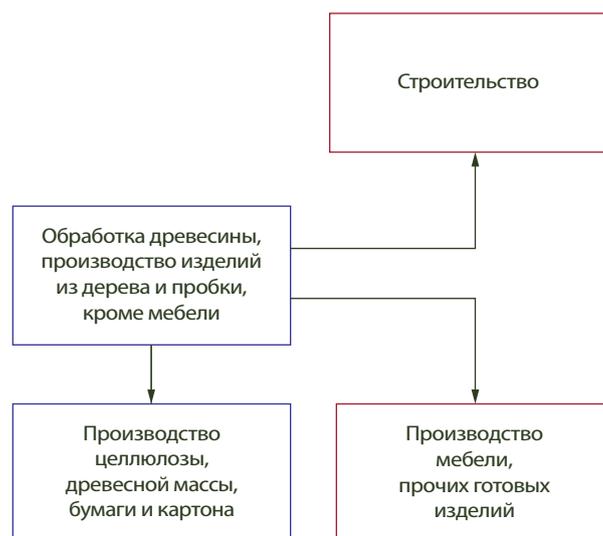

Рис. 4. Виды экономической деятельности в ЦСС лесопромышленного комплекса Вологодской области, требующие стимулирования конечного спроса

Источник: составлено автором.

– второй этап – производство крупных узловых агрегатов, конкурирующих с западными и азиатскими аналогами в цене и качестве (двигатели, трансмиссии, гидравлические узлы);

– третий этап – полный цикл производства лесозаготовительных комплексов (харвестеры, форвардеры, транспортные автомобили).

Окончательная цель – насыщение внутреннего рынка высокотехнологичной продукцией лесозаготовительного машиностроения и экспортная экспансия.

Внешнеторговые ограничения сильно повлияли на объемы лесозаготовки и лесопереработки. Согласно данным Рослесинфорга, объем экспорта необработанной древесины из России по итогам 2022 года упал на 70%, до 3,8 млн кубометров. Похожие цифры приводит WhatWood: по оценке агентства, поставки за рубеж упали втрое, до 3,5 млн кубометров. В целом совокупный объем экспорта необработанной древесины и пиломатериалов в 2022 году составил 27,1 млн кубометров⁶. Экспортные поставки переводятся на внутренний рынок, однако существующие мощности переработки древесины и низкий внутренний спрос на конечную

продукцию деревообработки ограничивают возможности модернизации лесозаготовительных предприятий. На наш взгляд, формирование нового вида экономической деятельности (речь идет о лесозаготовительном машиностроении) требует создания спроса на конечную продукцию (рис. 4).

Рассмотрим направления активизации внутреннего спроса на продукцию лесопромышленного комплекса Вологодской области.

1. Организация производства деревянных домов заводского изготовления на базе инновационных лесоматериалов

В г. Соколе Вологодской области налажено производство CLT-панелей и построены первые многоквартирные жилые дома из них. Преимущества технологии – огнестойкость, сейсмостойкость, отсутствие усадки, сопоставимая с бетоном прочность. Здания из CLT могут простоять без капитального ремонта около 50 лет, они в пять раз легче железобетонных. Это позволяет использовать при их возведении меньше строительной техники, строить на облегченных или уже существующих фундаментах. На производстве с помощью высокоточных станков в панелях сразу вырезаются дверные и оконные проемы, а также любые отверстия для проклад-

⁶ Бревня Русь. Экспорт необработанного леса рухнул на 70% в 2022 году // Коммерсант. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5785933?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

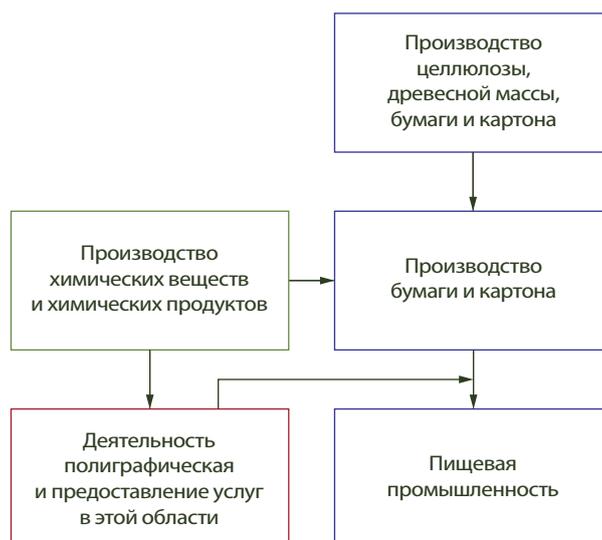

Рис. 5. Включение в ЦСС лесопромышленного комплекса Вологодской области перспективных видов деятельности на стыке двух отраслевых комплексов

Источник: составлено автором.

ки инженерных коммуникаций. Заводское качество панелей экономит время и материалы на внутренней отделке помещений. В целом строения из CLT возводятся в четыре раза быстрее, чем традиционные железобетонные конструкции⁷.

Ключевым фактором интенсификации деревянного домостроения могут стать ипотечные кредиты, выдаваемые для индивидуального жилищного строительства, субсидируемые федеральным или региональным бюджетом. Возможно заключение договоров муниципально-частного партнерства для осуществления строительства жилья под муниципальные и частные нужды.

Участниками проекта могут стать застройщики региона, ООО «Сокол СиЭлТи».

2. Производство прочих готовых изделий из дерева

В данном направлении переработка древесины может развиваться путем организации и поддержки промышленного производства древесных пеллет. Для бытовых и промышленных нужд топливные гранулы производятся в г. Вологде, г. Череповце, Харовском и Сокольском районах Вологодской области. Однако ключевой рынок сбыта (более 90%) – дальше зарубежье (Китай, Европа, Ближний Восток). Внешнеторговые ограничения вы-

нуждают производителей переориентировать логистику на дружественные рынки⁸.

Решение этой проблемы, а также наращивание производства могут осуществляться вследствие переоборудования муниципальных котельных под пеллетное топливо, что позволит сократить транспортные издержки для производителей, тем самым снизив себестоимость, увеличить спрос на их продукцию, а также повысить энергоэффективность коммунальной промышленности.

Бенефициарами эффектов от реализации направления могут стать:

- предприятия-производители пеллет на территории региона: АО «Вологодские лесопромышленники» (г. Вологда), ООО «Био-Тепло» (г. Вологда), ООО «ЛесТоргВологда» (г. Сокол) и др.;
- коммунальные предприятия Вологодской области, промышленные потребители;
- предприятия-производители пеллетных котлов.

3. Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона

Перспективным сегментом рынка в данном виде экономической деятельности является производство сырья для санитарно-гигиенической продукции и упаковки различного форм-фактора (рис. 5).

⁷ Данные ООО «Сокол СиЭлТи». URL: https://segezha-group.com/about/factory/sokol_si_el_ti

⁸ По данным Федеральной таможенной службы.

Также перспективным вследствие санкций становится производство малотоннажной химии, используемой в производстве упаковки для пищевой промышленности.

В Вологодской области по итогам первого полугодия 2022 года зафиксировано снижение производства пищевых продуктов, в т. ч. из-за нехватки упаковки для продукции. Регион имеет развитую целлюлозно-бумажную промышленность, представленную крупными комбинатами в г. Соколе, что формирует базу для производства упаковочных материалов из бумаги и картона. Однако в стране ограничено производство красящих пигментов и оптических отбеливателей. Основным конкурентом в данной отрасли является АО «Пигмент» (г. Тамбов), в планах которого обеспечить до 90% российского рынка оптических отбеливателей и пигментов⁹. Мы видим возможность для заполнения озвученной рыночной ниши вологодскими производителями, к которым относится предприятие «ARTEFF» (г. Череповец), производящее маркировочные составы для строительных работ и машиностроения. Партнером при реализации инвестиционных проектов может стать АО «ФосАгро», обладающее значительными инвестиционными ресурсами. Его интерес может заключаться в формировании диверсифицированного портфеля активов в химических производствах.

Кадровый и научно-технический потенциал, необходимый для развития данного вида экономической деятельности, может быть обеспечен как ведущими вузами региона, так и исследовательским центром «НИУИФ им. Я.В. Самойлова», проводящим научные изыскания в области неорганической и органической химии. Конкуренцию в области производства упаковочных материалов составляют подразделения оставшейся в России компании «TetraPak», размещенные в Московской области (ее мощностей из-за свертывания некоторых производственных линий на текущий момент недостаточно),

а также китайские производители. Однако при закупке упаковки в Азии имеются значительные логистические затруднения.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить возможности по развитию экономики региона на основе включения в ЦСС перспективных видов экономической деятельности. Используя полученные ранее результаты оценки относительно перспективности видов экономической деятельности, мы осуществили проектирование фрагментов цепочки создания добавленной стоимости лесопромышленной продукции, локализованных в Вологодской области. Отрасли специализации региона нашли развитие в формировании машиностроительной базы для лесного хозяйства, которая может стать основой производства схожей тяжелой техники для дорожных или строительных работ, в развитии источников внутреннего потребления продукции деревообрабатывающей промышленности за счет стимулирования деревянного домостроения и использования пеллетов в промышленности и домохозяйствах, а также сочетания двух отраслевых комплексов (химической промышленности и производства бумаги и картона) в целях обеспечения потребностей пищевой промышленности в упаковке.

Предложенные направления развития перспективных видов экономической деятельности, интегрируемых в цепочки создания добавленной стоимости лесопромышленной продукции, позволят устранить ряд проблем импортозамещения, а также сформировать виды деятельности, обеспечивающие более глубокую переработку продукции, что в целом положительно влияет на экономическую динамику. Дальнейшие исследования будут нацелены на разработку мер государственной поддержки перспективных видов деятельности и механизмов их реализации, а также прогнозирование эффектов от реализации инвестиционных проектов в рамках ре-

⁹ Тамбовский завод «Пигмент» обеспечит импортозамещение российским целлюлозно-бумажным предприятиям // ПроТамбов. URL: <https://protambov.ru/2022/04/22/tambovskij-zavod-pigment-obepechit-importozameshhenie-rossijskim-celljulozno-bumazhnym-predpriyatijam>

позиционирования региона в цепочках создания добавленной стоимости. Перспективным направлением исследования также выглядит построение межрегиональных ЦСС с применением методологии поиска перспективных специализаций макрорегиона.

Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти при разработке стратегических до-

кументов по экономической политике, в т. ч. структурной, отраслевых стратегий развития лесопромышленного комплекса, инвестиционных паспортов и стандартов. Также они будут полезны широкому кругу исследователей, занимающихся вопросами структурной политики, анализом, проектированием и моделированием ЦСС, проблемами региональной экономики в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Колесников Н.Г., Толстогузов О.В. (2016). Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект // Балтийский регион. Т. 8. № 2. С. 30–47. DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-2-2>
- Котов А.В. (2022). Актуальные вызовы для немецкого бизнеса на российском рынке // Современная Европа. № 3 (110). С. 104–116. DOI: 10.31857/S0201708322030081
- Лукин Е.В. (2022). Регулирование межрегиональных цепочек добавленной стоимости: проблемы анализа и моделирования // Проблемы прогнозирования. № 1 (190). С. 19–33. DOI: 10.47711/0868-6351-190-19-33
- Модели, анализ и прогнозирование пространственной экономики (2022) / отв. ред. В.И. Суслов, науч. ред. Ю.С. Ершов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 480 с.
- Новый импульс Азиатской России: монография (2022) / под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Сулова. Новосибирск: ФГБУ «Сибирское отделение РАН». 572 с. DOI: 10.53954/9785604782491
- Румянцев Н.М. (2021). Лесопромышленный комплекс как приоритет структурной политики Вологодской области // Проблемы развития территории. Т. 25. № 6. С. 51–66. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.3
- Румянцев Н.М. (2022). Обоснование отраслевых приоритетов региональной структурной политики с использованием межотраслевого // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. № 4. С. 295–309.
- Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г., Губанова Е.С. (2022). Определение отраслевых приоритетов структурной трансформации региона на основе поиска перспективных экономических специализаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 94–109. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.5
- Ускова Т.В., Кожевников С.А., Лукин Е.В. [и др.] (2022а). Российские территории: 30 лет в условиях рынка: монография / под общ. ред. В.А. Ильина; Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 315 с.
- Ускова Т.В., Кувалин Д.Б., Лукин Е.В., Широкова Е.Ю., Зинченко Ю.В. (2022б). Производственный сектор экономики Северо-Запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1
- Широв А.А. (2018). Трансформация структуры экономики: механизмы и управление: монография. Москва: МАКС Пресс. 264 с.
- Широкова Е.Ю. (2022). Внешнеторговая зависимость экономики регионов СЗФО: проблемы и возможности // Вопросы территориального развития. Т. 10. № 1. DOI: 10.15838/ttdi.2022.1.61.3. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/29318>
- Шишелов М.А. (2020). Потенциал стратегической альтернативы развития лесного комплекса Республики Коми // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 4 (70). С. 139–150. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2020.70.012

- Ashton B. (2020). Intelligent technology scanning: Aims, content, and practice. *Foresight and STI Governance*, 14 (3), 15–29. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.3.15.29
- Boschma R. (2013). Constructing regional advantage and smart specialization: Comparison of Two European Policy Concepts. *Evolutionary Economic Geography Series Paper №13.22*. Utrecht: University of Utrecht.
- Calof J., Richards G., Smith J. (2015). Foresight, competitive intelligence and business analytics – tools for making industrial programmes more efficient. *Foresight-Russia*, 9 (1), 68–81. DOI: 10.17323/1995-459x.2015.1.68.81
- Hidalgo C.A. [et al.] (2007). The product space conditions the development of nations. *Science*, 317 (5837), 482–487.
- Kutsenko E., Islankina E., Kindras A. (2018). Smart by oneself? An analysis of Russian Regional innovation strategies within the RIS3 framework. *Foresight and STI Governance*, 12 (1), 25–45. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.1.25.45
- Oosterhaven J., Hewings G. (2014). Interregional input-output models. In: *Handbook of Regional Science*. Berlin, Heidelberg: Springer, 875–901. DOI: 10.1007/978-3-642-23430-9_43
- Паап J. (2020) Mapping the technological landscape to accelerate innovation. *Foresight and STI Governance*, 14 (3), 41–54. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.3.41.54

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никита Михайлович Румянцев – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Rumyantsev N.M.

REPOSITIONING OF THE REGIONAL ECONOMY IN VALUE CHAINS BASED ON THE SEARCH FOR PROMISING SPECIALIZATIONS: THE CASE OF THE TIMBER INDUSTRY COMPLEX OF THE VOLOGDA OBLAST

The slowdown of the Russian economy as a result of increased sanctions pressure was less significant than predicted in 2022. The rapid adaptation of Russian business and government support of the economy made it possible to compensate for the negative effects of sanctions. However, the adaptation period is coming to an end, and Russia's economy must move to a structural transformation relying on internal sources of growth. Sectoral priorities of structural policy in the regions should be promising economic activities that integrate into existing value chains, deepening the processing of products and eliminating "bottlenecks". In this regard, the purpose of the study is to develop and justify the directions of repositioning the regional economy in value creation chains, relying on promising economic activities. To achieve it, it requires solving such tasks as building the existing value creation chain, identifying its most vulnerable links, and the formation of measures to support and develop promising economic activities that are organically integrated into the value creation chain. The information base of the study was the works of Russian and foreign authors in the field of structural policy, value creation chains, the search for perspective specializations and intersectoral modeling, data from Rosstat, "Spark-Interfax", the state information resource of accounting statements. The scientific novelty of the work is the application of our approach to the identification of promising specializations in the transformation of value creation chains in the regional economy. The results of the study can be used by public authorities in the development of strategic documents on economic policy, including structural, industry strategies, investment

passports and standards. The results will also be useful to a wide range of researchers working on issues of structural policy, analysis, design and modeling of value creation chains, the problems of the regional economy as a whole.

Structural transformation, value creation chains, promising economic activities, repositioning of the regional economy, timber industry complex.

REFERENCES

- Ashton B. (2020). Intelligent technology scanning: Aims, content, and practice. *Foresight and STI Governance*, 14(3), 15–29. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.3.15.29
- Boschma R. (2013). Constructing regional advantage and smart specialization: Comparison of two European policy concepts. *Evolutionary Economic Geography Series Paper №13.22*. Utrecht: University of Utrecht.
- Calof J., Richards G., Smith J. (2015). Foresight, competitive intelligence and business analytics – tools for making industrial programmes more efficient. *Foresight-Russia*, 9(1), 68–81. DOI: 10.17323/1995-459x.2015.1.68.81
- Ershov Yu.S., Suslov V.I. (Eds.). (2022). *Modeli, analiz i prognozirovanie prostranstvennoi ekonomiki* [Models, Analysis and Forecasting of the Spatial Economy]. Novosibirsk: IEIE SB RAS.
- Hidalgo C.A. et al. (2007). The product space conditions the development of nations. *Science*, 317(5837), 482–487.
- Kolesnikov N.G., Tolstoguzov O.V. (2016). Structural changes in the economy of the Russian Northwest: Spatial dimension. *Baltiiskii region=The Baltic Region*, 8(2), 30–47. DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-2-2>
- Kotov A.V. (2022). Current challenges for German business in the Russian market. *Sovremennaya Evropa=Contemporary Europe*, 3(110), 104–116. DOI: 10.31857/S0201708322030081
- Kryukov V.A., Suslov N.I. (Eds.). (2022). *Novyi impul's Aziatskoi Rossii: monografiya* [New Impulse of Asian Russia: a Monograph]. Novosibirsk: FSBI "Siberian Branch of the RAS". DOI: 10.53954/9785604782491
- Kutsenko E., Islankina E., Kindras A. (2018). Smart by oneself? An analysis of Russian regional innovation strategies within the RIS3 framework. *Foresight and STI Governance*, 12(1), 25–45. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.1.25.45
- Lukin E.V. (2022). Regulation of interregional value chains: Problems of analysis and modeling. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 1(190), 19–33. DOI: 10.47711/0868-6351-190-19-33
- Oosterhaven J., Hewings G. (2014). Interregional input-output models. In: *Handbook of Regional Science*. Berlin, Heidelberg: Springer. DOI: 10.1007/978-3-642-23430-9_43
- Paap J. (2020) Mapping the technological landscape to accelerate innovation. *Foresight and STI Governance*, 14(3), 41–54. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.3.41.54
- Rumyantsev N.M. (2021). Timber industry as a priority of the Vologda Oblast structural policy. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 25(6), 51–66. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.3
- Rumyantsev N.M. (2022). Justification of industrial priorities of regional structural policy using intersectoral modeling. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki=PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 4, 295–309
- Rumyantsev N.M., Leonidova E.G., Gubanova E.S. (2022). Defining sectoral priorities of the region's structural transformation by searching for promising economic specializations. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 94–109. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.5
- Shirokova E.Yu. (2022). Foreign trade economic dependence of the NWFD regions: Problems and opportunities. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 10(1). DOI: 10.15838/tdi.2022.1.61.3. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/29318>
- Shirov A.A. (2018). *Transformatsiya struktury ekonomiki: mekhanizmy i upravlenie: monografiya* [Transformation of the Economic Structure: Mechanisms and Management: A Monograph]. Moscow: MAKS Press.

- Shishelov M.A. (2020). The potential of a strategic alternative of the forestry sector development in the republic of Komi. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka=The North and the Market Forming the Economic Order*, 4(70), 139–150. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2020.70.012
- Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Lukin E.V. et al. (2022a). *Rossiiskie territorii: 30 let v usloviyakh rynka: monografiya* [Russian Territories: 30 Years in Market Conditions: A Monograph]. Vologda: VolRC RAS.
- Uskova T.V., Kuvalin D.B., Lukin E.V., Shirokova E.Yu., Zinchenko Yu.V. (2022b). The manufacturing sector of the economy of Northwest Russia: Problems of adaptation and prospects of functioning under sanctions. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 26(6), 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita M. Rumyantsev – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.3

УДК 332.851 | ББК 65.04

© Федорова А.В., Емельянова Е.Г., Кузьменков А.А.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИИ

АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА ФЕДОРОВА

Карельский научный центр РАН
Петрозаводск, Российская Федерация
e-mail: annastasia.vi@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6994-9642

ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА ЕМЕЛЬЯНОВА

Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Российская Федерация
e-mail: zhenemel@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9464-2546

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ КУЗЬМЕНКОВ

Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Российская Федерация
e-mail: akka1977@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6365-4421

В статье охарактеризованы тенденции развития жилищного строительства в Республике Карелии и отмечены факторы, влияющие на динамику показателей. Особенностью исследования является анализ показателей жилищного строительства в муниципальном разрезе, что позволило получить углубленную характеристику региона в этой сфере. Представлен обзор статистических данных по жилищному строительству за период 1995–2021 гг.: общий ввод жилья и объемы ввода индивидуального жилищного строительства, принадлежности жилых домов по городской и сельской местности, их распределение по материалам стен и этажности, удельные

Для цитирования: Федорова А.В., Емельянова Е.Г., Кузьменков А.А. (2023). Тенденции развития жилищного строительства в муниципальных образованиях Республики Карелии // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 23–39. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.3

For citation: Fedorova A.V., Emel'yanova E.G., Kuz'menkov A.A. (2023). Development trends of housing construction in the Republic of Karelia municipalities. *Problems of Territory's Development*, 27 (2), 23–39. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.3

показатели доли индивидуального жилищного строительства в структуре общего ввода жилья, а также рассчитаны показатели темпов ввода в действие индивидуальных жилых домов в общем вводе жилья по районам республики. В работе применены методы экономико-математического моделирования, ретроспективного и статистического анализа. При исследовании жилищного строительства в разрезе муниципальных образований авторами статьи была разработана типология районов Республики Карелии по темпам ввода в действие жилых домов. В разрезе муниципальных образований региона представлен графический материал по темпам ввода в действие жилых многоквартирных домов и индивидуальных жилых домов. По результатам проведенного анализа показателей в сфере жилищного строительства региона отмечены основные факторы и тенденции выявленных изменений. Выделены ключевые направления деятельности производственно-строительного кластера Республики Карелии в области строительства жилья. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти при разработке программ стратегического развития экономики региона, а также членами бизнес-ассоциаций и профессионального сообщества.

Жилищное строительство муниципальных образований, индивидуальное жилищное строительство муниципальных образований, жилищное строительство в городской и сельской местности, материал стен для жилищного строительства, производственно-строительный кластер, пространственное развитие.

Введение

Жилищное строительство является одной из значимых социально-экономических подсистем в системе устойчивого развития экономики как страны, так и ее отдельного региона. Исследования в этой сфере никогда не теряют своей актуальности, так как выступают индикаторами состояния социального и экономического развития, характеризующими качество жизни населения в регионах Российской Федерации.

Обзор литературы показал, что данная тема привлекает внимание и отечественных, и зарубежных ученых. Например, исследование (Salmi et al., 2022) посвящено роли муниципальных образований в устойчивом развитии строительства жилья на примере Финляндии. В результате проведенного социального опроса и интервьюирования авторы статьи оценили положительный эффект от реализации национальных программ Финляндии в сфере содействия развитию деревянного жилищного строительства и рекомендовали данную практику при формировании будущих дорожных карт в вопросах социально-экономической политики. Однако в этой работе авторы дают общие рекомендации, не выделяя особенности применяемого опыта для различных социальных групп населения, имеющих различ-

ные потребности и возможности в решении своей жилищной проблемы.

К примеру, более узкая специфика исследования отражена в работе (Heller et al., 2022), где рассматривается вопрос решения муниципалитетами проблемы доступности жилья для пожилого населения в Швеции. В ходе исследования был проведен социологический опрос большого количества респондентов среди представителей пяти муниципалитетов Швеции – местного пожилого населения, чиновников, архитекторов и застройщиков, с разным уровнем дохода, жилищными условиями и географическим расположением местожительства с целью формирования новых подходов текущей жилищной политики для данной категории населения. Аналогичной тематике посвящено исследование (Kamranniya, 2022), результаты которого также представляют ценность при формировании превентивных мер в рамках существующего законодательства о пространственной справедливости и жилищного обеспечения малообеспеченных семей в Иране.

Однако несмотря на то, что вышеуказанные исследования относятся к одному временному периоду проведения (2022 год), авторы не рассматривают вопросы трансформационного влияния пандемии COVID-19 на по-

требительские запросы в решении жилищной проблемы. Вопрос, как пандемия COVID-19 повлияла на жилищные решения, принимаемые застройщиками и покупателями, на интенсивность и пространственное распределение жилищного строительства в одном из крупнейших польских городов Лодзи и соседних муниципалитетах, поднимается в работе (Załączna, Antczak-Stepniak, 2022). Результаты исследования показали увеличение спроса на незастроенные участки земли за городом и отток населения в эти районы. Такая тенденция особенно привлекательна для семей с детьми. В центральной части, наоборот, отмечено развитие рынка жилья, предназначенного в основном в аренду для работников компаний и предприятий городов. Однако упускается проблемное поле вопросов, связанное с существующим конфликтом интересов между застройщиками жилья и городской администрацией. Этой проблеме посвящено исследование¹, где анализируются, как требования муниципальной устойчивости влияют на застройщиков жилья при планировании и разработке проектов на примере уже реализованной программы городского развития. Выделен ряд факторов, оказывающих существенное влияние на ход данных процессов. Наиболее значимым из них был назван фактор отсутствия гибкости при установке муниципальных требований, порождающий конфликт интересов в сочетании со снижением автономии и взаимозависимости между участвующими субъектами, что ведет к отсутствию доверия и прозрачности действий между ними.

В статье (Drápela, 2020) освещается проблема межрегиональных различий чешских регионов. Исследование интенсивности жилищного строительства в Чехии за 20-летний период опровергло гипотезу авторов о влиянии таких факторов, как неблагоприятная экологическая обстановка, наличие более высокой доли социально незащищенного населения, низкое предложение рабочих мест в том или ином районе, на стоимость жилья в нем. Главным фактором,

влияющим на ценообразование жилищного строительства, оказался фактор доступности жилого района по отношению к основным экономическим центрам Чехии. При этом в ходе анализа не был задействован ряд других немаловажных показателей, упомянутых в исследовании (Costa da Silva, 2017), посвященном созданию и изучению многофакторной теоретико-экономической модели роста городского населения муниципальных образований в Бразилии. Предложенная модель включала 13 параметров, влияющих на рост населения. В результате исследования было выявлено пять ключевых факторов, оказывающих воздействие в долгосрочной перспективе на тенденции рынка жилищного строительства: численность сельского населения и его плотность, уровень рождаемости и смертности, а также уровень грамотности населения.

При анализе отечественных исследований по данной теме выявлено, что вопросам изучения доминирующих тенденций на рынке жилья посвящены работы (Литвинова, 2011; Вохмянин, 2015; Емельянова, Чапаргина, 2020). Основными индикаторами оценки развития жилищного рынка в них выступают показатели объемов ввода в действие жилья, состояния жилищного фонда, предоставляемого объема коммунальных услуг. Однако в названных работах не анализируется аспект «социально-эколого-экономической эффективности» жилищного строительства как инструмента управления устойчивым развитием жилищного фонда, выделенный и обоснованный в труде (Ovsiannikova et al., 2021).

Также в целях более углубленного анализа необходимо рассматривать этот вопрос в совокупности с существующими проблемами жилищного рынка. В исследовании (Simonyan, 2021) было выявлено пять основных негативных тенденций развития рынка недвижимости РФ: сокращение предложения жилья и одновременное увеличение спроса на него, ухудшение конкурентной среды на рынке жилья в связи с уходом ма-

¹ Candel M. (2020). Co-Developing sustainability requirements: Exploring client and municipal perspectives in housing development: Doctoral dissertation. Stockholm: KTH Royal Institute of Technology.

лых и средних игроков, олигополизация рынка и рост цен на жилье. Заметим, что при очевидном существовании проблем в сфере жилищного строительства авторы не затрагивают вопросы цифровизации строительства и возможности применения данного аспекта для их решения. Так, в исследовании (Viktorov, 2022) автор доказывает гипотезу о том, что экономический подъем отрасли жилищного строительства возможен посредством новаторского подхода через создание качественно новой цифровой среды в жилищном секторе для управления жизненным циклом строительной продукции.

В пространственном аспекте реализуется сравнительный анализ вышеупомянутых показателей относительно Российской Федерации и федеральных округов (Залкинд, 2010; Печенская, Ильинский, 2017), однако авторы не углубляют исследования относительно особенностей аналогичных показателей по муниципальным образованиям, что позволило бы сделать анализ более точным.

Рассматриваемая проблематика отражена и в работах ученых Республики Карелии (Тимаков, 2011; Гашков, 2012; Морозова, 2013; Кадникова, 2014). Однако материал, представленный в этих трудах, на сегодняшний день потерял свою актуальность и не затрагивает указанную тему с точки зрения производственно-строительного кластера.

Результаты нашего исследования рассматриваются в контексте потенциального использования для оценки возможности формирования производственно-строительного кластера на территории Республики Карелии. Кластерный подход предполагает концентрацию сети производителей, потребителей, поставщиков, инфраструктуры, взаимосвязанных между собой при создании строительной продукции внутри определенной территории. Формирование регионального кластера является хорошей основой для сохранения и наращивания темпов развития строительного комплекса региона (Санжицыренова, Беппле, 2013; Кудрявцева, Корнилова, 2014). Вопросам обеспечения доступным жильем населения Республики Карелии уделяется значительное внимание

в программах социально-экономического развития разных периодов, а применение кластерного подхода к этим вопросам может помочь переосмыслить и изменить сложившиеся подходы к решению жилищной проблемы в республике.

Сектор жилищного строительства рассматривается нами как один из объектов приложения деятельности территориально-производственно-строительного кластера. Цель исследования заключается в оценке регионального сектора жилищного строительства в Республике Карелии, определении тенденций его развития и факторов, формирующих эти тенденции, в разрезе муниципальных образований. Для реализации поставленной цели оцениваются следующие индикаторы:

- демографические показатели и обеспеченность населения жильем;
- строительство многоквартирных жилых домов;
- развитие жилищного строительства в сельских населенных пунктах;
- индивидуальное жилищное строительство (ИЖС);
- распределение жилых домов по используемым для строительства материалам стен.

Научная новизна работы состоит в самой постановке проблемы исследования – идее кластеризации строительного комплекса Республики Карелии. Несмотря на то, что опыт создания производственно-строительных кластеров успешно реализован в ряде субъектов Российской Федерации, для данной территории такой подход является новым, еще не апробированным инструментом повышения конкурентоспособности строительного комплекса.

Для справки отметим, что в 2018 году был создан Центр кластерного развития – структурное подразделение Корпорации развития Республики Карелии. Центр оказывает содействие формированию и развитию пяти территориальных кластеров республики по туристическому, медицинскому, агропромышленному, кинематографическому, машиностроительному и IT направлениям.

Очевидно, что данный подход в контексте строительного комплекса республики находится в зачаточном состоянии и является недостаточно изученным. Вопросы жилищного строительства в муниципальном разрезе изучаются в связи с необходимостью определения характера будущего потребления строительной продукции кластера, перспективности развития и внедрения новых для республики технологий жилищного строительства и оценки возможности формирования производственного потенциала для их реализации с ориентацией на использование местных ресурсов.

Таким образом, можно выделить элементы научной новизны исследования:

- авторами разработана типология районов Республики Карелии по темпам ввода в действие жилых многоквартирных домов и домов индивидуального жилищного строительства;

- составлен картографический материал по разработанной типологии, в значительной степени улучшающий восприятие оценки пространственного развития муниципальных образований республики по рассматриваемому вопросу;

- определены параметры рынка жилищного строительства республики на современном этапе его развития, с выделением ключевых особенностей для каждого муниципального района.

Материалы и методы

Проблематика и применяемые методы исследования сферы жилищного строительства имеют большое разнообразие и представлены в трудах отечественных авторов, в том числе материалах научно-исследовательских работ Института экономики КарНЦ РАН и ПетрГУ. Информационную базу составили данные Федеральной службы государственной статистики и территориального органа Федеральной службы государствен-

ной статистики по Республике Карелии. В качестве основного исследуемого периода был выбран временной период 1995–2021 гг.

Основным материалом для анализа послужили построенные авторами временные ряды по следующим статистическим показателям: общий ввод жилья и ввод объемов ИЖС, принадлежность жилых домов по городской и сельской местности, их распределение по материалам стен и этажности, удельные показатели доли ИЖС в структуре общего ввода жилья, а также были рассчитаны показатели темпов ввода в действие индивидуальных жилых домов в общем вводе жилья по районам республики.

В качестве объекта исследования была выбрана Республика Карелия – одна из шести территорий, входящих в северный экономический район Российской Федерации. Муниципальное устройство республики включает два городских округа (Петрозаводский и Костомукшский) и 16 муниципальных районов.

В составе территории республики находятся как районы, приравненные к районам Крайнего Севера (далее – районы ПКС), так и районы Крайнего Севера (далее – районы КС). К районам Крайнего Севера относятся Беломорский, Калевальский, Лоухский, Кемский районы и Костомукшский городской округ². Территория республики поделена на две ценовые зоны – 1 зону составляют районы ПКС, 2 зону – районы КС. Такая географическая особенность республики влияет на формирование тенденций развития строительства и ввода жилья на данной территории в условиях севера. Среди факторов, оказывающих существенное влияние, можно отметить комплекс климатических воздействий, отличных от эталонного района (Московской области), повышенные затраты труда на производство единицы строительной продукции и использование специальных строительных технологий, влияние зимних удорожаний при формировании стоимости 1 кв. м жилья.

² Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР: Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 1946.

Таблица 1. Демографические показатели и обеспеченность населения жильем в Республике Карелии

Наименование муниципального образования	Всего населения (2021 год), чел.	Динамика изменения населения (по сравнению с 2020 годом), %	Естественный прирост (убыль) населения на 1000 чел. населения, чел.
Петрозаводский городской округ	280711	-0.1	-7,67
Костомукшский городской округ	30273	0.5	-4,93
Беломорский район	15151	-1.8	-22,19
Калевальский район	6489	-1.1	-20,05
Кемский район	13961	-2.1	-27,16
Кондопожский район	34521	-1.9	-7,40
Лахденпохский район	12298	-1.4	-47,71
Лоухский район	10619	-2	-16,56
Медвежьегорский район	26475	-2.1	-9,80
Муезерский район	9241	-2.3	-62,15
Олонецкий район	19802	-1.4	-10,44
Питкярантский район	16895	-1.5	-22,25
Прионежский район	21931	-1.2	-15,58
Пряжинский район	14049	-0.6	-16,05
Пудожский район	16694	-2.1	-14,06
Сегежский район	34761	-1.7	-7,32
Сортавальский район	30366	-0.8	-17,22
Суоярвский район	14834	-1.5	-18,73

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелии (Карелиястат). URL: https://krl.gks.ru/main_indicators

Результаты и обсуждение

Республика Карелия по показателю ввода жилья находится на 27 месте среди субъектов Российской Федерации и занимает пятое место среди субъектов, входящих в Северо-Западный федеральный округ (Федорова, 2022). В 2021 году в Карелии было сдано в эксплуатацию 4320 квартир общей площадью 324,5 тыс. кв. м. Это максимальный показатель за последние 30 лет наблюдения, на 10,3% больше по сравнению с 2020 годом. В целом динамику показателей общего ввода жилья по республике с 2000 года можно охарактеризовать как стабильно положительную.

Одной из причин, вносящих существенный вклад в развитие нынешних показателей динамики, является реализация национального проекта «Жилье и городская среда», в т. ч. адресной программы регионального назначения по переселению граждан из аварий-

ного жилищного фонда на 2019–2025 гг., закрепленной Постановлением Правительства Республики Карелии от 28 марта 2019 года № 136-П, и регионального проекта «Жилье». По данному проекту объем жилищного строительства за 2021 год превысил плановые показатели на 28%, при этом объемы жилищного строительства в разрезе МКД в 2021 году снизились на 22,27% по сравнению с 2020 годом, но вместе с этим возросла доля ввода ИЖС – на 50,24% по сравнению с 2020 годом³. Несомненно, реализация федеральных целевых программ является эффективным инструментом регионального развития, вносящим значительный вклад в решение социально-экономических задач.

Демографические показатели и обеспеченность населения жильем в Республике Карелии

В табл. 1 представлены данные по демографическому развитию и обеспеченности

³ Реализация национального проекта «Жилье и городская среда». URL: <https://gov.karelia.ru/karelia/natsionalnye-proekty/8438/181422>

жильем населения в разрезе муниципальных образований республики за 2021 год, а также в сравнении с предыдущим годом. В целом для Карелии характерна общая тенденция снижения численности населения.

Говоря об обеспеченности населения жильем (табл. 2), отметим, что в целом по республике этот показатель составляет 30,4 кв. м / чел., что выше, чем аналогичный показатель по Российской Федерации – 27,8 кв. м / чел. В сравнении с 2017 годом показатель имеет тенденцию к росту.

Высокая обеспеченность населения жильем характерна для Калевальского, Муезерского и Лоухского районов, что объясняется рядом факторов: преобладанием ИЖС в общем объеме жилья (площадь индивидуального дома в сравнении всегда больше, чем площадь жилья в многоквартирном доме), высоким показателем убыли населения за последние годы, что привело к малонаселенности этих райо-

нов. Низкая обеспеченность характерна для Прионежского, Лахденпохского районов и Костомукшского городского округа, несмотря на то, что за 2021 год в них фиксируются одни из самых больших показателей по темпу прироста обеспеченности. В густонаселенных муниципальных образованиях (Петрозаводский городской округ, Сегежский и Кондопожский районы) обеспеченность жильем ниже, чем в среднем по республике, и ее значения сравнимы со средним показателем по РФ.

Многokвартирное жилищное строительство в Республике Карелии

Анализируя динамику темпов роста строительства многоквартирных жилых домов, за исключением индивидуального жилищного строительства, в разрезе городов и районов республики за 1995–2020 гг., отметим, что муниципальные образования республики по этому показателю можно разделить на три группы (рис. 1).

Таблица 2. Обеспеченность населения жильем (в среднем на одного жителя) в Республике Карелии за период 2017–2021 гг., кв. м

Наименование муниципального образования	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	Темп прироста обеспеченности жильем (по сравнению с 2017 годом), %
Петрозаводский городской округ	25.6	25.8	26.3	26.94	27.6	7.81
Костомукшский городской округ	22.1	22.9	22.9	23.1	23.4	5.88
Беломорский муниципальный район	32.5	35.2	36.1	34.7	33.9	4.31
Калевальский муниципальный район	33.8	34.6	35.1	35.8	37.0	9.47
Кемский муниципальный район	27.6	29.1	29.1	29.5	31.0	12.32
Кондопожский муниципальный район	26.0	27.6	28.5	28.8	28.7	10.38
Лахденпохский муниципальный район	17.1	17.9	18.2	19.5	21.8	27.49
Лоухский муниципальный район	31.2	33.8	34.7	35.5	35.6	14.10
Медвежьегорский муниципальный район	22.8	31.5	32.9	34.7	35.4	55.26
Муезерский муниципальный район	31.9	33.1	34.6	35.4	36.8	15.36
Олонецкий муниципальный район	33.5	21.9	22.3	23.2	24.2	-27.76
Питкярантский муниципальный район	30.2	30.9	31.6	31.9	33.5	10.93
Прионежский муниципальный район	20.4	20.8	21.6	22.1	24.1	18.14
Пряжинский муниципальный район	29.2	30.8	31.8	32.6	31.9	9.25
Пудожский муниципальный район	30.0	31.2	32.2	32.2	33.8	12.67
Сегежский муниципальный район	27.5	28.1	28.6	28.3	28.8	4.73
Сортавальский муниципальный район	22.3	23.4	23.9	24.6	24.88	11.57
Суоярвский муниципальный район	30.5	32.2	32.9	33.2	34.7	13.77

Составлено по: Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Карелии за 2017–2021 гг. URL: <https://gov.karelia.ru/upload/medialibrary/7d2/inatqynw9blv2ib412inu0u9lwcijshk/SVODNYY-DOKLAD.pdf>

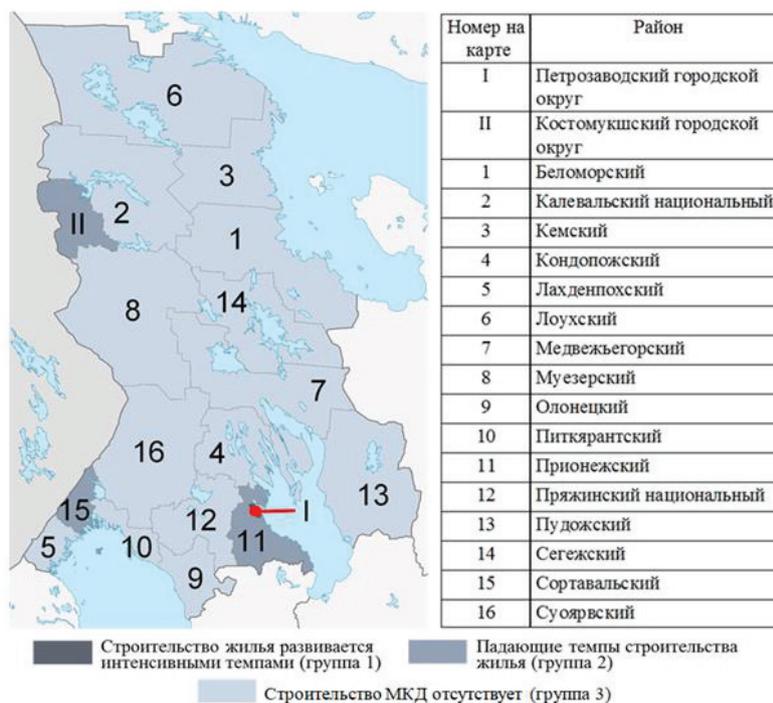

Рис. 1. Типология районов Республики Карелии по темпам ввода в действие жилых многоквартирных домов

Составлено по: Строительство и ввод в действие объектов в Республике Карелии (2022): стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелии (Карелиястат). Петрозаводск. 35 с. (выпуски с 1998 по 2022 год).

В группу 1 был отнесен Петрозаводский городской округ, так как строительство многоквартирного жилья коммерческими организациями в нем развивается интенсивными темпами (темп роста показателя по отношению к началу периода исследования – 1995 году – составил более 100%). В группу 2 с падающими темпами показателя строительства (темп роста составил менее -50%) попали Костомукшский городской округ, Прионежский и Сортавальский районы. В группу 3 вошли все остальные районы республики, так как строительство многоквартирных жилых домов в них не ведется.

В ранее выполненном исследовании (Кузьменков, 2013) был сделан прогноз о преимущественном развитии индивидуального жилищного строительства на региональном рынке Республики Карелии в 1990–2015 гг. Анализируя актуализированные данные (Федорова, 2022) на текущий момент времени, можно констатировать, что сделанные ранее прогнозы и выводы подтвердились.

По предварительным данным за 2022 год тенденции сохраняются – при общем вводе жилья в объеме 310 тыс. кв. м объем ввода индивидуальных жилых домов составил 181 тыс. кв. м.

Развитие жилищного строительства в сельских населенных пунктах

При анализе распределения ввода в действие жилых домов по республике в целом, а также по городской и сельской местности можно отметить, что до 2016 года устойчиво сохранялась тенденция более высоких объемов жилищного строительства в городах и поселках городского типа. Например, в 2015–2016 гг. доля ввода городского жилья составляла 91,6 и 81,2% соответственно, а сельского – 8,4–18,8%. Существенный разрыв между объемами строящегося жилья для городского и сельского населения республики начал происходить с 2017 года, в 2021 году он достиг своего исторического максимума. В сельской местности в расчете на 1000 человек населения в 2021 году было

введено на 625 кв. м больше жилой площади по сравнению с показателем по городским территориям, который в этом же году был меньше в 2,5 раза.

Такая тенденция характерна и для жилищного строительства в целом по Российской Федерации. К примеру, объем ввода жилья на сельских территориях по РФ с 2017 по 2021 год увеличился в 1,4 раза.

При этом развитие жилищного строительства в сельских населенных пунктах почти полностью обеспечивается за счет индивидуального жилищного строительства. К примеру, доля ИЖС к общему вводу жилых домов в 2021 году в сельских территориях составила 99,6%, а в городах и поселках городского типа – 39,3%. Значимый вклад в развитие этой тенденции вносит реализация региональных целевых программ, направленных на комплексное развитие сельских территорий и закрепление населения на них. Таким образом, данные факты показывают тенденцию развития жилищного строительства на сельских территориях, которая стабильно сохраняется в течение четырех последних лет.

Индивидуальное жилищное строительство

При сравнительном анализе динамики изменения показателей общего ввода жилья и ИЖС можно отметить, что в целом динамика развития ИЖС является более равномерной. Это указывает на меньшую подверженность ИЖС влиянию внешних экономических факторов и характеризует рынок ИЖС как рынок с более гибкой структурой, способный быстрее отвечать на изменения, происходящие во внешней среде, что выступает его значимым преимуществом. Прогнозируемая динамика развития объемов ИЖС стабильно имеет тенденцию к росту.

Удельный вес индивидуальных жилых домов в общем объеме ввода жилья на 2021 год в целом по республике составил 61,2%, а в 2022 году – 58%. Также заметим, что показатель доли ввода ИЖС по Республике Карелии на 8,2 процентных пункта превышает значение показателя по Российской Федерации в целом.

Развитие ИЖС в республике может выступать как хорошее альтернативное решение существующей проблемы улучшения жилищных условий населения. Для дальнейшего исследования ИЖС в Республике Карелии за период 1995–2021 гг. были рассчитаны показатели темпов ввода в действие индивидуальных жилых домов в общем объеме ввода жилья по районам республики (табл. 3).

Таким образом, районы республики были разделены на четыре группы в зависимости от выявленного темпа развития ИЖС. Районы, где показатель роста ИЖС за рассматриваемый период превышал 2000 п. п., вошли в группу 1. Она была охарактеризована как совокупность территорий, на которых развитие ИЖС идет интенсивными темпами. Районы с темпом роста ИЖС в пределах 600–2000 п. п. были отнесены к группе 2. Развитие ИЖС в них можно охарактеризовать как умеренно динамичное. В группу 3 определены районы с низкими темпами развития ИЖС – менее 600 п. п. Отметим, что расчетные данные темпов роста ИЖС были представлены и отрицательными показателями, в связи с этим отдельно выделена группа 4.

В ходе углубленного анализа показателей ИЖС в разрезе муниципальных районов выявлены дифференцированные темпы развития. На 70% территории республики (в том числе в Петрозаводском и Костомукшском городских округах) ИЖС развивается активными темпами. Эту долю составляет большинство районов республики, которые представлены группой 1 и группой 2 по предложенной авторами типологии (рис. 2).

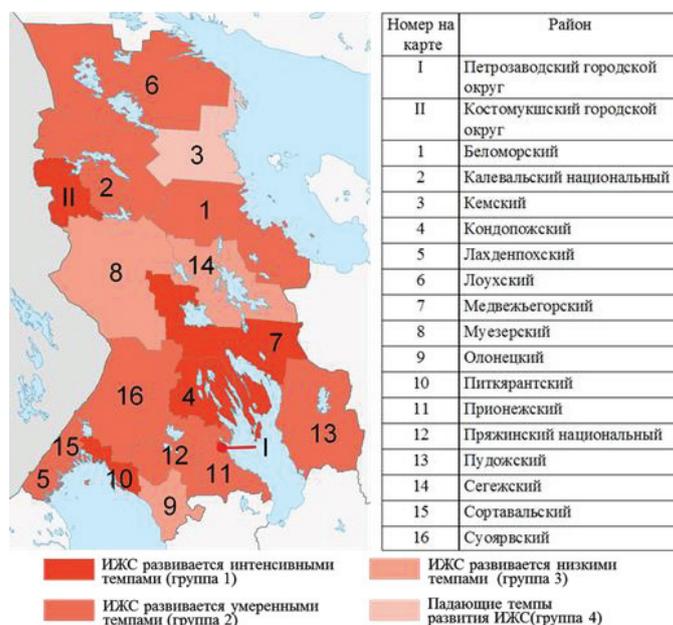
Три района республики (Муезерский, Олонецкий и Сегежский) в исследуемом периоде характеризуются низкими темпами развития ИЖС. Они были объединены в группу 3. В этих районах существует стабильная тенденция обеспечения показателей ввода жилья практически полностью за счет ввода индивидуальных жилых домов.

Среди районов, отнесенных к Крайнему Северу, в группу с интенсивным развитием ИЖС входит Костомукшский городской округ,

Таблица 3. Типология районов Республики Карелии по темпам ввода в действие индивидуальных жилых домов

Типология районов по темпам ввода в действие индивидуальных жилых домов	Характеристика темпа ввода в действие индивидуальных жилых домов в общем вводе жилья по районам республики 1995–2020 гг., %	Наименование районов	Принадлежность районов к зоне Российского Севера
Группа 1	Развивается интенсивными темпами (темп роста более 2000%)	Петрозаводский городской округ	ПКС
		Костомукшский городской округ	КС
		Кондопожский	ПКС
		Медвежьегорский	ПКС
		Питкярантский	ПКС
Группа 2	Развивается умеренными темпами (темп роста 600–2000%)	Беломорский	КС
		Лоухский	КС
		Калевальский национальный	КС
		Лахденпохский	ПКС
		Прионежский	ПКС
		Пряжинский	ПКС
		Пудожский	ПКС
		Сортавальский	ПКС
Группа 3	Развивается низкими темпами (темп роста до 600%)	Суоярвский	ПКС
		Муезерский	ПКС
		Олонецкий	ПКС
Группа 4	Падающие темпы развития (темп роста менее 0%)	Сегежский	ПКС
		Кемский	КС

Составлено по: Индивидуальное жилищное строительство в Республике Карелии (в 2004–2008 гг.): стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелии. Петрозаводск: Карелиястат (выпуски с 1998 по 2021 гг.).

Рис. 2. Типология районов Республики Карелии по темпам ввода в действие индивидуальных жилых домов

Составлено по: Индивидуальное жилищное строительство в Республике Карелии (в 2004–2008 гг.): стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелии. Петрозаводск: Карелиястат (выпуски с 1998 по 2021 гг.).

в Беломорском, Лоухском и Калевальском районах ИЖС развивается умеренными темпами, а Кемский район был отнесен в группу 4 в связи с наличием падающих темпов развития ИЖС. Такая ситуация обусловлена следующими факторами:

- в структуре земельного фонда северных районов большую долю составляют земли лесного фонда; при этом доля защитных лесов (территория с особым правовым статусом, не предназначенная для ИЖС) больше в Кемском районе – 37,7% от общей площади территории, в Беломорском – 26,3%⁴;

- уменьшилась площадь участков, предоставляемых для ИЖС; в Кемском районе в 2021 году на 0,3 га, в 2020 году на 2,1 га, в Беломорском – на 1,8 и 2,1 га);

- Беломорский район (наряду с Лоухским и Сегежским) заслужил наибольшее предпочтение у граждан при выборе участков по программе «Гектар в Арктике»;

- туристическое ядро Кемско-Беломорской зоны смещено на территорию Беломорского района;

- доля протяженности дорог, не отвечающих нормативным требованиям, в Кемском районе составляет 46,3%, в Беломорском – 13,51%; можно сказать, что в Кемском районе более низкий уровень пространственного освоения (в т. ч. инженерных коммуникаций), что делает его непривлекательным по сравнению с Беломорским;

- демографическое благополучие в Кемском районе ниже, т. е. отмечается больший показатель снижения населения, чем в Беломорском районе, за 2021 год;

- на 2022 год по результатам оценки деятельности органов местного самоуправления Беломорский район получил поощрительный грант, Кемский район не был отмечен; следовательно, Беломорский район считается более экономически успешным⁵.

Распределение жилых домов по используемым материалам стен для строительства

В рамках анализа распределения жилых домов по используемым материалам стен для строительства было выявлено, что на территории Республики Карелии преимущественно используются деревянные стеновые материалы. Этот показатель по сравнению с 2020 годом увеличился на 24,8%. На 29,9% возросла доля блочных домов и на 75,4% – домов из прочих стеновых материалов. Вместе с этим увеличивается количество жилых домов из каменных материалов. Дома из монолитного железобетона продолжают занимать значимую долю, однако их распространение имеет тенденцию к снижению: показатель 2021 года ниже, чем в предыдущем году, на 31,1%. Также в 1,4 раза сократился ввод панельных домов. Самую маленькую долю занимают кирпичные дома (показатель их ввода снизился на 57,3% в 2021 году).

Тенденции, выявленные при анализе распространения стеновых материалов в целом для жилых домов Республики Карелии, зафиксированы и в сфере ИЖС. При строительстве индивидуального жилого дома население наибольшее предпочтение отдает деревянным, блочным и прочим стеновым материалам. Однако доля возводимых деревянных домов в 2021 году уменьшилась на 6,7% по сравнению с предыдущим годом, что обусловлено снижением доступности данного строительного материала для домохозяйств в 2021 году в связи с сильным ростом цен на основные материалы.

Отличительной чертой для ИЖС является сокращение доли кирпичных домов. В 2021 году этот показатель снизился на 15,9%, следовательно, развитие кирпичного домостроения в сфере ИЖС замедляется, однако окончательно не теряет актуальности.

Наиболее распространенным стеновым материалом во всех районах республики яв-

⁴ Об утверждении Лесного плана Республики Карелии (с изм., внесенными распоряжением Главы Республики Карелии от 30 декабря 2020 г. № 814-р): Распоряжение главы Республики Карелии от 24 декабря 2018 г. № 731-р.

⁵ Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Карелии за 2021 год. URL: <https://gov.karelia.ru/upload/medialibrary/7d2/inatqynw9blv2ib412inu0u9lwcijshk/SVODNYY-DOKLAD.pdf>

ляется древесина, поскольку она относится к группе местных строительных материалов. Площадь всего лесного массива республики занимает 1,2% территории Российской Федерации.

При анализе структуры распределения жилых домов по этажности была выявлена общая тенденция – положительная динамика малоэтажного строительства, особенно одно- и двухэтажных жилых домов. Однако в 2021 году наибольший прирост зафиксирован в сфере ввода пятиэтажных домов. Жилые дома от шести этажей и выше представлены только в Петрозаводском городском округе, но за 2021 год их доля снизилась. Для остальных районов республики характерна малоэтажная застройка: одно-, двух-, трех- и пятиэтажные дома. Гораздо меньшую долю в районах республики занимают четырехэтажные дома. В 2021 году ввод четырехэтажных жилых зданий отсутствовал.

В структуре распределения этажности в сфере ИЖС на 2021 год присутствовали одно-, двух- и трехэтажные жилые дома. Наибольшую долю занимают двухэтажные жилые дома: в 2021 году она возросла на 56,1%.

Заключение

Таким образом, анализируя общие показатели ввода жилья по Республике Карелии, можно выделить следующие тенденции:

- динамика показателей общего ввода жилья по республике с 2000 года характеризуется как стабильно положительная, а в 2021 году показатель ввода жилой площади достиг максимального значения за последние 30 лет наблюдения;

- на положительный прирост показателей общего ввода жилья повлияла реализация программы «Жилье» и адресной программы регионального назначения по переселению граждан из аварийного жилищного фонда на 2019–2025 гг.;

- в период с 1995 по 2016 год наблюдался устойчивый рост объемов жилищного строительства в городах и поселках городского типа;

- развитие жилищного строительства на сельских территориях фиксируется с 2017

года и имеет устойчивый характер роста в течение четырех последних лет;

- развитие жилищного строительства в сельских населенных пунктах почти полностью обеспечивается за счет индивидуального жилищного строительства;

- на увеличение объемов жилищного строительства в сельских территориях оказала значительное влияние реализация целевых программ федерального и регионального уровней, направленных на закрепление населения на селе;

- наличие многоквартирного жилищного строительства в Петрозаводском и Костомукшском городских округах, Прионежском и Сортавальском районах обусловлено высокой плотностью населения при ограниченности земельных ресурсов под жилищное строительство в пределах указанных территорий.

Особенностью развития жилищного сектора Республики Карелии выступает значимое возрастание доли индивидуального жилищного строительства. Среди ключевых факторов, оказывающих влияние на рост доли ИЖС в общем объеме ввода жилья, можно отметить увеличение потребности населения республики иметь собственный жилой дом и растущий спрос на участки под ИЖС; активную работу Минимущества Карелии по предоставлению земельных участков для индивидуального жилищного строительства; существующие региональные инструменты поддержки развития ИЖС, например единовременную денежную выплату в целях возмещения расходов по приобретению строительных материалов для строительства индивидуального жилого дома (Закон Республики Карелии № 2607-ЗРК от 15 сентября 2021 года); реализацию программы «Гектар в Арктике» в районах республики (Беломорский, Калевальский, Кемский, Лоухский, Сегежский муниципальные районы и Костомукшский городской округ); синергетические эффекты от реализации государственных программ, включающих меры поддержки в решении жилищного вопроса (кроме национального проекта «Жилье») для отдельных категорий граждан: моло-

дые семьи (семейная ипотека по ставке 6%), многодетные семьи (предоставление на безвозмездной основе земельных участков для строительства частного дома), молодые специалисты на селе (субсидия в виде льготного займа под 5%), ипотека для военнослужащих, а также смежные национальные программы «Комплексное развитие сельских территорий», в частности «Развитие жилищного строительства на сельских территориях и повышение уровня благоустройства домовладений», проект «Демография» – материнский (семейный) капитал, программа «Земский доктор»; реализацию с 2020 года программы «Льготное индивидуальное жилищное строительство» при ставке до 9%, предоставляющей сниженную процентную ставку по ипотеке на строительство частного дома или покупку земельного участка с последующим строительством, которая, по оценкам экспертов, может сэкономить гражданам до 7 млн руб.; изменения, произошедшие в законодательной базе с 2019 года, позволяющие относить вводимые в эксплуатацию и регистрирующиеся жилые дома, территориально расположенные на садовых участках, к объектам ИЖС.

При исследовании ИЖС в разрезе муниципальных образований нами была разработана типология районов республики по темпам ввода в действие индивидуальных жилых домов, согласно которой районы разделены на четыре группы по уровню развития ИЖС.

На большей части территории республики ИЖС развивается активными темпами за счет районов, входящих в группу 1 и группу 2. Следовательно, на развитие ИЖС в Республике Карелии модель экономического развития «центр – периферия» не оказывает существенного влияния.

Анализ распределения жилых домов по используемым материалам стен для строительства показал, что на территории Республики Карелии преимущественно развивается деревянное, блочное домостроение и возведение домов из смешанных строительных материалов. Монолитное домостроение продолжает занимать значимую долю в структуре, но имеет тенденцию

к снижению наряду с панельным и кирпичным домостроением. Вместе с этим возрастают объемы строительства жилых домов из каменных материалов, которые ранее не были широко распространены.

При строительстве индивидуальных жилых домов наиболее часто применяются деревянные и блочные материалы. Однако доля возводимых деревянных домов в 2021 году уменьшилась на 6,7% по сравнению с предыдущим годом, что обусловлено снижением доступности данного строительного материала для домохозяйств.

Обобщая результаты исследования, можно выделить основные направления деятельности производственно-строительного кластера Республики Карелии в сфере строительства жилья:

- создание банка данных проектов индивидуальных жилых объектов малоэтажного строительства (до трех этажей, преимущественно двухэтажных);

- привязка типовых проектов к территориальным зонам республики с учетом особенностей для регионов, реализующих программу «Арктический гектар» (Лоухский, Кемский, Беломорский, Калевальский районы и Костомукшский городской округ);

- развитие существующих и размещение новых предприятий по изготовлению в заводских условиях комплектов жилых домов и объектов социальной инфраструктуры из деревянных, блочных и смешанных стеновых материалов;

- максимальное применение местной базы сырьевого обеспечения в целях уменьшения и оптимизации транспортно-логистических затрат по доставке и перемещению сырьевых ресурсов и готовой продукции;

- максимальное увеличение объемов производства местных строительных материалов, пригодных для строительства индивидуальных жилых домов.

В качестве дальнейшего вектора исследования определены вопросы анализа ресурсно-сырьевой базы региона в контексте производства местных строительных материалов и размещения существующих предприятий по их производству.

ЛИТЕРАТУРА

- Вохмянин И.А. (2015). Жилищный сектор города Вологды: состояние, проблемы, перспективы // Проблемы развития территорий. № 3 (77). С. 160–169.
- Гашков И.И. (2012). Исследование роли строительного комплекса в экономике региона (на примере Республики Карелии) // Экономика и управление. № 1. С. 126–131.
- Емельянова Е.Е., Чапаргина А.Н. (2020). Оценка развития регионального рынка жилья в северных и арктических субъектах РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 105–120. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.6
- Залкинд Л.О. (2010). Вопросы жилищной политики на местном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1. С. 92–98.
- Кадникова Т.Г. (2014). Региональный рынок жилья и пути его развития (на примере Республики Карелии) // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. № 7 (144). С. 100–103.
- Кудрявцева В.А., Корнилова А.Д. (2014). Развитие регионального строительного комплекса на основе кластерного подхода // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. № 4 (9). С. 32–36.
- Кузьменков А.А., Емельянова Е.Г. (2013). Тенденции развития жилищного строительства в Республике Карелии // Фундаментальные исследования. № 8 (1). С. 154–158.
- Литвинова Н.Ю. (2011). Актуальные вопросы решения жилищной проблемы // Проблемы развития территории. № 4. С. 58–67.
- Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Тимаков И.В. (2013). Региональная экономическая политика на рынке жилья муниципальных образований Карелии // Региональная экономика: теория и практика. № 19. С. 46–52.
- Печенская М.А., Ильинский Д.Г. (2017). Региональные жилищные строительные сбережения как инструмент повышения доступности жилья для населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 6. С. 192–206. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.12
- Санжицыренова Р.К., Бепле Р.Р. (2013). Кластерный подход к комплексному развитию малоэтажного строительства жилья на территории Республики Бурятия // Энерго- и ресурсоэффективность малоэтажных жилых зданий: мат-лы науч.-практ. конф. / Ин-т теплофизики им. С.С. Кутателадзе СО РАН (19–20 марта 2013 г.). С. 16–22.
- Тимаков И.В. (2011). Проблемы жилищной обеспеченности домохозяйств Республики Карелии // Труд и социальные отношения. № 7. С. 56–60.
- Федорова А.В. (2022). Трансформация экономических показателей строительной отрасли в Северо-Западном округе Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. № 20 (6). С. 1020–1051. DOI: 10.24891/re.20.6.1020
- Федорова А.В., Емельянова Е.Г., Кузьменков А.А. (2022). Трансформация показателей рынка жилищного строительства: основные тенденции и прогнозы // Фундаментальные исследования. № 10 (1). С. 129–135. DOI: 10.17513/fr.43355
- Costa da Silva D.F., Elhorst J.P., Silveira Neto R.D.M. (2017). Urban and rural population growth in a spatial panel of municipalities. *Regional Studies*, 51 (6), 894–908. DOI: 10.1080/00343404.2016.1144922
- Drápela E. (2020). Spatial differentiation of housing construction in Czechia: Towards Florida's new urban crisis. In: Klímová V., Žitek V. (eds.). *23rd International Colloquium on Regional Sciences. Conference Proceedings*. Brno: Masaryk University Press, 261–268. DOI: 10.5817/CZ.MUNI.P210-9610-2020-33
- Heller C., Ekstam L., Haak M., Schmidt S.M., Slaug B. (2022). Exploring housing policies in five Swedish municipalities: Alternatives and priorities. *BMC Public Health*, 22 (1), 1–15. DOI: 10.1186/s12889-022-12672-5
- Kamranniya J. (2022). City council and municipality role in supporting the low income families housing provision: The social rental housing plan by Shiraz municipality. *Journal of Engineering & Construction Management*, 7 (1), 22–25.

- Ovsiannikova T., Rabtsevich O., Yugova I. (2021). Assessment of dominant trends in housing construction market in Russia. In: *E3S Web of Conferences*, 263, 05038. DOI: 263.05038.10.1051/e3sconf/202126305038
- Salmi A., Jussila J., Hämäläinen M. (2022). The role of municipalities in transformation towards more sustainable construction: The case of wood construction in Finland. *Construction Management and Economics*, 40 (11–12), 934–954. DOI: 10.1080/01446193.2022.2037145
- Simonyan T.V., Shvydenko N.V., Odintsova N.P., Usatkina O.I., Medyuha E.V. (2021). Main trends and directions of innovative and sustainable development of housing construction. In: *Current Problems and Ways of Industry Development: Equipment and Technologies*. Cham: Springer International Publishing, 784–792. DOI: 10.1007/978-3-030-69421-0_85
- Viktorov M. (2020). Housing construction in the present-day context of decelerating economic growth. *Vestnik MGSU*, 15 (12), 1708–1716. DOI: 10.22227/1997-0935.2020.12.1708-1716
- Załączna M., Antczak-Stepniak A. (2022). Is the impact of COVID-19 on housing construction activity inside and outside a large city evident? The example of Łódź (Poland). *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 55 (55), 35–48. DOI: <http://doi.org/10.12775/bgss-2022-0003>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анастасия Викторовна Федорова – аспирант, Карельский научный центр РАН (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; e-mail: annastasia.vi@mail.ru)

Елена Геннадьевна Емельянова – кандидат экономических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33; e-mail: zhenemel@mail.ru)

Александр Алексеевич Кузьменков – кандидат экономических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33; e-mail: akka1977@bk.ru)

Fedorova A.V., Emel'yanova E.G., Kuz'menkov A.A.

DEVELOPMENT TRENDS OF HOUSING CONSTRUCTION IN THE REPUBLIC OF KARELIA MUNICIPALITIES

The article characterizes development trends of housing construction in the Republic of Karelia and highlights factors promoting the dynamics of indicators. The feature of the research is analysis of the indicators of housing construction in the municipalities, which helps to get an in-depth regional characteristic in this area. We present the statistical data review on housing construction for the period 1995–2021: total amount of new housing supply and volumes of individual housing construction, distribution of residential houses in urban and rural areas, their distribution of wall materials and stores, specific indicators of individual housing construction share in the structure of the total amount of new housing supply, as well as calculate rates of implementing individual houses in the total amount of new housing supply in the republic's regions. The work uses methods of economic and mathematical modeling, retrospective and statistical analysis. When analyzing housing construction in the municipalities, we have developed a typology of the Republic of Karelia districts on the rate of implementing residential houses. In the context of the region's municipalities, we present a graphic material on the rate of implementing apartment blocks and individual houses. According to the results of the analysis of indicators in the field of the region's housing construction, we note the main factors and trends of the identified changes. We identify the key areas of the

production and construction cluster of the Republic of Karelia in housing construction. The research results can be useful for public authorities when working out strategic development programs of the region, and for members of business association and professional community.

Housing constriction of municipalities, individual housing construction of municipalities, housing constriction in urban and rural areas, wall material for housing construction, production and building cluster, spatial development.

REFERENCES

- Costa da Silva D.F., Elhorst J.P., Silveira Neto R.D.M. (2017). Urban and rural population growth in a spatial panel of municipalities. *Regional Studies*, 51(6), 894–908. DOI: 10.1080/00343404.2016.1144922
- Drápela E. (2020). Spatial differentiation of housing construction in Czechia: Towards Florida's new urban crisis. In: Klímová V., Žitek V. (Eds.). *23rd International Colloquium on Regional Sciences. Conference Proceedings*. Brno: Masaryk University Press. DOI: 10.5817/CZ.MUNI.P210-9610-2020-33
- Emelyanova E.E., Chapargina A.N. (2020). Assessing the regional housing market development in the Northern and Arctic regions of the Russian Federation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(5), 105–120. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.6 (in Russian).
- Fedorova A.V. (2022). Transformation of economic indicators of the construction industry of the Northwestern region of the Russian Federation. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 20(6), 1020–1051. DOI: 10.24891/re.20.6.1020 (in Russian).
- Fedorova A.V., Emelyanova E.G., Kuzmenkov A.A. (2022). Transformation of housing construction market indicators: Main trends and forecasts. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*, 10(1), 129–135. DOI: 10.17513/fr.43355 (in Russian).
- Gashkov I.I. (2012). The study of the role of the construction complex in the regional economy (case study of the Republic of Karelia). *Ekonomika i upravlenie=Economics and Management*, 1, 126–131 (in Russian).
- Heller C., Ekstam L., Haak M. et al. (2022). Exploring housing policies in five Swedish municipalities: Alternatives and priorities. *BMC Public Health*, 22(1), 1–15. DOI: 10.1186/s12889-022-12672-5
- Kadnikova T.G. (2014). Regional housing market and ways of its development (case study of Karelian Republic). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gos. un-ta=Proceedings of Petrozavodsk State University*, 7(144), 100–103 (in Russian).
- Kamranniya J. (2022). City council and municipality role in supporting the low income families housing provision: The social rental housing plan by Shiraz municipality. *Journal of Engineering & Construction Management*, 7(1), 22–25.
- Kudryavtseva V.A., Kornilova A.D. (2014). Regional building complex development on the basis of cluster approach. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'=Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real Estate*, 4(9), 32–36 (in Russian).
- Kuzmenkov A.A., Emelyanova E.G. (2013). Housing trends in Republic of Karelia. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*, 8(1), 154–158 (in Russian).
- Litvinova N.Yu. (2011). Topical issues of solving the housing problem. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 4, 58–67 (in Russian).
- Morozova T.V., Kozyreva G.B., Timakov I.V. (2013). Regional economic policy on municipal housing market – Karelia. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 19, 46–52 (in Russian).
- Ovsiannikova T., Rabtsevich O., Yugova I. (2021). Assessment of dominant trends in housing construction market in Russia. In: *E3S Web of Conferences*, 263, 05038. DOI: 10.1051/e3sconf/202126305038

- Pechenskaya M.A., Il'inskii D.G. (2017). Regional housing construction savings as a tool for improving housing affordability for the population. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10(6), 192–206. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.12 (in Russian).
- Salmi A., Jussila J., Härmäläinen M. (2022). The role of municipalities in transformation towards more sustainable construction: The case of wood construction in Finland. *Construction Management and Economics*, 40(11–12), 934–954. DOI: 10.1080/01446193.2022.2037145
- Sanzhitsyrenova R.K., Beppe R.R. (2013). Cluster approach to the integrated development of low-rise housing construction in the Republic of Buryatia. In: *Energo- i resursoeffektivnost' maloetazhnykh zhilykh zdanii: mat-ly nauch.-prakt. konf.* [Energy and Resource Efficiency of Low-Rise Residential Buildings: Proceedings of the Scientific and Practical Conference, March 19–20, 2013] (in Russian).
- Simonyan T.V., Shvydenko N.V., Odintsova N.P. et al. (2021). Main trends and directions of innovative and sustainable development of housing construction. In: *Current Problems and Ways of Industry Development: Equipment and Technologies*. Cham: Springer International Publishing. DOI: 10.1007/978-3-030-69421-0_85
- Timakov I.V. (2011). Problems of housing security of households in the Republic of Karelia. *Trud i sotsial'nye otnosheniya=Labour and Social Relations Journal*, 7, 56–60 (in Russian).
- Viktorov M. (2020). Housing construction in the present-day context of decelerating economic growth. *Vestnik MGSU*, 15(12), 1708–1716. DOI: 10.22227/1997-0935.2020.12.1708-1716
- Vokhmyanin I.A. (2015). Housing sector in the city of Vologda: Current state, problems, prospects. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 3(77), 160–169 (in Russian).
- Załączna M., Antczak-Stepniak A. (2022). Is the impact of COVID-19 on housing construction activity inside and outside a large city evident? The example of Łódź (Poland). *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 55(55), 35–48. DOI: 10.12775/bgss-2022-0003
- Zalkind L.O. (2010). Housing policy issues at the local level. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 1, 92–98 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anastasiya V. Fedorova – graduate student, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (11, Pushkinskaya Street, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: annastasia.vi@mail.ru)

Elena G. Emel'yanova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Petrozavodsk State University (33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: zhenemel@mail.ru)

Aleksandr A. Kuz'menkov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Petrozavodsk State University (33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: akka1977@bk.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.4

УДК 332.1 | ББК 65.04

© Макарова М.Н.

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

МАРИЯ НИКИТИЧНА МАКАРОВА

Институт экономики Уральского отделения РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: makarova.mn@uiec.ru

ORCID: 0000-0001-6144-6178; ResearcherID: AAR-5183-2020

Актуальность предложенного исследования связана с динамичным характером социально-экономического развития, обуславливающим необходимость постоянной адаптации населения к происходящим изменениям. Этот процесс приобретает многообразные формы, одной из которых является формирование системы расселения населения в регионе. Таким образом, цель исследования состоит в оценке структуры сложившихся региональных систем расселения и их трансформации (при наличии) как результата адаптации населения к изменяющимся социально-экономическим условиям. Научная новизна работы в теоретическом плане заключается в обосновании типологии институтов трансформации расселения как процесса адаптации населения к динамичному развитию. Выявлено, что на эволюционные трансформации расселения преимущественное влияние оказывают неформальные институты (поведенческие паттерны и личностные характеристики), в то время как управляемые трансформации определяются комплексным воздействием формальных институтов (в том числе законодательных, финансовых и пр.). В методологическом плане автором предложено оценивать трансформацию региональной системы расселения на основе анализа изменений закономерностей размещения населения с помощью распределения Ципфа, что позволяет определять специфические пространственные характеристики расселения. Обоснована типология региональных систем расселения, учитывающая их структурные и динамические характеристики, с выделением трех типов. В заключение сделаны выводы о необходимости учитывать особенности формирования

Для цитирования: Макарова М.Н. (2023). Система расселения как результат адаптации населения к социально-экономическим условиям регионального развития // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 40–52. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.4

For citation: Makarova M.N. (2023). Settlement system as a result of population's adaptation to the socio-economic conditions of regional development. *Problems of Territory's Development*, 27(2), 40–52. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.4

и трансформации региональных систем расселения при обосновании мер регулирующего воздействия в процессе разработки стратегии пространственного и социально-экономического развития региона в части управления процессами размещения населения, усиления связанности отдельных территорий региона, повышения качества жизни населения в целом.

Система расселения, трансформация, типология, регион, институты, адаптация.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Введение

Система расселения является одним из результатов адаптации населения к динамичным условиям социально-экономической среды. Трансформация системы расселения происходит постоянно и может носить как неформальный, зачастую стихийный, характер, так и быть управляемой, ориентированной на решение задач социально-экономического развития региона/страны (рис. 1).

Стихийные трансформации системы расселения по скорости и характеру происходящих изменений могут быть как революционными, так и эволюционными. Революционные трансформации связаны с чрезвычайными ситуациями природного (стихийные бедствия), техногенного (катастрофы) или социального (войны, эпидемии) происхождения. Подобные события приводят к резкому изменению природного и социально-экономического ландшафта,

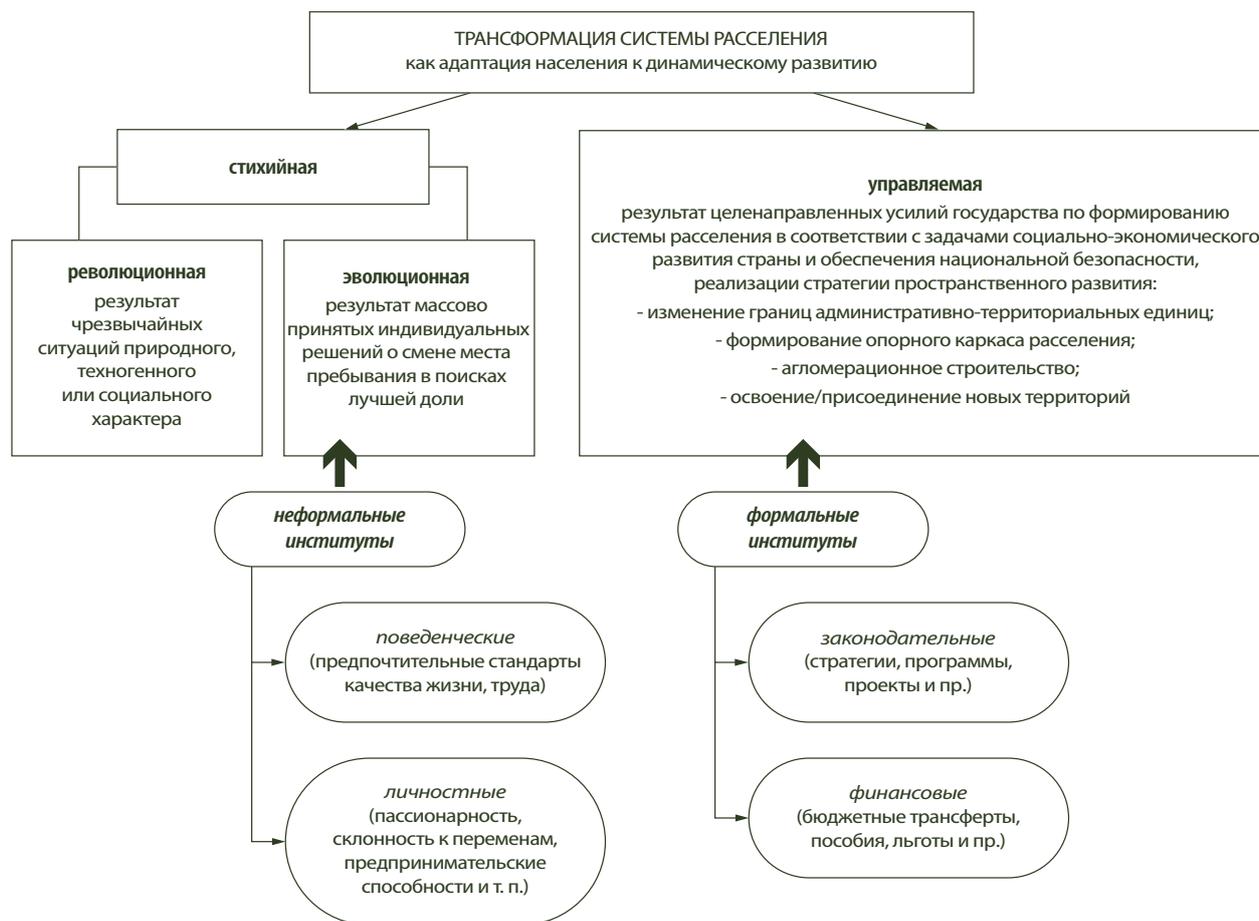

Рис. 1. Виды трансформации системы расселения и типология обеспечивающих ее институтов

переселению больших масс людей на другие территории на время или навсегда (Важенин, 2006; Лексин, 2012; Мазаев, 2008). Учитывая слабую предсказуемость момента возникновения чрезвычайных ситуаций, скоротечность нарастания их масштабов и глубину социальных последствий, не представляется возможным говорить об институционализации этих процессов, хотя несомненно по прошествии времени ретроспективный анализ причин и спускового механизма случившейся катастрофы становится важной исследовательской задачей как для определения закономерностей развития подобных явлений, так и для выработки практических рекомендаций по обеспечению выживания социально-экономической системы и преодолению разнообразных последствий в подобных условиях.

Революционные трансформации системы расселения при всей их масштабности случаются относительно редко. В целом изменения расселения скорее происходят эволюционным путем в результате массово принятых индивидуальных решений о смене места жительства (пребывания) или его качества в поисках лучшей доли. Данный процесс регулируется преимущественно неформальными институтами. В первую очередь среди них необходимо отметить личностные характеристики людей, принимающих подобные решения: пассионарность, склонность к переменам и наличие предпринимательских способностей обуславливают потребность личности к преобразованию собственной среды жизнедеятельности.

В этом смысле важным неформальным институциональным механизмом выступают поведенческие паттерны населения, определяемые теми стандартами жизни, которые формируют представление людей о том, какое качество жизни и труда необходимо и достаточно, чтобы ощущать себя успешным, благополучным членом общества. От стремления достичь этих стандартов во многом зависит решение индивида о том, соответствует ли текущее место жительства требованиям или необходимо его изменить. Так, например, массовое представление о

том, что жизнь в городе комфортнее и богаче, чем на селе, является источником процессов урбанизации как одного из вариантов трансформации системы расселения.

Расселенческие процессы могут носить не только стихийный, но и управляемый характер и представлять собой результат целенаправленных усилий государства по формированию системы расселения в соответствии с задачами социально-экономического развития страны и обеспечения национальной безопасности (Мазаев, 2008; Бабурин, 2014; Мищенко, Пуричи, 2015; Сивохиц, 2016). Решение подобных вопросов реализуется в контексте политики пространственного развития страны/региона; разработки градостроительных планов и формирования опорного каркаса расселения; агломерационного строительства; изменения границ административно-территориальных единиц в результате выполнения внешнеполитических и внутривнутриполитических задач.

Среди институциональных механизмов, обуславливающих управляемую трансформацию системы расселения, необходимо отметить нормативно-правовые акты различного уровня: стратегии социально-экономического и пространственного развития страны и ее регионов, а также программы и проекты, обеспечивающие их реализацию, а также документы, регулирующие вопросы внутренней и внешней миграции, трудовой мобильности населения, развития городских агломераций и отдельных территорий, местного самоуправления и пр.

Реализация законодательно закрепленных инициатив осуществляется при поддержке различных государственных и частных финансовых институтов. Так, трансферты между бюджетами различного уровня в соответствии с назначенным объемом полномочий определяют возможности органов власти по реализации того или иного вида политики, связанной с формированием системы расселения; пособия и льготы направлены на формирование привлекательности территорий для размещения и закрепления населения; инициативы государственно-частного партнерства в сфере реализации

крупных промышленных и социальных инициатив на отдельных территориях аналогично позволяют привлечь население высокооплачиваемыми рабочими местами и/или более высоким качеством жизни за счет развития инфраструктуры (Горин, Нецадин, 2010).

Как примеры управляемой трансформации системы расселения можно привести Генеральную схему расселения СССР, а также различные схемы размещения производительных сил, связанные с формированием опорного каркаса расселения и перемещением значительного числа трудовых ресурсов вслед за производствами (Мазаев, 2017), урбанизацию как побочный эффект индустриализации в СССР (Меерович, 2015), политику укрупнения сельских поселений в СССР в 1960-е гг. (Лексин, 2012) и т. д. Среди зарубежных научно-исследовательских проектов в этой области можно отметить, например, ESPON 2020¹. Он посвящен прогнозированию развития национальных систем расселения Евросоюза и представляет собой попытку прогноза развития стран и их регионов в масштабах целого континента (Верховых, 2018).

На современном этапе развития России следует отметить такой институциональный механизм трансформации системы расселения, как Стратегия пространственного развития России до 2025 года², задающая национальные ориентиры пространственного размещения населения. В ней предполагается решать задачи устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны в том числе за счет повышения устойчивости системы расселения путем социально-экономического развития городов и сельских территорий. При этом основным инструментом названы формирование и развитие более 40 городских агломераций различного уровня, в которых будет сконцентрирована большая часть жителей страны. Однако до сих пор на законодательном уровне не определено, что такое городская

агломерация и какие механизмы ее развития могут быть реализованы органами власти различного уровня. Кроме того, нормативно-правовые акты, регулирующие межмуниципальное сотрудничество, особенно в части софинансирования межмуниципальных инициатив, противоречат самой идее агломерационного строительства и скорее демотивируют муниципальные власти в попытках создания агломераций и сотрудничества для решения задач совершенствования системы расселения и повышения качества жизни населения (Козлова, Макарова, 2018).

Таким образом, мы можем говорить о преимущественно стихийном характере трансформации системы расселения в последнее десятилетие в России в целом и ее регионах, зависящем скорее от индивидуальных решений жителей по выбору места жительства и приложения своего труда. Анализ и фиксация результатов подобных трансформаций возможны в результате исследования динамики масштабов и структуры системы расселения как результата адаптации населения к меняющимся социально-экономическим условиям. Высказанные выше рассуждения определили цель исследования: с помощью статистических методов провести анализ сложившихся региональных систем расселения и их трансформации с течением времени, что позволит в перспективе выявлять инструменты управления данными процессами и повышать результативность адаптации населения к меняющимся условиям в контексте устойчивости паттернов размещения населения в пространстве региона.

Методы и данные

Оценить происходящие в расселении изменения можно на основе статистического анализа динамики численности и пространственного распределения населения в муниципальных образованиях региона, выявляе-

¹ ESPON 2020 Cooperation Programme. URL: <https://www.espon.eu/2020> (accessed 23.11.2022).

² Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/?ysclid=l7hf1ukec995178363 (дата обращения 31.08.2022).

Таблица 1. Методы оценки трансформации системы расселения

Метод	Показатели оценки	Преимущества	Недостатки
Индексный метод	Темпы роста; индекс концентрации; коэффициент агломеративности	Простота расчета и интерпретации полученных значений	Невозможность глубокого анализа причинно-следственных и структурных связей
Статистический метод	Масштабы и динамика неравномерности расселения (дисперсия, коэффициент вариации, коэффициент фондов, индекс Тейла и пр.); структура неравномерности расселения (индекс Гетиса – Орда, глобальный и локальный индексы Морана, распределение Ципфа, коэффициент асимметрии, показатели конвергенции и пр.)	Возможность более глубокого анализа динамики и структуры данных; поиск и оценка пространственных взаимосвязей; кластеризация объектов исследования по схожести параметров их развития	Необходимость собрать достаточную базу статистических данных; сложная процедура обработки данных; сложность интерпретации полученных значений
Графический метод	Построение карт распределения показателя в пространстве	Наглядность; относительная простота	Необходимость специального программного обеспечения для построения карт; низкая доступность динамических сравнений
Источник: составлено автором.			

ния зон притяжения населения, формирующих городские агломерации, и т. п. Наиболее популярные методы оценки и их характеристики приведены в *табл. 1*.

Таким образом, существует большое разнообразие методов оценки трансформации системы расселения, применяемых исследователями в зависимости от выдвинутых гипотез, наличия статистических данных и технических средств их обработки (Бабурин, Синицин, 2016; Павлов, Королева, 2014; Anselin, 1988; Barro, Sala-i-Martin, 1992; Lanzieri, 2010). Мы остановимся на применении распределения Ципфа для анализа систем расселения регионов. Этот метод позволяет оценить устойчивость и равномерность распределения городского населения на основе анализа соотношения численности населенных пунктов городского типа (города, поселки городского типа).

Распределение Ципфа представляет собой эмпирически выявленную закономерность распределения частотности (размерности) объектов исследования в упорядоченной совокупности объектов. Применительно к системе городского населения оно трактуется следующим образом: город с самой большой

численностью населения в любой стране/регионе в два раза больше, чем следующий по размеру город, и так далее (Zipf, 1949), что можно записать в виде формулы (1):

$$P_n = P_1/n, \quad (1)$$

где:

n – порядковый номер города в общей совокупности городов страны/региона, упорядоченных по убыванию численности;

P_n – численность населения в n -ном городе;

P_1 – численность населения в самом крупном (первом) городе.

Для удобства расчетов и анализа параметров распределения Ципфа чаще используется логарифмированный вариант формулы (1), записанный в виде (2):

$$\ln(P_n) = \ln(P_1) - \ln(n) \quad (2)$$

Таким образом, идеальное распределение Ципфа представляет собой аппроксимирующую линейную зависимость, сравнивая которую с распределением Ципфа, построенным на фактических данных о численно-

сти городского населения, можно определить характеристики системы расселения (Wu et al., 2020). Кроме того, анализ коэффициентов полученных уравнений позволяет судить о текущем состоянии и трансформации системы расселения одного региона во времени или сравнивать региональные системы расселения между собой (Moura, Ribeiro, 2006; Benguigui, Blumenfeld-Lieberthal, 2007).

Несмотря на то что изначально распределение Ципфа для анализа системы расселения предполагалось на уровне страны, поскольку национальная система размещения населения является относительно замкнутой с неизменными границами, но изменяющейся структурой, в последующем данная методика нашла свое применение и в исследованиях на уровне российских регионов (Андреев и др., 2017; Павлов, 2020; Растворцева, Манаева, 2020). На наш взгляд, использование такого подхода возможно и позволяет получать достоверные результаты, поскольку система расселения региона может рассматриваться как относительно замкнутая социально-экономическая система в связи с особенностями оперативного управления и стратегического планирования, выстроенного в административных границах субъектов РФ. Результаты подобных исследований расширяют представление о региональных системах размещения населения и создают научную основу для управления пространственным развитием регионов.

Объектом анализа в нашем исследовании выступают регионы Уральского федерального округа (УрФО). Для проведения работы использованы данные Росстата о численности населения этих субъектов РФ, а также о числе и размере населенных пунктов городского типа в указанных регионах. Отдельно отметим, что принципиальных изменений границ регионов, входящих в состав УрФО, за рассматриваемый нами период не происходило, в отличие, например, от Пермского края, который был объединен с Коми-Пермяцким АО, и это существенно изменило структуру территории, подлежащей управлению в рамках одной административной единицы, в т. ч. ее системы расселе-

ния. Стабильность административно-территориальных границ субъектов РФ, входящих в состав УрФО, позволяет нам рассматривать указанные системы расселения в динамике.

Результаты

Рассматривая системы городского расселения регионов УрФО, следует отметить их существенные различия. Во-первых, уральские регионы различаются по численности населения в целом: от 552,1 тыс. чел. в ЯНАО до 4624,3 тыс. чел. в Свердловской области в 2022 году, причем межрегиональная дифференциация по показателю общей численности населения в течение десяти лет сохраняется примерно на одном уровне (табл. 2). Если в Курганской и Челябинской областях численность населения за анализируемый период снизилась на 10,1 и 1,8% соответственно, то в остальных рассматриваемых регионах она увеличилась на 3–14% в зависимости от территории.

Во-вторых, различается характер урбанизации на этих территориях. Наименее урбанизированными являются Курганская область с долей городского населения в 2022 году 62,5% и Тюменская область без АО – 68,1% соответственно; наиболее урбанизированными – ХМАО (92,7%), ЯНАО (85,8%) и Свердловская область (85,2%), где городское население составляет подавляющую часть в структуре численности населения. Аналогичное соотношение наблюдается при анализе числа населенных пунктов городского типа в регионе: наименее урбанизированные территории обладают существенно меньшим количеством городов и поселков городского типа (5 ед. в Тюменской области без АО, 15 ед. в Курганской области).

При этом следует сказать, что за десять лет уровень урбанизации в рассматриваемых регионах вырос незначительно при сохранении числа анализируемых городов и поселков городского типа на одном уровне, что свидетельствует о стабильности городского населения на данных территориях. Однако необходимо выделить ЯНАО, где стремительно развивается сеть городских поселений вслед за освоением новых место-

Таблица 2. Характеристика систем городского расселения УрФО на 1 января соответствующего года

Регион	Численность населения, тыс. чел.		Уровень урбанизации, %		Число населенных пунктов городского типа, ед.		Доля населения в самом крупном городе, %	
	2012 год	2022 год	2012 год	2022 год	2012 год	2022 год	2012 год	2022 год
Курганская область	896,3	805,5	60,4	62,5	14	15	36,6	37,8
Свердловская область	4307,6	4624,3	83,9	85,2	75	73	32,6	32,3
Тюменская область, в т. ч.	3459,4	3806,4	78,7	81,7	58	92	18,3	21,8
ХМАО	1561,2	1702,2	91,5	92,7	40	40	16,6	23,3
ЯНАО	536,6	552,1	85,0	85,8	13	46	20,9	21,5
Тюменская область без АО	1361,6	1552,1	61,3	68,1	5	5	46,5	53,4
Челябинская область	3480,1	3418,6	82,1	82,7	43	43	32,6	34,5

Составлено по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2012 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения 07.09.2022); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2022 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения 07.09.2022).

рождений. Согласно статистическим данным, число населенных пунктов городского типа в этом регионе выросло с 13 до 46 ед.

Отдельно стоит отметить «вес» (значимость) самого крупного города в системе расселения региона. Так, Тюменская область без АО демонстрирует наибольший уровень концентрации городского населения в самом крупном городе региона (53,4%), что связано, в первую очередь, с небольшим числом городских населенных пунктов в регионе. 30–40% городского населения сконцентрировано в региональных столицах в Свердловской, Челябинской и Курганской областях (37,8, 34,5 и 32,3% в 2022 году соответственно). В ХМАО и ЯНАО на самый крупный город приходится чуть больше 20% городского населения, что связано с особенностями освоения данных территорий, где преобладают поселки городского типа с городским населением, занятым на ресурсодобывающих предприятиях. При этом за рассматриваемый период наблюдается стягивание населения в самый большой город в каждом регионе, т. е. можно говорить о росте концентрации населения как механизме адаптации к изменениям социально-экономической среды, когда население перетекает за рабо-

чими местами и более высоким качеством жизни в крупные города.

Анализируя фактическое распределение городов и аппроксимирующее его распределение Ципфа для регионов УрФО по данным на 1 января 2022 года, можно заметить, что они существенно отличаются друг от друга по расположению первого (самого большого), средних и малых городов относительно аппроксимирующей прямой (рис. 2).

Это позволяет нам предложить типологию региональных систем расселения на основе анализа следующих критериев:

а) расположение первого города выше или ниже аппроксимирующей прямой – город переселен или недоселен согласно распределению Ципфа, т. е. стягивает ли он региональное пространство;

б) наличие/отсутствию вторых городов и их расположению относительно аппроксимирующей прямой – во-первых, определяется связанность регионального пространства, во-вторых, потребность в дополнительном населении в этих городах в соответствии с распределением Ципфа;

в) распределение малых городов относительно аппроксимирующей прямой – также определяется населенность малых городов и их потенциал создавать избыток населения

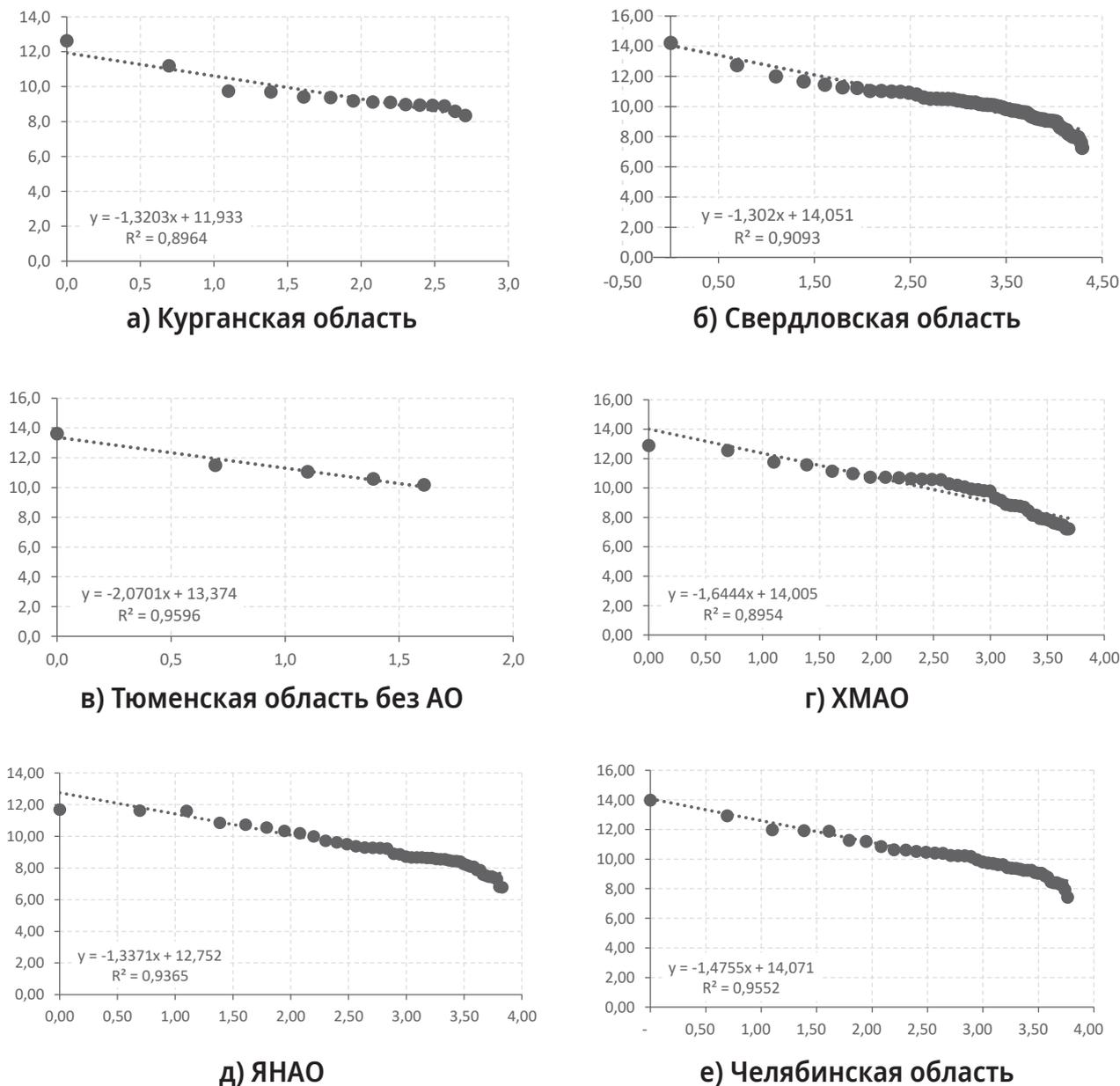

Рис. 2. Распределение Ципфа для регионов УрФО по данным на 1 января 2022 года

Составлено по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2022 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения 07.09.2022).

в регионе, поддерживающий урбанизацию и агломерационные процессы на рассматриваемой территории.

Обобщенная характеристика выделенных типов региональных систем расселения приведена в *табл. 3*.

Первый тип систем расселения включает Курганскую, Свердловскую и Челябинскую области. Предпочтительным институтом адаптации населения к сложившимся региональным диспропорциям социально-экономического развития в них является

формирование интенсивных агломерационных связей со стягиванием населения в ядро агломерации (совпадающее с региональной столицей) и близлежащие города. В подобных системах расселения численность первого города (т. е. самого крупного) незначительно отклоняется вверх от аппроксимирующего распределения Ципфа и, таким образом, несколько «перевешивает» в региональной системе расселения, стягивая человеческий капитал. Однако перевес незначителен и стабилен на протяжении дли-

Таблица 3. Характеристики систем расселения регионов УрФО

Тип	Регион	Первый город	Вторые города	Малые города
1	Курганская, Свердловская, Челябинская области	Незначительно переселен	Отсутствуют или существенно недоселены → разрыв пространства	Избыток населения → потенциальный источник для формирования населения вторых городов
2	ХМАО, ЯНАО	Недоселен	Переселены относительно первого города → потенциальный источник для формирования населения первого города	Избыток населения – это преимущественно трудовые ресурсы региона, потребность в которых определена размещением промышленных предприятий
3	Тюменская область без АО	Незначительно переселен	Недостаточно данных для анализа (всего четыре точки), статистически недостоверно	Недостаточно данных для анализа (всего четыре точки), статистически недостоверно

Составлено по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2022 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения 07.09.2022).

тельного времени, что свидетельствует об устойчивом паттерне расселения и сложившихся агломерационных образованиях в этих регионах. Вместе с тем можно ожидать в перспективе дальнейшее увеличение значимости первого города в системах расселения подобного типа при дальнейшем стягивании экономической и социальной активности в столицу региона.

Кроме того, наличие активных агломерационных процессов вокруг первого города приводит к тому, что в указанных субъектах отсутствуют или существенно недоселены так называемые вторые города, задачей которых является связывание социально-экономического пространства региона, выстраивание иерархических связей между первым (чаще всего столичным) городом и периферией, трансфер отдельных административных и социально-экономических функций (Roberts, 2014).

Таким образом, в данных регионах образуются разрывы социально-экономического пространства, расстояние между первым городом и остальной территорией становится слабо преодолимым, формируя устойчивое неравенство регионального развития, что выражается в существенной дифференциации качества жизни и доступности общественных благ на отдаленных территориях. В результате нарушаются процессы урбанизации в ее классическом понимании, когда потоки миграции направлены из малого города в средний, а затем из среднего в круп-

ный. В отсутствие вторых городов население сконцентрировано в малых городах в большей степени, чем это ожидается по распределению Ципфа, формируя таким образом нереализованный человеческий потенциал региона, и это обуславливает направление миграционных потоков в первый город, минуя вторые города и консервируя сложившееся неравенство регионального развития.

Второй тип системы расселения представлен на территории ХМАО и ЯНАО. Адаптационной стратегией населения, формирующей систему расселения, является следование за точками экономической активности, формирующими рабочие места, что и определяет особенности систем расселения подобного типа, где первый город существенно недоселен относительно распределения Ципфа и не совпадает с административным центром региона.

Вторые города в данных регионах, располагаясь практически на аппроксимирующей прямой распределения Ципфа, тем не менее существенно переселены относительно первого города. Вместе с тем они относительно равномерно заполняют социально-экономическое пространство региона, обеспечивая его связанность и устойчивость, снижая неравномерность регионального развития. Для этого типа расселения также характерен избыток численности населения в малых городах в сравнении с распределением Ципфа, однако это в первую очередь связано с особенностями хозяйственного освоения

территорий регионов, когда население следует за рабочими местами, определяемыми расположением ресурсодобывающих предприятий, в том числе в новых населенных пунктах, что отмечалось выше.

К *третьему типу системы расселения* отнесена Тюменская область без АО, в составе которой находится всего пять населенных пунктов городского типа. Это в целом не препятствует построению распределения Ципфа, однако его анализ не представляется уместным, поскольку количество наблюдений не удовлетворяет требованиям к применению статистических методов анализа данных. Можно отметить, что система расселения Тюменской области без АО похожа на систему расселения первого типа, где первый город незначительно переселен, а дальше отмечаются разрывы социально-экономического пространства на уровне вторых городов. Однако еще раз подчеркнем, что такой результат не является статистически достоверным.

Заключение

В заключение еще раз отметим, что различные типы систем городского расселения и их трансформация с течением времени складываются в результате комплексного воздействия формальных и неформальных институциональных механизмов и отражают процессы как стихийной, так и управляемой адаптации населения к изменениям внешней среды под влиянием социально-экономических факторов различной природы. По результатам проведенного исследования нами получен ряд теоретических и методологических научных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев В.В., Лукиянова В.Ю., Кадышев Е.Н. (2017). Анализ территориального распределения населения в субъектах Приволжского федерального округа с применением законов Ципфа и Гибрата // Прикладные исследования. Т. 48. С. 97–121.
- Бабурин В.Л. (2014). Взаимосвязь расселения и размещения производства // Региональные исследования. № 4 (46). С. 5–16.
- Бабурин В.Л., Синицын Н.А. (2016). Моделирование пространственного распределения населения и производства // Известия РАН. Сер. географическая. № 2. С. 7–17.
- Важенин А.А. (2006). Влияние смены закономерностей расселенческих процессов на характеристики систем расселения // Региональные исследования. № 3 (9). С. 43–65.

Во-первых, в теоретическом плане обоснована типология институтов трансформации расселения как процесса адаптации населения к динамичному развитию, определяющая, что на эволюционные трансформации расселения оказывают преимущественное влияние неформальные институты (поведенческие паттерны и личностные характеристики), в то время как управляемые трансформации обусловлены комплексным воздействием формальных институтов (в том числе законодательных, финансовых и пр.).

Во-вторых, в методологическом плане автором предложено оценивать трансформацию региональной системы расселения на основе анализа изменений закономерностей размещения населения с помощью распределения Ципфа, что позволяет определять специфические пространственные характеристики расселения. Это дало возможность обосновать типологию региональных систем расселения, учитывающую их структурные и динамические характеристики, с выделением трех типов. Автором определены характерные черты выделенных типов расселения, отражающие особенности размещения городского населения в городах различного размера и функций в контексте формирования регионального пространства и адаптации населения к неравномерности его развития.

Полученные результаты позволяют в перспективе обосновывать меры регулирующего воздействия при разработке стратегий пространственного и социально-экономического развития регионов в части управления процессами размещения населения.

- Верховых Е.Ю. (2018). Коэффициент поляризации как средство характеристики и прогноза развития Национальной системы расселения // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 1. С. 20–24.
- Горин Н., Нецадин А. (2010). Тенденции трансформации системы городского расселения в России // Общество и экономика. № 12. С. 140–149.
- Козлова О.А., Макарова М.Н. (2018). Межмуниципальное сотрудничество как институт стратегического развития территории // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. № 11 (3). С. 132–144. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.9
- Лексин В.Н. (2012). Кризис системы расселения в контексте кардинальной трансформации территориальной организации российского общества // Российский экономический журнал. № 1. С. 3–44.
- Мазаев А.Г. (2008). Национальная территориальная система расселения как фактор контроля: геополитический подход // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 1. С. 32–37.
- Мазаев А.Г. (2017). Отечественный опыт оптимизации национальной системы расселения // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 3. С. 20–25.
- Меерович М. (2015). Уникальность урбанизации в СССР: искусственное формирование системы расселения // Проект Байкал. № 45. С. 160–163. DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.45.905>
- Мищенко В.В., Пуричи В.В. (2015). Пространственные подходы в экономике и региональные исследования расселения // Известия АлтГУ. № 2 (86). С. 123–127.
- Павлов Ю.В. (2020). Баланс системы расселения региона: оценка по закону Ципфа и влияние на региональное развитие // Вопросы территориального развития. Т. 8. Вып. 2. С. 1–14. DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.1
- Павлов Ю.В., Королева Е.Н. (2014). Пространственные взаимодействия: оценка на основе глобального и локального индекса Морана // Пространственная экономика. № 3. С. 95–110. DOI: 10.14530/se.2014.3.95-110
- Растворцева С.Н., Манаева И.В. (2020). Закон Ципфа в городах России. Анализ новых показателей // Экономика региона. Т. 16. Вып. 3. С. 935–947. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-20>
- Сивохиц Ж.Т. (2016). Геодемографический анализ территориальных систем расселения в бассейне реки Урал в контексте гидроэкологической безопасности // Бюллетень Оренбургского научного центра УрО РАН. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geodemograficheskiy-analiz-territorialnyh-sistem-rasseleniya-v-bassejnye-reki-ural-v-kontekste-gidroekologicheskoy-bezopasnosti> (дата обращения 17.05.2022).
- Anselin L. (1988). *Spatial Econometrics: Methods and Models*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Barro R., Sala-i-Martin X. (1992). Convergence. *Journal of Political Economy*, 100, 223–251.
- Benguigui L., Blumenfeld-Lieberthal E. (2007). A dynamic model for city size distribution beyond Zipf's law. *Physica A: Statistical Mechanics and Its Applications*, 384 (2), 613–627. DOI: 10.1016/j.physa.2007.05.059
- Lanzieri G. (2010) *Is Fertility Converging Across the Member States of Theeuropean Union?* Work session on demographic projections. Lisbon, 28–30 April 2010. Luxembourg: Publications office of the European Union, 137–153.
- Moura N.J., Ribeiro M.B. (2006). Zipf law for Brazilian cities. *Physica A*, 367, 441–448.
- Roberts B. (2014) The systems of secondary cities – the neglected drivers of urbanising economies. *CIVIS. Sharing Knowledge and Learning from Cities*, 7, 1–11.
- Wu Y. [et al.] (2020). Does China's urban development satisfy Zipf's law? A multiscale perspective from the NPP-VIIRS nighttime light data. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (1), 1460. DOI: 10.3390/ijerph17041460
- Zipf G.K. (1949). *Human Behavior and the Principle of Least Effort*. Addison-Wesley Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Никитична Макарова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: makarova.mn@uiec.ru)

Makarova M.N.

SETTLEMENT SYSTEM AS A RESULT OF POPULATION'S ADAPTATION TO THE SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS OF REGIONAL DEVELOPMENT

The relevance of our research is associated with the dynamic nature of socio-economic development necessitating constant adaptation of the population to the changes. This process acquires diverse forms, one of which is the formation of the settlement system in the region. Thus, the purpose of the research is to assess the structure of the established regional settlement systems and their transformation (if it is available) as a result of population adaptation to the changing socio-economic conditions. The scientific novelty of the work in theoretical terms is to substantiate the typology of institutions of settlement transformation as a process of adapting the population to dynamic development. We have found that informal institutions (behavioral patterns and personal characteristics) have a predominant influence on the evolutionary settlement transformations, while controlled transformations are determined by the complex influence of formal institutions (including legislative, financial, etc.). In methodological terms, we propose to assess the transformation of the regional settlement system based on the analysis of changes in the patterns of population distribution using Zipf distribution, which allows determining the specific spatial settlement characteristics. We have substantiated the typology of regional settlement systems taking into account their structural and dynamic characteristics, with the selection of three types. We have concluded about the need to take into account the features of formation and transformation of the regional settlement systems when justifying the measures of regulatory impact in the process of developing a strategy of spatial and socio-economic development of the region in terms of managing the processes of population distribution, strengthening connectivity of certain territories of the region, improving the quality of life in general.

Settlement system, transformation, typology, region, institutions, adaptation.

REFERENCES

- Andreev V.V., Lukyanova V.Yu., Kadyshch E.N. (2017). Analysis of people territorial distribution in regions of the Volga Federal district on the base of Zipf and Gibrat laws. *Prikladnye issledovaniya=Journal of Applied Research*, 48, 97–121 (in Russian).
- Anselin L. (1988). *Spatial Econometrics: Methods and Models*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Baburin V.L. (2014). Interrelation between population settlement and spatial distribution of production. *Regional'nye issledovaniya*, 4(46), 5–16 (in Russian).
- Baburin V.L., Sinitsyn N.A. (2016). Modeling the spatial distribution of population and production. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2, 7–17 (in Russian).
- Barro R., Sala-i-Martin X. (1992). Convergence. *Journal of Political Economy*, 100, 223–251.
- Benguigui L., Blumenfeld-Lieberthal E. (2007). A dynamic model for city size distribution beyond Zipf's law. *Physica A: Statistical Mechanics and Its Applications*, 384(2), 613–627. DOI: 10.1016/j.physa.2007.05.059
- Gorin N., Neshchadin A. (2010). Current tendencies of transformation of the Russian system for city settlement. *Obshchestvo i ekonomika=Society and Economy*, 12, 140–149 (in Russian).

- Kozlova O.A., Makarova M.N. (2018). Inter-municipal cooperation as an institution of strategic development of territories. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(3), 132–144. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.9 (in Russian).
- Lanzieri G. (2010). Is fertility converging across the member states of the European Union? In: *Work Session on Demographic Projections. Lisbon, 28–30 April 2010*. Luxembourg: Publications office of the European Union.
- Leksin V.N. (2012). The Crisis of the settlement system in the context of the cardinal transformation of the territorial organization of Russian society. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal*, 1, 3–44 (in Russian).
- Mazaev A.G. (2008). The national territorial settlement system as a factor of control: a geopolitical approach. *Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN*, 1, 32–37 (in Russian).
- Mazaev A.G. (2017). Domestic experience of optimization of the national system of settlement. *Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN*, 3, 20–25 (in Russian).
- Meerovich M. (2015). Uniqueness of urbanization in the USSR: Artificial formation of the settlement system. *Proekt Baikal=Project Baikal*, 45, 160–163. DOI: 10.7480/projectbaikal.45.905 (in Russian).
- Mishchenko V.V., Purichi V.V. (2015). Spatial approaches in economics and regional research of resettlement. *Izvestiya AltGU=Izvestiya of Altai State University*, 2(86), 123–127 (in Russian).
- Moura N.J., Ribeiro M.B. (2006). Zipf law for Brazilian cities. *Physica A*, 367, 441–448.
- Pavlov Yu.V. (2020). Regional settlement system balance: Assessment under Zipf's law and impact on the regional development. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 8(2), 1–14. DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.1 (in Russian).
- Pavlov Yu.V., Koroleva E.N. (2014). Spatial interaction: Evaluation with the help of global and local Moran's index. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 3, 95–110. DOI: 10.14530/se.2014.3.95-110 (in Russian).
- Rastvortseva S.N., Manaeva I.V. (2020). Zipf's law for Russian cities: Analysis of new indicators. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 16(3), 935–947. Available at: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-20> (in Russian).
- Roberts B. (2014). The systems of secondary cities – the neglected drivers of urbanising economies. *CIVIS. Sharing Knowledge and Learning from Cities*, 7, 1–11.
- Sivokhip Zh.T. (2016). Geodemographic analysis of territorial settlement systems in the Ural River basin in the context of hydroecological safety. *Byulleten' Orenburgskogo nauchnogo tsentra UrO RAN*, 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/geodemograficheskiy-analiz-territorialnyh-sistem-rasseleniya-v-bassejne-reki-ural-v-kontekste-gidroekologicheskoy-bezopasnosti> (accessed: May 17, 2022; in Russian).
- Vazhenin A.A. (2006). The impact of changing patterns of settlement processes on the characteristics of settlement systems. *Regional'nye issledovaniya*, 3(9), 43–65 (in Russian).
- Verhovih E.Yu. (2018). Polarization policy as a means of characteristics and forecast of development of the Russian national system of settlement. *Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN*, 1, 20–24 (in Russian).
- Wu Y. et al. (2020). Does China's urban development satisfy Zipf's law? A multiscale perspective from the NPP-VIIRS nighttime light data. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(1), 1460. DOI: 10.3390/ijerph17041460
- Zipf G.K. (1949). *Human Behavior and the Principle of Least Effort*. Addison-Wesley Press.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariya N. Makarova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: makarova.mn@uiec.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.5

УДК 332.1 | ББК 65.049(2)

© Патракова С.С.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СЕЛЬСКО-ГОРОДСКАЯ КООПЕРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА ПАТРАКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: sspatrakova@bk.ru

ORCID: [0000-0002-4834-3083](https://orcid.org/0000-0002-4834-3083); ResearcherID: [B-5054-2019](https://orcid.org/B-5054-2019)

Формирование устойчивых связей между городскими и сельскими территориями является важнейшей задачей на пути к достижению стратегической для России цели – обеспечение сбалансированности экономического пространства. Одним из инструментов ее решения выступает хозяйственная кооперация, трактуемая в широком смысле как объединение предприятий, производств, отраслей на основе устойчивых производственно-экономических связей в рамках единого производственного процесса. Цель исследования состоит в изучении современного состояния и обосновании необходимости активизации хозяйственной сельско-городской кооперации как одного из инструментов обеспечения сбалансированности регионального экономического пространства. В ходе работы применялись монографический, расчетно-аналитический методы, метод систематизации, аналогии и др. На примере Вологодской области установлено, что сельские территории обладают нереализованным производственным потенциалом, недостаточно эффективно используемыми ресурсами. Например, вовлечение в оборот неиспользуемых 166,8 тыс. га пашни в регионе могло бы обеспечить прирост валовых сборов сельхозкультур (льноволокна на 1,8 тыс. т, или в 3,9 раза по сравнению с фактическим уровнем 2021 года, овощей на 68,4 тыс. т, или в 2,7 раза и т. д.), объемов выручки и прибыли аграриев – на 9,8 и 0,2 млрд руб. соответственно, сумм уплачиваемых в бюджет налогов – на 43,6 млн руб. Определено, что ослабление хозяйственных связей между городом и селом в пореформенный период, в том числе в такой «традиционной» связке, как «сельское

Для цитирования: Патракова С.С. (2023). Хозяйственная сельско-городская кооперация как инструмент обеспечения сбалансированности экономического пространства региона // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 53–69. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.5

For citation: Patrakova S.S. (2023). Economic rural-urban cooperation as a tool for balancing the economic space of the region. *Problems of Territory's Development*, 27(2), 53–69. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.5

хозяйство – легкая (льняная) промышленность», сдерживает развитие сельских территорий и обуславливает недоиспользование их производственного потенциала. Предложены стратегические направления развития хозяйственной кооперации по линии «город – село». Результаты работы могут быть полезны научным сотрудникам при проведении исследований схожей тематики, органам государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления при реализации проектов и совершенствовании политики в сфере социально-экономического и пространственного развития территорий.

Регион, экономическое пространство, сбалансированность, хозяйственная кооперация, сельское хозяйство, Вологодская область.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

Одной из стратегических целей современной России является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития территорий, о чем свидетельствует утверждение в 2019 году Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹. Актуальность и значимость достижения этой цели для российского общества подтверждается в работах ведущих отечественных ученых-экономистов (Михеева, 2018; Зубаревич, 2019; Минакир, 2019; Крюков, Селиверстов, 2022). Кроме того, усиливающаяся в настоящее время геополитическая и геоэкономическая нестабильность обуславливает актуальность поиска и эффективного использования эндогенных факторов развития России и ее регионов, в т. ч. пространственного фактора.

Указанные факты формируют запрос со стороны российского общества на проведение научных исследований, посвященных изучению теоретических, методологических, практических и иных аспектов обеспечения устойчивости и сбалансированности экономического пространства на национальном, региональном, локальном уровнях.

Цель исследования заключается в изучении современного состояния и обосновании необходимости активизации хозяйственной сельско-городской кооперации как одного из инструментов обеспечения сбалансиро-

ванности регионального экономического пространства (на примере Вологодской области).

Объект исследования – регион как сложная социально-экономическая система пространственного типа, предмет – хозяйственная кооперация города и села в экономическом пространстве региона.

В ходе работы применялись такие методы, как монографический, расчетно-аналитический, систематизации, аналогии, сравнения и другие.

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области региональной и пространственной экономики; информационную базу – данные Росстата и его территориальных органов, стратегические документы Российской Федерации и ее субъектов в сфере социально-экономического и пространственного развития, ведомственная информация Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области.

Теоретико-методологические основы исследования

В настоящее время в российском и мировом научном сообществе усиливается интерес к исследованиям пространственной тематики, освещающим вопросы рационального размещения производительных сил, повышения транспортной,

¹ Утверждена Распоряжением Правительства РФ № 207-р от 13 февраля 2019 г.

информационно-коммуникационной и иной связности населенных пунктов, развития периферийных сельских территорий и городских агломераций и т. д. Однако, несмотря на это, некоторые аспекты остаются слабоизученными и дискуссионными. Среди них – вопросы разработки методических подходов и обоснования набора показателей для оценки, поиска эффективных инструментов обеспечения сбалансированности экономического пространства на региональном уровне как результата сбалансированного пространственного развития². Как мы полагаем, это обусловлено в первую очередь тем, что сама экономическая категория «сбалансированное пространственное развитие» в настоящее время находится в стадии формирования. Аналогичный вывод в отношении категории «устойчивое пространственное развитие» делает С.В. Макар (Макар, 2018).

Результаты проведенного нами критического анализа научной литературы, посвященной проблеме обеспечения сбалансированности экономического пространства³ (Абдуллаев, Мищенко, 2017; Кулибанова, Тэор, 2018; Гайнанов, Атаева, 2019; Stead, 2012; Chistobaev, Fedulova, 2018), а также отечественных и зарубежных документов стратегического планирования в соответствующей сфере (Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года, доклад ООН «Наше общее будущее»⁴, Европейская перспектива пространственного развития⁵) позволили заключить, что сбалансированное пространственное развитие представляет собой развитие, при котором соблюдаются следующие условия:

– обеспечивается согласованность целей развития и интересов экономических агентов, действующих в пространстве, а также различных элементов пространства⁶;

² Мировой опыт пространственного развития базируется на двух противоположных моделях организации пространства: рыночной, которая близка позиции Всемирного банка, и государственного сохранения (удержания), которая близка позиции Европейского союза и Организации экономического сотрудничества и развития (Курушина, Петров, 2018); Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года (2016). Москва. 111 с.). Поскольку для России стратегически важными целями являются сохранение связности и освоения ее территорий, обеспечение сбалансированного развития (согласно Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года), целесообразным видится использование в отечественной практике второй модели. Ключевая идея этой модели состоит в том, что каждая территория (регион, город, село и т. п.) уникальна с точки зрения не только экономики, но и человеческого потенциала, экологии, культуры и т. п. Формируемые за счет этого конкурентные преимущества и являются факторами сохранения и развития уже освоенных территорий, удержания их пространства. При этом крайне важно понимать, что пространственно диверсифицированное развитие не предполагает равномерный рост всех территорий, поскольку реализация конкурентных преимуществ, связанных, например, с наличием в структуре хозяйства быстрорастущих и высокотехнологичных отраслей, наличием природных ресурсов и т. п., неизбежно будет поддерживать определенный уровень межтерриториальной дифференциации. В свою очередь модель рыночной организации пространства хотя и позволит максимизировать темпы роста и развития страны в целом за счет концентрации ресурсов, но может также привести к локационному сжатию населения и производства в нескольких «очагах», ускоренному истощению периферийных территорий и потере их экономического и человеческого потенциала, снижению связности и управляемости территорий.

³ Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики (2016) / ред. кол.: А.И. Татаркин (рук.), А.Ю. Даванков, Г.Н. Пряхин, В.В. Седов, А.Ю. Шумаков. Челябинск: ЧелГУ. 295 с.; Reimer M., Getimis P., Blotvogel H. (eds.) (2014). Spatial Planning Systems and Practices in Europe: A Comparative Perspective on Continuity and Changes. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781315852577

⁴ Report of the World Commission on Environment and Development «Our Common Future». URL: <https://www.are.admin.ch/are/en/home/media/publications/sustainable-development/brundtland-report.html> (accessed 01.02.2023).

⁵ European Spatial Development Perspective. URL: <https://territorialagenda.eu/wp-content/uploads/ESDP.pdf> (accessed 01.02.2023); Европейская перспектива пространственного развития. URL: <http://vasilieva.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/guide/esdp.htm> (accessed 01.02.2023).

⁶ Под элементом экономического пространства понимается часть, наряду с другими подобными частями составляющая некоторое целое пространство. Экономическое пространство можно структурировать по разным основаниям: в зависимости от сферы реализации экономических интересов и, соответственно, сферы проявления порожденных ими экономических отношений выделяют пространство материальной, духовной, социальной сфер (Чернецова, 2006); в зависимости от сущности и формы элементов – на природные и трудовые ресурсы, климатические условия, ландшафт, хозяйствующие субъекты, финансы, институты, общественные объединения, экономическое время и другие (Урунов, 2017); с точки зрения территориальной структуры в пространстве можно выделить такие элементы, как сельские и городские территории и т. п.

Таблица 1. Примеры типовых сельско-городских связей

Тип связей	Направление	
	сельская местность – городской	городская местность – сельской
Хозяйственные, в т. ч.: – ресурсно-экологические; – продовольственные; – иные	Вода, энергия, полезные ископаемые и т. п.; свежие продукты питания и сельхозпродукция	Загрязнение окружающей среды; переработанная продукция (продукты питания, промышленные товары и др.)
Миграционные	Трудовая, учебная миграция	Возвратная, пенсионная миграция
Денежные (финансовые)	Сбережения	Инвестиции
Идеологические (культурные)	Крестьянизация, рурализация	Культурная урбанизация
Составлено по: (Lynch, 2005).		

– отсутствует тенденция повышения уровня диспропорций между элементами пространства.

В связи с этим, рассматривая регион как открытую социально-экономическую систему пространственного типа и выделяя в нем два взаимосвязанных и взаимообусловленных⁷ элемента – город и село, можно сделать следующий вывод. Достижение сбалансированности пространственного развития обуславливает необходимость согласования целей развития городских и сельских территорий и снижения уровня социально-экономических, инфраструктурных и иных диспропорций между ними. Однако, на наш взгляд, выполнение этих условий не представляется возможным при изолированном развитии городской и сельской местности, не учитывающем их взаимозависимость и объективно существующие между ними разнообразные связи (табл. 1). Исходя из этого, полагаем, что установление устойчивых, интенсивных, паритетных связей по линии «город – село» может считаться третьим условием сбалансированности регионального экономического про-

странства, наряду с пропорциональностью темпов и согласованностью целей их развития.

Базовыми связями, существующими в региональном экономическом пространстве между городом и селом, являются хозяйственные (экономические) связи, складывающиеся между производителями и потребителями товаров, работ, услуг. Наиболее явно они прослеживаются в агро- и лесопромышленном комплексах (АПК и ЛПК). Например, в АПК: между сельхозорганизациями, крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, производящими в границах сельских территорий сельхозсырье и продовольственные товары, и предприятиями, их перерабатывающими, расположенными в основном в городах; между предприятиями, производящими оборудование и технику, материалы для сельскохозяйственного производства, и аграриями, приобретающими эти товары, и т. д. Подобное объединение отдельных отраслей, производств и предприятий на основе устойчивых производственно-экономических связей в рамках единого производственного процесса

⁷ Идея о том, что город и село необходимо изучать как части целого, а не отдельные независимые образования, прослеживается в работах таких известных ученых, как Л. Вирт, П. Полян, П. Сорокин, Р. Редфилд (Копотева И.В., Никулин А.М., Ризатдинов Р.Ф., Троцук И.В. (2016). Российские и зарубежные типологии сельских регионов и сообществ: к поиску междисциплинарных направлений сельско-городских исследований в контексте модели микрорайонирования Е.Е. Лейзеровича. М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 62 с.). Как отмечают С.Г. Головина и А.В. Ручкин, «растущая взаимозависимость между городскими и сельскими территориями в настоящее время является бесспорной аксиомой, не требующей доказательств, причем не только города могут предоставлять сельским жителям возможности преодоления имеющихся трудностей, но и сельские территории обладают разнообразными ресурсами для решения проблем горожан» (Головина, Ручкин, 2022).

называется хозяйственной кооперацией (от лат. «cooperatio» – «совместное ведение дел, сотрудничество»)⁸.

В советский период хозяйственной кооперации (в основном в агропромышленном комплексе) отводилась принципиальная роль в решении задачи по ликвидации социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней, ускоренному развитию сельских территорий. Это прослеживалось не только в работах ученых (например, Л.В. Никифорова, Г.И. Шмелева и др.), но и в проводимой государственной политике. Например, именно инициированный после мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 года процесс интенсивного перевода сельского хозяйства на индустриальные рельсы «сделал особенно актуальной и насущной проблему расширения производственно-экономических связей деревни и города»⁹.

Однако после рыночных реформ 1990-х гг. ситуация изменилась. Если среди исследователей тема развития сельско-городского сотрудничества, хозяйственной кооперации в целом сохранила свою актуальность (о чем свидетельствуют работы Т.Е. Кузнецовой, А.М. Никулина, О.С. Сухарева, С.Н. Суетина и др.), то в государственной политике – утратила былую значимость. Как результат, существенная часть ранее сформированных между городом и селом производственно-экономических связей, цепочек создания добавленной стоимости (не только в промышленности, но и АПК и ЛПК) в России была ослаблена и даже разрушена. Формирование же новых производственно-хозяйственных связей между городом и селом (например,

в сферах туризма, оказания экосистемных услуг и др.) в настоящее время происходит крайне медленно¹⁰.

Между тем первоначальный импульс для установления и развития устойчивых, интенсивных, паритетных связей по линии «город – село» может быть задан именно органами государственной власти и местного самоуправления через принятие соответствующих нормативно-правовых актов, разработку специальных программ и проектов, создание специальных институтов и т. п., обязательных к учету и исполнению. Об успешности такого подхода свидетельствует зарубежный опыт. Например, в рамках реализации проекта Европейского союза ROBUST¹¹ на 11 пилотных территориях были достигнуты следующие результаты (Головина, Ручкин, 2022):

- обеспечена согласованность целей развития городов и сел (пример: изменение целей регионального развития с сугубо урбанизированных на инклюзивные и для городских, и для сельских районов в испанской провинции Валенсия);

- обеспечено снижение уровня диспропорций в развитии между городом и селом (пример: снижение уровня инфраструктурных диспропорций в районе Грац-Умгебунг австрийской агломерации Штирия в результате создания службы микрообщественного транспорта);

- повышена связность города и села в сферах экономики, культуры и т. д. (пример: разработка проектов интеграции сельско-городской политики в таких областях, как агроэкология, территориальное планирование, циркулярное сельское хозяйство и других в

⁸ Соответствует т. н. широкому подходу к трактовке кооперации как форме сотрудничества. Более узким является подход к кооперации как к виду хозяйственной организации, в основе которой лежит, в частности, кооперативная собственность (Ярославцев А.В., Ярославцева Т.А. (2018). Кооперация: понятие, виды, механизмы создания, условия для эффективной деятельности потребительских обществ: методические рекомендации для муниципальных образований Хабаровского края. Хабаровск: Ассоциация «Совет муниципальных образований Хабаровского края». 188 с.).

⁹ Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма (1979) / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Москва: Политиздат. 432 с.

¹⁰ В сравнении с ситуацией в развитых зарубежных странах, где сельско-городское сотрудничество поддерживается и стимулируется разнообразными межгосударственными и национальными программами, проектами, негосударственными фондами и т. п., описанными в работе (Головина, Ручкин, 2022).

¹¹ ROBUST – Rural-Urban Outlooks: Unlocking Synergies. URL: <https://ec.europa.eu/eip/agriculture/en/find-connect/projects/robust-rural-urban-outlooks-unlocking-synergies> (accessed 01.02.2023).

Таблица 2. Производство продукции сельского хозяйства в 2000–2021 гг. в хозяйствах всех категорий* Вологодской области, млн руб. в ценах 2021 года

Производство продукции сельского хозяйства	2000 год	2005 год	2010 год	2015 год	2021 год	2021 год к 2000 году, %	2021 год к 2015 году, %
Всего	50499,4	45489,7	38625,8	38441,4	41823,7	82,8	108,8
В т.ч.:							
животноводство	32871,5	30991,3	29574,8	26201,0	29938,2	91,1	114,3
растениеводство	16516,4	14491,5	9935,8	12528,4	11885,5	72,0	94,9

Примечание: данные за 2021 год предварительные.
* Сельскохозяйственными организациями, крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, личными подсобными хозяйствами населения.
Составлено по: данные Вологдастата.

нидерландском муниципалитете Эде; проведение в Любляне (Словения) мероприятия, сочетающего в себе черты фондовой биржи и «быстрых знакомств», для активизации сотрудничества местных производителей продуктов питания с крупными потребителями, такими как государственные учреждения (детские сады, школы, больницы), крупные компании и рестораны.

В связи с обозначенным можно заключить, что исследование современного состояния, проблем и перспектив развития хозяйственной кооперации между городом и селом не теряет своей научной и практической значимости, а существующая необходимость обеспечения сбалансированности экономического пространства регионов России лишь усиливает его актуальность.

Результаты исследования

Для южных, центральных и даже северных регионов России основной сферой развития хозяйственной сельско-городской кооперации выступает агропромышленный комплекс. Обусловлено это исключительной стратегической значимостью его отраслей, производительные силы которых рассредоточены между городом и селом. Так, именно на сельских территориях размещены мощности сельхозтоваропроизводителей, явля-

ющихся, с одной стороны, потребителями, а с другой – поставщиками продукции для целого комплекса промышленных (обрабатывающих) предприятий, локализованных преимущественно в городах¹². Можно заключить, что от эффективности хозяйственной кооперации в АПК в определенной степени зависит развитие не только сельской, но и городской местности.

Как мы полагаем, ослабление и даже разрывы хозяйственной кооперации в АПК между городом и селом стали одними из ключевых факторов недоиспользования производственного потенциала сельских территорий в настоящее время, что при активном развитии городов и городских агломераций сдерживает возможности обеспечения сбалансированности регионального экономического пространства. Проследим это далее на примере Вологодской области, сельское хозяйство для которой является одной из ключевых отраслей экономики.

В 2021 году сельхозтоваропроизводителями региона было произведено продукции сельского хозяйства на 41823,7 млн руб., что ниже уровня 2000 года на 17,2% (на 8675,7 млн руб.; табл. 2), в т. ч. в животноводстве – на 8,9% (на 2933,3 млн руб.), растениеводстве – на 28,0% (на 4630,9 млн руб.). В то же время по сравнению с 2015 годом производство сельхозпродукции увеличилось (на 8,8%, или 3382,3 млн руб.,

¹² Изучение базовых теорий размещения производительных сил (сельскохозяйственного штандорта И.Г. фон Тюнена, центральных мест В. Кристаллера, организации экономического пространства А. Леша и др.) позволяет сделать вывод, что предприятия обрабатывающей промышленности стремятся к размещению преимущественно в узлах пространства – малых и средних, крупных, больших городах, концентрирующих в себе ресурсы, знания, рабочую силу.

Таблица 3. Производство продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий Вологодской области в 2000–2021 гг.

Продукция сельского хозяйства	2000 год	2005 год	2010 год	2015 год	2021 год	2021 год к 2000 году, %	2021 год к 2015 году, %
Животноводство							
Молоко, тыс. т	494,9	470,1	443,0	469,6	588,8	119,0	125,4
Скот и птица на убой (в живой массе), тыс. т	84,6	79,5	77,0	51,5	49,3	58,3	95,7
Яйцо, млн шт.	538,3	620,4	587,1	473,0	641,6	119,2	135,6
Растениеводство							
Зерно и зернобобовые (в весе после доработки), тыс. т	220,3	192,8	153,6	252,7	108,8	49,4	43,1
Картофель, тыс. т	481,5	255,1	150,8	168,0	183,7	38,2	109,3
Овощи открытого и закрытого грунта, тыс. т	193,6	81,4	48,7	52,6	51,2	26,4	97,3
Волокно льна-долгунца, тыс. т	3,9	4,5	3,4	4,2	0,6	15,4	14,3
Составлено по: данные Вологдастата.							

в т. ч. в животноводстве – на 14,3%, или 3737,2 млн руб.; в растениеводстве при этом наблюдалось снижение на 5,1%, или 642,9 млн руб.).

Анализ ряда натуральных показателей функционирования подотраслей сельского хозяйства также свидетельствует о более интенсивном развитии животноводства, чем растениеводства, которое со временем стало подчинено нуждам животноводства и удовлетворению его потребностей в кормовой базе (в 2021 году под кормовыми культурами было занято 68,5% от общей площади посевов). Так, если животноводство постепенно стало восстанавливаться после кризисов 1990-х, 2014 гг. (объемы производства молока за 2015–2021 гг. увеличились на 25,4%, яйца – на 35,6%; табл. 3), то в растениеводстве сохранились тенденции сокращения валовых сборов большей части сельхозкультур. В частности, сбор волокон льна-долгунца за период 2000–2021 гг. снизился на 84,6%, 2015–2021 гг. – на 85,7%, хотя ранее Вологодчина считалась историческим центром льноводства, где географически сосредоточены организации, представляющие все основные элементы цепочки производства и переработки продукции льноводства

(Барабанов, 2014; Маклахов и др., 2018). В 1986–1990 гг. в области производилось порядка 10,2 тыс. т льноволокна, что в 17 раз больше уровня 2021 года, в 2,4 раза – уровня 2015 года.

Между тем для увеличения объемов производства продукции растениеводства в регионе есть ресурсы и возможности. В первую очередь они связаны с наличием неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения, в т. ч. наиболее ценной их части – пашни¹⁵.

В ходе анализа данных Вологдастата и ФГБУ ГЦАС «Вологодский» выявлено, что в Вологодской области на 1 января 2021 года не использовалось 365,8 тыс. га пашни (порядка 1/2 от площади пашни региона; табл. 4). Из них пригодны для введения в оборот 166,8 тыс. га (45,6%), т. к. остальные характеризуются залесенностью и закустаренностью (198,3 тыс. га, или 54,2%), заболачиванием и подтоплением (0,7 тыс. га, или 0,2%).

Потенциально, при сохранении уровня урожайности и структуры посевных площадей по занимаемым видам сельхозкультур, при введении в оборот 166,8 тыс. га пашни аграрии региона могли бы произвести дополнительно порядка 216081,0 т зерна и зер-

¹⁵ Отечественные исследователи отмечают, что одними из важнейших составляющих развития Нечерноземной зоны России, в границах которой находится и Вологодская область, в перспективе могли бы стать введение в оборот необрабатываемых земель и восстановление структуры посевов, включающей в обязательном порядке три базовых направления – кормовые культуры, овощи и лен-долгунец (Маклахов и др., 2020).

Таблица 4. Наличие неиспользуемой пашни в Вологодской области на 01.01.2021

Район Вологодской области	Площадь пашни всего, тыс. га	Неиспользуемая пашня, тыс. га	Состояние неиспользуемой пашни, тыс. га		Пригодная для введения в оборот пашня	
			закустаренность и залесенность	заболачивание и подтопление	тыс. га	% от неиспользуемой пашни
Бабаевский	25,2	14,5	9,2		2,3	15,9
Бабушкинский	18,1	14,5	8,0		6,5	44,8
Белозерский	17,1	12,5	8,2	0,1	4,2	33,6
Вашкинский	8,9	5,8	2,4		3,4	58,6
Великоустюгский	34,8	22,8	9,2		13,6	59,6
Верховажский	23,5	8,3	4,0		4,3	51,8
Вожегодский	21,8	10,4	7,0		3,4	32,7
Вологодский	88,7	19,0	1,6		17,4	91,6
Вытегорский	11,6	9,6	6,7		2,9	30,2
Грязовецкий	57,2	21,1	12,9		8,2	38,9
Кадуйский	13,8	7,6	4,6		3,0	39,5
Кирилловский	21,2	10,7	4,9		5,8	54,2
Кичм.-Городецкий	33,3	18,5	11,8		6,7	36,2
Междуреченский	15,6	8,3	2,6		5,7	68,7
Никольский	27,1	18,3	9,0		9,3	50,8
Нюксенский	22,3	16,6	12,0		4,6	27,7
Сокольский	30,1	3,8	2,9	0,1	0,8	21,1
Сямженский	18,6	16,8	8,0		8,8	52,4
Тарногский	40,0	22,9	18,9		4,0	17,5
Тотемский	27,0	10,6	6,8	0,2	3,6	34,0
Усть-Кубинский	20,4	5,8	1,7	0,1	4,0	69,0
Устюженский	32,6	17,9	13,8		4,1	22,9
Харовский	18,5	14,6	6,3		8,3	56,8
Чагодощенский	10,2	4,3	2,2		2,1	48,8
Череповецкий	61,2	38,0	20,1	0,2	17,7	46,6
Шекснинский	43,5	12,6	3,5		9,1	72,2
Итого по области	743,1	365,8	198,3	0,7	166,8	45,6

Составлено по: данные Вологдастата, ФГБУ ГЦАС «Вологодский».

нобобовых (в 3 раза больше, чем было фактически произведено в 2021 году; табл. 5), 1813,0 т волокна льна-долгунца (в 3,9 раза), 231012,0 т картофеля (в 2,3 раза) и 68425,0 т овощей открытого грунта (в 2,7 раза), и тем самым способствовать удовлетворению не только регионального, но и межрегионального (в рамках Северо-Западного федерального округа) спроса на продовольствие и сельхозсырье.

При реализации дополнительно произведенных объемов сельхозпродукции по

средним ценам 2021 года выручка сельхозтоваропроизводителей могла бы составить 9770,3 млн руб. А поскольку, по данным Вологдастата, доля прибыли в выручке по виду экономической деятельности «растениеводство, животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях» составляла в 2017–2021 гг. порядка 5,1%, то объем полученной аграриями региона прибыли мог бы составить 198,3 млн руб.

Отметим, что при реализации мероприятий по вовлечению в оборот неиспользуе-

Таблица 5. Потенциальные объемы валовых сборов сельскохозяйственных культур и выручки от их реализации в результате введения в оборот 166,8 тыс. га неиспользуемой пашни в Вологодской области

Сельскохозяйственная культура	Площадь вводимой пашни (посевов), тыс. га	Урожайность с посевной площади*, ц/га	Валовый сбор, т	Средняя цена реализации, руб./т	Выручка от реализации, млн руб.
Зерновые и зернобобовые культуры	143,1	15,1**	216081,0***	12317,0	2661,5
Лен-долгунец (волокно)	4,9	3,7	1813,0	37149,63	67,4
Картофель	16,2	142,6	231012,0	17331,0	4003,7
Овощи открытого грунта	2,5	273,7	68425,0	44396,0	3037,8
Итого по всем культурам	166,8	-	-	-	9770,3

Примечание: поскольку в рамках исследования мы оцениваем потенциальный эффект от развития подотрасли растениеводства, то общая площадь неиспользуемой пашни была распределена между такими культурами, как зерновые и зернобобовые, картофель, овощи открытого грунта, лен-долгунец, т. е. исключены кормовые культуры.
* В хозяйствах всех категорий; для расчета использовалась средняя урожайность за 2017–2021 гг.
** В весе после доработки.
*** В весе после доработки, поскольку использовалось соответствующее значение урожайности.
Составлено по: данные Вологдастата, ЕМИСС.

мых площадей пашни также мог быть обеспечен значительный бюджетный эффект: в частности, увеличение объемов поступлений от единого сельскохозяйственного налога¹⁴ или налогов на прибыль и имущество организаций в федеральный, региональный, местный бюджеты в зависимости от избранной сельхозтоваропроизводителями системы налогообложения, НДС работников (поскольку вовлечение земель в оборот потребует использования дополнительной рабочей силы для их обработки).

Например, при вовлечении в оборот 166,8 тыс. га пашни и осуществлении в их границах производства продукции растениеводства организациями, находящимися на ЕСХН, прирост поступлений в бюджет мог бы потенциально составить 43,6 млн руб., в т. ч. в федеральный бюджет – 13,1 млн руб., в бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты – 26,2 млн руб. (табл. 6). Остальная

сумма в размере 4,33 млн руб. подлежит распределению между федеральным и территориальными фондами обязательного медицинского страхования, Фондом социального страхования Российской Федерации.

При этом, на наш взгляд, эффект от введения в оборот неиспользуемых площадей сельхозугодий не ограничится лишь повышением уровня продовольственной безопасности региона и страны в целом, ростом объемов выручки и прибыли аграриев и уплачиваемых ими налогов. Он проявится в увеличении численности работников сельского хозяйства и, соответственно, уровня занятости сельского населения, работников сопряженных отраслей (например, пищевой, легкой промышленности) и т. д. То есть имел бы место значительный мультипликативный эффект в целом для экономики региона.

Однако потенциал сельских территорий Вологодской области по вовлечению в

¹⁴ Система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог; ЕСХН) – это специальный налоговый режим, который разработан и введен для производителей сельскохозяйственной продукции. Для сельхозтоваропроизводителей-организаций переход на ЕСХН освобождает от уплаты налогов на прибыль и имущество организаций, для сельхозтоваропроизводителей – индивидуальных предпринимателей – от налогов на имущество физических лиц, на доходы физических лиц (в отношении доходов от предпринимательской деятельности). Вместе с тем налогоплательщики, применяющие ЕСХН, имеют право на освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика НДС в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 145 НК РФ.

Таблица 6. Размер ЕСХН, подлежащий уплате в бюджет по итогам введения в оборот 166,8 тыс. га неиспользуемой пашни и организации на них производства продукции растениеводства

Показатель	Значение
Налоговая ставка ЕСХН, %	6
Налоговая база*, млн руб.	727,1
Сумма налога, подлежащая уплате в бюджет, млн руб., в т. ч.:	43,63
федеральный бюджет	13,1
бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты	26,2

* Налоговая база в системе налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей равна сумме доходов за вычетом расходов. При этом налогоплательщики вправе уменьшить налоговую базу на сумму убытка, полученного по итогам предыдущих налоговых периодов.
Примечание: представлен упрощенный расчет. Так, в качестве налогоплательщиков с доходов рассматривались только сельскохозяйственные организации (без КФХ и ИП); при расчете налоговой базы не учитывалось возможное наличие у сельхозтоваропроизводителей убытка, полученного в предыдущих налоговых периодах и уменьшающего налоговую базу; при расчете налоговой базы доходы приравнивались к выручке от реализации (поскольку исследовался потенциальный прирост сумм налога только от изменения объемов производства продукции растениеводства), а расходы – сумме себестоимости реализации соответствующих видов сельхозкультур.
Составлено по: расчеты с опорой на ст. 346.9 части второй Налогового кодекса РФ.

оборот неиспользуемых площадей земель сельхозназначения и их использованию в процессе производства продукции растениеводства остается невостребованным и нереализованным. Причины сложившейся ситуации, на наш взгляд, кроются не столько в наличии проблем функционирования самого сельского хозяйства¹⁵, сколько в низком уровне спроса на его результаты со стороны предприятий обрабатывающей промышленности, в частности текстильной. Это в свою очередь обусловлено «шоковыми» рыночными реформами 1990-х гг., в результате проведения которых значительная доля продукции обрабатывающей промышленности оказалась неконкурентоспособной по сравнению с импортными товарами, а сами предпри-

ятия более десятилетия не имели финансовых возможностей инвестировать в обновление производственной базы, в новые продукты¹⁶.

Одной из наиболее пострадавших после трансформационного кризиса оказалась легкая промышленность¹⁷, в частности сегмент производства льняных тканей, т. к. производители текстиля стали отдавать предпочтение более дешевому и удобному в обработке хлопковому сырью. Например, на начало 2000-х гг. себестоимость производства льняных тканей из отечественного сырья была в 4 раза выше, чем затраты на выпуск хлопчатобумажных тканей из импортного сырья¹⁸.

Как результат, производство льняных тканей в РФ за 1990–2021 гг. сократилось

¹⁵ Справедливо отметить, что ввиду расширения направлений и повышения объемов государственной поддержки сельского хозяйства, в т. ч. в рамках реализации Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, государственной программы Комплексного развития сельских территорий, состояние отрасли сельского хозяйства региона и страны в целом улучшается.

¹⁶ Предприятия и рынки в 2005–2009 гг.: итоги двух раундов обследования российской обрабатывающей промышленности (2010) / науч. рук. проекта Е.Г. Ясин; науч. ред. Б.В. Кузнецов; Гос. ун-т – Высшая школа экономики; Ин-т анализа предприятий и рынков. Москва: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 150 с.

¹⁷ Как отмечают исследователи, в начале 1990-х гг. ввиду разрушения старых вертикально-интегрированных цепей поставок и массового наплыва дешевого импорта (прежде всего из Китая) произошел обвал производства в легкой промышленности: его объем в стоимостном выражении снизился в 5 раз, в натуральном – в 8 раз (Текущее состояние и перспективы развития легкой промышленности в России (2014) / В.В. Радаев (рук. исслед. кол.), В.Н. Данилина, З.В. Котельникова, Е.А. Назарбаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 333 с.).

¹⁸ Легкая промышленность России: отраслевой обзор (2004). Москва: Департамент консалтинга группы ИНЭК. URL: <https://inec.ru/documents/legprom-rus.pdf> (дата обращения 01.02.2023).

Таблица 7. Динамика некоторых показателей производства продукции льняного комплекса РФ и Вологодской области за 1990–2021 гг.

Показатель	1990 год	2000 год	2010 год	2021 год
Российская Федерация				
Валовой сбор льноволокна, тыс. т	71,3	51,1	35,2	25,9
Производство волокна льна, подготовленного для прядения, т	н. д.	н. д.	24757,0	15182,1
Производство льняных тканей, млн кв. м	603,0	113	52,5	25,1
Экспорт льняных тканей, млн кв. м	н. д.	51,8	13,7	2,1
Импорт льняных тканей, млн кв. м	н. д.	2,4	0,7	3,2
Вологодская область				
Валовой сбор льноволокна, тыс. т	7,1	3,9	3,4	0,6
Производство волокна льна, подготовленного для прядения, т	н. д.	н. д.	950,0	183,8
Производство льняных тканей, тыс. кв. м	28282,0	13557,0	7052,0	н. д.
Составлено по: данные Росстата, ЕМИСС, ФТС РФ; (Фомченкова, 2003).				

в 24 раза (с 603,0 до 25,1 млн кв. м; табл. 7). Их экспорт в 2000–2021 гг. снизился более чем в 24 раза (с 51,8 до 2,1 млн кв. м; Россия в настоящее время занимает порядка 0,3% мирового рынка льняной продукции, что в разы меньше, чем в начале 1990-х гг.¹⁹), а импорт – возрос в 1,3 раза (с 2,4 до 3,2 млн кв. м).

В Вологодской области, имеющей некогда статус исторического центра льноводства²⁰, производство льняных тканей практически прекратилось: если в 1990 году было произведено 28,3 млн кв. м ткани, то за 2021 год данные о производстве отсутствуют, что можно объяснить консервацией цеха по переработке льноволокна в ООО «Вологодский текстильный комбинат». Еще ранее (в 2012 году) прекратил деятельность льнокомбинат в г. Красавино Великоустюгского района, работавший с 1851 года и являющийся первой в Российской империи фабрикой по выпуску тонких льняных изделий²¹. Очевидно, что из цепочки хозяйственной кооперации «выпало» важное звено. В связи с

этим получаемое аграриями льноволокно, которое ранее поступало на местные льнокомбинаты г. Вологды и г. Красавино, было переориентировано на сбыт в другие регионы России (в основном в Удмуртию, Ярославскую и Ивановскую области) и за границу²².

Следствием прекращения деятельности крупных льнотекстильных предприятий Вологодской области стало и снижение спроса на основную продукцию льнозаводов (льноволокно, подготовленное для прядения), а затем и льносеющих хозяйств региона (льнотреста). В результате сократился уровень использования среднегодовых производственных мощностей организаций льняного комплекса в Вологодской области (например, по выпуску волокон льна, подготовленных для прядения, с 49,4% в 1991–1995 гг. до 8,3% в 2021 году по данным Вологдастата). Также уменьшилось количество предприятий льняного комплекса региона. Если на начало 2000-х гг. льняной комплекс включал 143 льносеющих хозяйства и 19 льнозаводов (не учитывая семеноводче-

¹⁹ ООО «Русский Лен». URL: <https://russianlinen.ru/culture/world-market> (дата обращения 01.02.2023).

²⁰ Вологодская область, славившаяся своим льном, уже с XII века привлекала внимание новгородцев, которые вывозили лен в Европу. В XVI веке, с открытием торгового пути через Белое море, внимание к вологодскому льну стали проявлять и англичане, которые скупали северный лен-сырец и холст. Источники: Официальный турпортал города Вологды. URL: <https://turvologda.ru/brands/288> (дата обращения 01.02.2023); (Маклахов и др., 2018).

²¹ Управление Великоустюгским районом: история и современность (2008). Вологда: Древности Севера. 264 с.

²² 35медиа. URL: <https://35media.ru/paper-golos/2020/08/05/pochemu-v-vologodskij-len-nas-odevaet-kitaj> (дата обращения 01.02.2023); Льняная дорога. URL: <https://www.lendoroga.ru/tury/pochemu-v-vologodskij-len-nas-odevaet-kitaj.html> (дата обращения 01.02.2023).

Таблица 8. Перечень предприятий Вологодской области, возделывающих и перерабатывающих лен-долгунец, по состоянию на 01.01.2021

Район Вологодской области	Льноводческие предприятия	Льноперерабатывающие предприятия
Череповецкий*	1. СПК (колхоз) «Батран»	1. СПК (колхоз) «Батран» (выпускаемая продукция: длинное и короткое льноволокно)
Бабаевский*	2. ПК (колхоз) «Пожарское»	2. ПК (колхоз) «Пожарское» (выпускаемая продукция: длинное и короткое льноволокно)
Вологодский*	3. КХ «Подворье»	3. КХ «Подворье» (выпускаемая продукция: короткое льноволокно)
Устюженский*	4. СПК (колхоз) «Пригородный плюс»	4. СПК (колхоз) «Пригородный плюс» (выпускаемая продукция: длинное и короткое льноволокно)
	5. ООО «Выдвиженец плюс»	
	6. ООО «Жуковец»	
Шекснинский*	7. АО «Шексна»	5. АО «Шексна» (выпускаемая продукция: брезенты, ткани льняные, пряжа, межвенцовый утеплитель)
	8. СПК «Русь»	
Кичменгско-Городецкий*	9. ООО «Кичменгский лен»	6. ООО «Кичменгский лен» (выпускаемая продукция: длинное и короткое льноволокно)
	10. ООО «Союз АГРО»	
Юридический адрес – Верховажский, адрес производства – Великоустюгский	11. ООО «Верховажье Лен»	7. ООО «Верховажье Лен» (выпускаемая продукция: длинное и короткое льноволокно)
Верховажский*	12. СПК колхоз «Нижне-Кулое»	8. ООО «ВитаЛен» (выпускаемая продукция: длинное и короткое льноволокно)
Никольский*	13. ИП Глава КФХ Куваев М.Л.	9. ЗАО «Никольсклен» (выпускаемая продукция: длинное и короткое льноволокно)
Тарногский*	14. ООО «Верхний Спас»	
Примечание: цветом выделены предприятия, в которых осуществляется льноводство и льнопереработка. * Место производства совпадает с юридическим адресом. Составлено по: данные ФГБУ «Агентство «Лен».		

ские предприятия и 2 льнокомбината)²³, то на начало 2021 года – всего 14 возделывающих и 9 перерабатывающих лен-долгунец предприятий. При этом важно отметить, что в 8 из 9 организаций осуществляется первичная переработка сельхозсырья и лишь в одной – углубленная, с получением продуктов с более высокой добавленной стоимостью (брезента, пряжи, льняных тканей, межвенцового утеплителя; табл. 8).

Рассмотренная нами связка «сельское хозяйство – легкая (льняная) промышлен-

ность» – лишь один из примеров, позволяющих увидеть и оценить последствия ослабления хозяйственных связей между городом и селом, в числе которых недоиспользование потенциала сельских территорий; упущение дополнительных объемов сельхозпродукции и, соответственно, сумм прибыли сельхозтоваропроизводителями, сумм налогов – бюджетной системой РФ; ликвидация крупных предприятий, являющихся некогда точками роста сельских территорий, и иные.

²³ Льняной комплекс: без модернизации текстильных предприятий и стабилизации сырьевой базы льняную отрасль Вологодчины не реанимировать (2002) // Эксперт: Северо-Запад. № 23. С. 18–19. URL: <https://www.booksite.ru/prensa/25.htm> (дата обращения 01.02.2023).

Выводы и обсуждение

Проведенное исследование позволило установить, что ослабление хозяйственных связей, ранее сформированных между городскими и сельскими производителями и потребителями товаров, работ, услуг, сдерживает развитие российского села и является барьером на пути к обеспечению сбалансированности регионального экономического пространства. В связи с этим актуальны разработка стратегических направлений и реализация в их рамках практических мер по развитию хозяйственной кооперации, повышению связности экономик города и села.

На наш взгляд, можно выделить достаточно большое число направлений, в рамках которых развитие хозяйственной кооперации между городом и селом может принести положительные экономические и социальные эффекты. Среди традиционных для России такими направлениями могут выступить, например, сельское и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство, собирательство дикорастущих ягод, грибов, плодов. Новыми могут стать такие, как туризм (сельский, сельскохозяйственный и промышленный, событийный, паломнический и др.) и экосистемные услуги, энергетика (например, в рамках размещения на пригородных сельских территориях источников генерирования возобновляемых источников энергии). При выборе стратегических направлений развития сельско-городской хозяйственной кооперации для конкретных территорий целесообразно использовать дифференцированный подход, при котором учитываются потенциал региона и ресурсы, сильные и слабые стороны, возможности и угрозы. В частности, в Вологодской области, имеющей исторические традиции, навыки

льноводства, производства льняных тканей и одежды из них, сельско-городская кооперация может быть связана с проектами возрождения льняного комплекса:

- удлинением в регионе цепочек создания добавленной стоимости посредством, например, вывода из консервации льнотекстильного цеха ООО «Вологодский текстильный комбинат» для переработки местного льноволокна, формирования производственных кластеров – западного (предприятия Бабаевского, Устюженского, Череповецкого, Шекснинского, Вологодского районов) и восточного (предприятия Великоустюгского, Кичм.-Городецкого, Никольского, Тарногского, Верховажского районов), направленных на кооперацию льноводческих и льноперерабатывающих предприятий в производстве сравнительно новой для региона продукции из льноволокна (медицинская вата и перевязочные материалы), льносемена (мука из пищевого и комбикорма из технического жмыха), костры (топливные брикеты, костроплиты и т. п.); в целом, продукция из льна в настоящее время востребована в таких сферах, как текстильная, целлюлозно-бумажная, канатно-веревочная, медицинская, военная, аэрокосмическая, автомобильная промышленность, строительство²⁴;

- созданием и реализацией новых туристических продуктов (сувениры из льна, туры одного дня на льнопроизводства с интерактивными программами и др.);

- разработкой и ведением образовательных курсов по выращиванию и переработке льна²⁵.

При этом в целях активизации и повышения устойчивости сельско-городской кооперации (не только хозяйственной, но и образовательной, культурной и др.) целесообразным видится внесение изменений

²⁴ ООО «Русский Лен». URL: <http://www.russianlinen.ru/culture/linen-using> (дата обращения 01.02.2023).

²⁵ С 2008 года на базе Вологодской ГМХА им. Н.В. Верещагина проводилось обучение студентов с углубленной специализацией «Льноводство»; за три курса было подготовлено 37 специалистов с высшим образованием. Однако с 2010 года подготовка специалистов прекратилась в связи с невостребованностью сельхозорганизациями и отсутствием государственных заданий на продолжение обучения от Минсельхоза РФ. Источник: Сайт Губернатора Вологодской области О. Кувшинникова. URL: https://okuvshinnikov.ru/persona/prensa_o_gubernatore/interfaks_vologodchina_vozobnovit_podgotovku_kadrov_dlya_lnyanoj_otrasli_esli_minselhoz_podderzhit_sozdanie_klastera (дата обращения 01.02.2023).

в систему государственного управления территориальным развитием, касающихся прежде всего:

1) разработки концептуальных основ скоординированного/взаимоуязвленного/интегрированного сельско-городского развития, которые получили бы отражение в стратегических документах федерального, регионального, местного уровней в области пространственного и социально-экономического развития (Кожевников, Патракова, 2022);

2) учреждения при органах региональной власти специальных институтов поддержки сельско-городской кооперации в форме некоммерческих организаций, выполняющих функции консультационного, организационного и правового сопровождения, фандрайзинга и софинансирования проектов сотрудничества между городом и селом; крайне важно опираться на зарубежный опыт создания подобных институтов, описанный, например, в работах (Головина, Ручкин, 2022;

Masum, Klaus, 2018; Wang, Tan, 2018; Oedl-Wieser et al., 2020; Tang et al., 2021);

3) принятия федерального закона «О городских агломерациях», регулирующего связи между городами и прилегающими к ним сельскими территориями (проект закона был подготовлен еще в 2020 году, поэтому требует не просто утверждения, но и доработки, приведения в соответствие действующим нормативно-правовым актам).

Результаты исследования вносят вклад в развитие представлений о современных тенденциях хозяйственной кооперации городов и сельских территорий в региональном пространстве. Они могут быть использованы научными сотрудниками при проведении исследований схожей тематики, органами государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления при реализации проектов и совершенствовании политики в сфере социально-экономического и пространственного развития территорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев Р.А., Мищенко К.Н. (2017). Исследование теоретико-методических основ концепции территориального развития региона и формирование системы полюсов роста Ростовской области // Региональная экономика: теория и практика. Т. 15. № 5. С. 802–813.
- Барабанов А.С. (2014). Управление региональной конкурентоспособностью / под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН. 160 с.
- Гайнанов Д.А., Атаева А.Г. (2019). Сбалансированное пространственное развитие Республики Башкортостан: проблемы и перспективы // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. № 1 (27). С. 7–15.
- Головина С.Г., Ручкин А.В. (2022). Европейский опыт сельско-городского развития: возможности для сельскохозяйственных кооперативов // Вестник НГИЭИ. № 8 (135). С. 71–86. DOI: 10.24412/2227-9407-2022-8-71-86
- Зубаревич Н.В. (2019). Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. № 1. С. 135–145. DOI: 0042-8736-2019-1-135-145
- Кожевников С.А., Патракова С.С. (2022). Приоритеты и инструменты обеспечения внутрирегиональной интеграции пространства по линии «город – село» // Вопросы управления. № 2. С. 76–90.
- Крюков В.А., Селиверстов В.Е. (2022). Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. № 5. С. 22–40. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40
- Кулибанова В.В., Тэор Т.Р. (2018). Идентификация региональных стейкхолдеров в контексте сбалансированного пространственного развития территорий // Формирование цифровой экономики и промышленности: новые вызовы / под ред. А.В. Бабкина. Санкт-Петербург: Изд-во Политехн. ун-та. 660 с.
- Курушина Е.В., Петров М.Б. (2018). Критерии успешности проектов пространственного развития на основе межрегиональной интеграции // Экономика региона. № 1. С. 176–189. DOI: 10.17059/2018-1-14

- Макар С.В. (2018). Устойчивое пространственное развитие: критерии и индикаторы // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: мат-лы междунар. науч. конф. в рамках IX Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Т. 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 43–46.
- Маклахов А.В., Живетин В.В., Задумкин К.А., Симонов Г.А. (2018). Состояние и перспективы развития льняного комплекса Вологодской области // Горное сельское хоз-во. № 2. С. 18–22.
- Маклахов А.В., Живетин В.В., Симонов Г.А. (2020). Некоторые аспекты модернизации экономики Нечерноземья (на примере Вологодской области) // Проблемы развития территории. № 2 (106). С. 81–94. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.6
- Минакир П.А. (2019). Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. № 4. С. 967–980.
- Михеева Н.Н. (2018). Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. № 5. С. 158–178. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-5-158-178
- Урунов А.А. (2017). Основные категории теории экономического пространства // Аллея науки. № 11. С. 360–377.
- Фомченкова Л.Н. (2003). Рынок льняных тканей и льноволокна // Текстильная промышленность. № 3. С. 85–87.
- Чернецова Н.С. (2006). Природа и структура экономического пространства и экономические интересы // Изв. Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. № 6. С. 64–68.
- Chistobaev A.I., Fedulova S.I. (2018). Spatial planning in the European Union: Practices to draw on in Russia. *Baltic Region*, 10, 86–99. DOI: 10.5922/2079-8555-2018-2-6.
- Lynch K. (2005). *Rural-Urban Interaction in the Developing World*. London – New York: Routledge.
- Masum F., Klaus M. (2018). Balancing urban and rural development – how to reach the goal? *FIG Congress 2018*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349377751_Balancing_Urban_and_Rural_Development_-_How_to_Reach_the_Goal (accessed 01.02.2023).
- Oedl-Wieser T., Hausegger-Nestelberger K., Dax T., Bauchinger L. (2020). Formal and informal governance arrangements to boost sustainable and inclusive rural-urban synergies: An analysis of the metropolitan area of styria. *Sustainability*, 12 (24), 10637. DOI: 10.3390/su122410637
- Stead D. (2012). Best Practices and Policy Transfer in Spatial Planning. *Planning Practice and Research*, 27, 103–116. DOI: 10.1080/02697459.2011.644084
- Tang D., Li B., Qiu Y., Zhao L. (2020). Research on urban and rural coordination development and its driving force based on the space-time evolvement taking guangdong province as an example. *Land*, 9 (8), 253. DOI: 10.3390/land9080253
- Wang M., Yang Y., Guo T. (2021). Measurement of urban-rural integration level in suburbs and exurbs of big cities based on land-use change in inland China: Chengdu. *Land*, 10 (5), 474. DOI: 10.3390/land1005047
- Wang R., Tan R. (2018). Rural renewal of China in the context of rural-urban integration: Governance fit and performance differences. *Sustainability*, 10 (2), 393. DOI: 10.3390/su10020393

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Сергеевна Патракова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Patrakova S.S.

ECONOMIC RURAL-URBAN COOPERATION AS A TOOL FOR BALANCING THE ECONOMIC SPACE OF THE REGION

The formation of sustainable links between urban and rural areas is the most important task on the way to achieving the strategic goal for Russia – ensuring a balanced economic space. One of the tools for its solution is the economic cooperation, interpreted in a broad sense as the association of enterprises, industries, sectors based on sustainable production and economic relations within a single production process. The purpose of the study is to examine the current state and justify the need to intensify the economic rural-urban cooperation as one of the tools to ensure the balance of regional economic space. During the work we used monographic, calculation and analytical methods, method of systematization, analogy, etc. On the example of the Vologda Oblast we have established that rural areas have unrealized production potential, not enough effectively used resources. For example, involving in the turnover of unused 166,8 thousand hectares of arable land in the region could provide an increase in gross yield of crops (flax fiber by 1.8 thousand tons, or 3.9-fold, compared with the actual level in 2021, vegetables by 68.4 thousand tons, or 2.7-fold, etc.), the amount of revenue and profit of farmers – by 9.8 and 0.2 billion rubles respectively, the amount of taxes paid to the budget – 43.6 million rubles. It was determined that the weakening of economic links between urban and rural areas in the post-reform period, including such a “traditional” connection as “agriculture – light (linen) industry”, restrains the development of rural areas and causes the underutilization of their production potential. We proposed strategic directions for the development of economic cooperation on the “city – village” line. The results of the work can be useful to researchers when carrying out research on similar topics, to public authorities of the entities of the Russian Federation and local self-government when implementing projects and improving policies in the sphere of socio-economic and spatial development of territories.

Region, economic space, balance, economic cooperation, agriculture, Vologda Oblast.

REFERENCES

- Abdullaev R.A., Mishchenko K.N. (2017). A research into the theoretical and methodological foundations of the concept of regional spatial development and the formation of growth poles of the Rostov Oblast. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 15(5), 802–813 (in Russian).
- Barabanov A.S. (2014). *Upravlenie regional'noi konkurentosposobnost'yu* [Regional Competitiveness Management]. Vologda: ISEDT RAS.
- Chernetsova N.S. (2006). Nature and structure of economic space and economic interests. *Izv. Penzenskogo gos. ped. un-ta im. V.G. Belinskogo*, 6, 64–68 (in Russian).
- Chistobaev A.I., Fedulova S.I. (2018). Spatial planning in the European Union: Practices to draw on in Russia. *Baltic Region*, 10, 86–99. DOI: 10.5922/2079-8555-2018-2-6.
- Fomchenkova L.N. (2003). Linen fabric and flax fiber market. *Tekstil'naya promyshlennost'*, 3, 85–87 (in Russian).
- Gainanov D.A., Ataeva A.G. (2019). Balanced spatial development of the republic of Bashkortostan: Problems and prospects. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Ser.: Ekonomika=Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy*, 1(27), 7–15 (in Russian).
- Golovina S.G., Ruchkin A.V. (2022). European experience of rural-urban development: Opportunities for agricultural cooperatives. *Vestnik NGIEI=Bulletin NGIEI*, 8(135), 71–86. DOI: 10.24412/2227-9407-2022-8-71-86 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. (2022). Priorities and tools for ensuring intra-regional space integration along the “urban-rural” line. *Voprosy upravleniya=Management Issues*, 2, 76–90 (in Russian).

- Kryukov V.A., Seliverstov V.E. (2022). Strategic planning of the spatial development of Russia and its macro-regions: Captured to old illusions. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal=Russian Economic Journal*, 5, 22–40. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40 (in Russian).
- Kulibanova V.V., Teor T.R. (2018). Identification of regional stakeholders in the context of balanced spatial development of territories. In: *Formirovanie tsifrovoi ekonomiki i promyshlennosti: novye vyzovy* [Shaping the Digital Economy and Industry: New Challenges]. Saint Petersburg: Izd-vo Politekhn. un-ta.
- Kurushina E.V., Petrov M.B. (2018). Performance criteria of spatial development projects based on interregional integration. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 1, 176–189. DOI: 10.17059/2018-1-14 (in Russian).
- Lynch K. (2005). *Rural-Urban Interaction in the Developing World*. London – New York: Routledge.
- Makar S.V. (2018). Sustainable spatial development: Criteria and indicators. In: *Sovremennye tendentsii prostranstvennogo razvitiya i priority obshchestvennoy geografii: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. v ramkakh IX Ezhegodnoi nauchnoi assamblei Assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov. T. 2* [Modern Trends of Spatial Development and Priorities of Public Geography: Proceedings of the 9th Annual Scientific Assembly of the Association of Russian Geographers-Social Scientists. Vol. 2]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.
- Maklakhov A.V., Zhivetin V.V., Simonov G.A. (2020). Some aspects of economic modernization in the Nonblack Soil Zone (case study of the Vologda Oblast). *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2(106), 81–94. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.6 (in Russian).
- Maklakhov A.V., Zhivetin V.V., Zadumkin K.A., Simonov G.A. (2018). The state and prospects of development of the linen complex of the Vologda region. *Gornoe sel'skoe khoz-vo=Mining Agriculture*, 2, 18–22 (in Russian).
- Masum F., Klaus M. (2018). Balancing urban and rural development – how to reach the goal? *FIG Congress 2018*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349377751_Balancing_Urban_and_Rural_Development_-_How_to_Reach_the_Goal (accessed 01.02.2023).
- Mikheeva N.N. (2018). Strategy of spatial development: New stage or repetition of old mistakes? *EKO=ECO*, 5, 158–178. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-5-158-178 (in Russian).
- Minakir P.A. (2019). Russian economic space: Strategic impasses. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 4, 967–980 (in Russian).
- Oedl-Wieser T., Hausegger-Nestelberger K., Dax T., Bauchinger L. (2020). Formal and informal governance arrangements to boost sustainable and inclusive rural-urban synergies: An analysis of the metropolitan area of styria. *Sustainability*, 12(24), 10637. DOI: 10.3390/su122410637
- Stead D. (2012). Best practices and policy transfer in spatial planning. *Planning Practice and Research*, 27, 103–116. DOI: 10.1080/02697459.2011.644084
- Tang D., Li B., Qiu Y., Zhao L. (2020). Research on urban and rural coordination development and its driving force based on the space-time evolvement taking guangdong province as an example. *Land*, 9(8), 253. DOI: 10.3390/land9080253
- Urunov A.A. (2017). Basic categories of the economic space theory. *Alleya nauki=Science Alley*, 11, 360–377 (in Russian).
- Wang M., Yang Y., Guo T. (2021). Measurement of urban-rural integration level in suburbs and exurbs of big cities based on land-use change in inland China: Chengdu. *Land*, 10(5), 474. DOI: 10.3390/land1005047
- Wang R., Tan R. (2018). Rural renewal of China in the context of rural-urban integration: Governance fit and performance differences. *Sustainability*, 10(2), 393. DOI: 10.3390/su10020393
- Zubarevich N.V. (2019). Spatial development strategy: Priorities and instruments. *Voprosy ekonomiki=Economic Issues*, 1, 135–145. DOI: 0042-8736-2019-1-135-145 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana S. Patrakova – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.6

УДК 336.22 | ББК 65.261.4

© Малышев М.К.

НАЛОГОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ: СУЩНОСТЬ, МОДЕЛИ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ МАЛЫШЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: mmk1995@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1311-1888

Устойчивость социально-экономического развития страны, регионов и муниципалитетов неразрывно связана с эффективным взаимодействием бюджетобразующих хозяйствующих субъектов и налоговых органов в рамках созданных государством условий, то есть с налоговым поведением хозяйствующих субъектов. В статье проведен анализ теоретических аспектов налогового поведения. На основе существующих в научной литературе трактовок данного термина сформулировано собственное представление о налоговом поведении. Систематизированы внутренние и внешние факторы, влияющие на принятие налогоплательщиками решений в сфере уплаты налогов. Выделены наиболее часто встречающиеся модели налогового поведения, среди которых уклонение, оптимизация и уплата в соответствии с законодательством. Сформированы и охарактеризованы стратегии налогового поведения хозяйствующих субъектов, в отличие от моделей являющиеся долгосрочными ценностно-психологическими установками налогоплательщика. Выделены стратегии уклонистского, оптимизационного, ответственного и смешанного налогового поведения. Расширены классификационные признаки и виды налогового поведения. На основе данных финансовой отчетности крупных бюджетобразующих корпораций Вологодской области ПАО «Северсталь» и ПАО «Апатит» за 2012–2021 гг. и контент-анализа предпринята попытка кратко охарактеризовать налоговое поведение данных компаний. Выявлено, что ПАО «Северсталь» на постоянной основе уплачивало налог по ставке значительно ниже 20%, переносило налоговые обязательства на другие периоды, а также функционировало в режиме консолидированной группы налогоплательщиков. В свою очередь ПАО «Апатит» реже пользовалось льготами региональных властей, средняя ставка налога на прибыль практически

Для цитирования: Малышев М.К. (2023). Налоговое поведение хозяйствующих субъектов: сущность, модели и факторы формирования // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 70–88. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.6

For citation: Malyshev M.K. (2023). Tax behavior of economic entities: Essence, models and formation factors. *Problems of Territory's Development*, 27 (2), 70–88. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.6

соответствовала норме, а переносы платежей не были столь значительными. Информационной базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных авторов по вопросам налогового поведения хозяйствующих субъектов. Статья может быть интересна студентам, аспирантам и преподавателям, региональным органам власти, а также всем лицам, проявляющим интерес к особенностям налогового поведения хозяйствующих субъектов.

Налоговое поведение, стратегии, уплата налогов, бюджетная система, налоговая система, общественные и частные интересы.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

В период становления рыночной экономики в России после распада СССР доходы региональных бюджетов все в большей степени начали зависеть от финансовых результатов и налоговых отчислений, особенно налога на прибыль и налога на доходы физических лиц (НДФЛ) крупных частных корпораций. Размер налоговых отчислений, помимо налогооблагаемой базы и ставки, связан с поведением налогоплательщиков. В свою очередь на поведение хозяйствующих субъектов влияет множество факторов – от создаваемых государством законов и ситуации в сфере налогообложения до внутренних психологических характеристик налогоплательщиков и готовности уплачивать налоги.

В условиях кризисов, санкций и глобальных вызовов финансово-производственная деятельность крупных транснациональных компаний ограничена. Невозможность свободно проводить торговые операции приводит к существенному сокращению выручки и дальнейшей прибыли, что негативным образом сказывается не только на доходах акционеров, но и на налоговых поступлениях в бюджетную систему.

Таким образом, поиск резервов социально-экономического развития территорий и ограниченность финансовых ресурсов определяют значимость изучения особенностей налогового поведения хозяйствующих субъектов.

Цель исследования заключается в уточнении и расширении теоретических аспектов сущности и содержания налогового по-

ведения. Исходя из поставленной цели, необходимо решить следующие задачи:

- обобщить и уточнить трактовки термина «налоговое поведение», а также предложить авторский подход к нему;
- исследовать модели налогового поведения хозяйствующих субъектов;
- выделить и охарактеризовать стратегии налогового поведения налогоплательщиков;
- расширить классификационные признаки налогового поведения налогоплательщиков.

Существует достаточно большое количество исследований, прямо или косвенно затрагивающих вопросы налогового поведения хозяйствующих субъектов, государства и населения. Некоторые авторы изучали особенности уклонения от уплаты налогов (Агузарова и др., 2019; Гребенчук, 2008). В других публикациях изложены меры и обоснована необходимость противодействия налоговым уклонениям (Камбарова, Лапина, 2014; Цокова, 2020). Рассматривались модели налогового поведения, их взаимосвязь с налоговым контролем (Адвокатова, 2017), роль в управлении налогообложением (Вылкова, 2017), инновационные подходы в формировании данных моделей (Чирков, 2012), а также вопросы формирования налоговой честности (Зотова, Богуславский, 2008) и морали (Айтхожина, 2019) в современной России.

В рамках исследований сотрудников Вологодского научного центра РАН внимание уделяется проблемам налогового поведения, повышения налоговой культуры налогоплательщиков, а также влияния такого

поведения на бюджетный потенциал территории (Галухин, 2019; Печенская, 2018а; Печенская, 2018b).

В публикациях зарубежных ученых были установлены взаимосвязи между корпоративной социальной ответственностью, общественным давлением и налоговым поведением (Avi-Yonah, 2008; Baudot et al., 2020; Dyreng et al., 2016). Некоторые исследователи определяли последствия уклонения от уплаты налогов для государства и населения (Elffers et al., 1987; Pickhardt, Prinz, 2014). В иностранной литературе также присутствуют работы, связанные с налоговыми моделями и налоговой моралью общества (Luttmer, Singhal, 2014; Slemrod, 2001).

Методы исследования

В ходе работы применялись общенаучные методы исследования: анализ, систематизация, синтез, сравнение, классификация и обобщение.

На основе анализа отечественной и зарубежной литературы представлены существующие трактовки термина «налоговое поведение», а также подходы, используемые авторами. Все определения термина «налоговое поведение» были консолидированы в одно обобщающее определение без потери смыслового значения. Предложена авторская трактовка, гармонично сочетающая в себе экономическую и психологическую составляющую данного термина.

Систематизированы модели налогового поведения, упоминаемые разными авторами. Выделены три ключевые модели – уклонение, оптимизация и уплата в соответствии с законодательством. С учетом имеющихся моделей названы разновидности стратегий налогового поведения, которые, в отличие от моделей, характеризуют поведение налогоплательщиков за длительный промежуток времени (от 3 и более лет).

Кроме того, автором предложены и охарактеризованы новые, ранее не обозначенные, классификационные признаки налогового поведения, а также представлены виды по каждому признаку.

На последнем этапе исследования принята попытка дать характеристику налоговому поведению крупных бюджетообразующих корпораций черной металлургии (ПАО «Северсталь») и химической отрасли (ПАО «Апатит») Вологодской области.

Информационной базой послужили публикации отечественных и зарубежных авторов, затрагивающие теоретические аспекты в налоговой сфере, нормативно-правовая база по данной проблематике, а также финансово-экономические и налоговые словари.

Результаты исследования

Налоговое поведение в региональном аспекте рассматривали ученые Пермского государственного национального исследовательского университета. Они отмечают, что необходимо формировать у населения понимание важности уплаты налогов, а также повышать доверие к налоговой системе. В публикации авторами был сформулирован и апробирован механизм выявления территорий для целей первоочередного воздействия на уровень налоговой культуры физических лиц в профилактике налоговых нарушений. Разработанный инструментарий помогает достаточно быстро осуществлять отбор территорий региона, в которых девиантное налоговое поведение проявляется наиболее остро, что позволяет сконцентрировать усилия по корректировке таких ситуаций в проблемных территориях (Катаева, Голева, 2022).

Стоит сказать, что налоговое поведение хозяйствующих субъектов в регионах отличается. Это связано с разными условиями ведения бизнеса, особенностями регионального законодательства, различиями в менталитете населения на той или иной территории. Наглядным примером может служить транспортный налог, на величину которого влияют такие факторы, как мощность автомобиля, его возраст, марка и страна-изготовитель, а также тип топлива и количество автомобилей у владельца. Согласно данным эксперта онлайн-журнала Тинькофф, наименьшие средние объемы транспорт-

Таблица 1. Трактовки термина «налоговое поведение» с позиций разных авторов

Подход	Определение	Авторы
Подход экономического действия	Налоговое поведение – это действия экономического субъекта, относящиеся к выполнению его роли в качестве налогоплательщика*	О.С. Дейнека
	Налоговое поведение – это специфическая форма экономических отношений государства с субъектами хозяйствования, влияющая на количество поступлений в государственный бюджет и благосостояние страны в целом (Мартынова, 2018)	В.С. Мартынова
	Налоговое поведение – это совокупность действий налогоплательщиков, объединенных определенной направленностью (стратегией поведения), направленных на получение налоговой выгоды**	Т.Н. Богославец, А.Е. Миллер
Подход психологического восприятия	Налоговое поведение – это индивидуальное поведение налогоплательщиков, которое можно трактовать как «психологический контракт» между отдельными лицами или гражданами и правительством (Elster, 1989)	J. Elster
	Налоговое поведение – это поведение налогоплательщика, характеризующееся психологическими установками. Хозяйствующий субъект может принять решение платить налоги из-за внутренних мотивов, таких как чувство вины или стыда, влияние социальных групп или преобладающие социокультурные нормы и стереотипы поведения, принятые в обществе (Luttmer, Singhal, 2014)	E. Luttmer, M. Singhal
	Налоговое поведение – это составляющая экономического поведения, которая связана с уплатой налогов, взаимодействием агента с окружающим миром (Гребенчук, 2008)	А.О. Гребенчук
* Дейнека О.С. (2000). Экономическая психология. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та. 160 с. ** Богославец Т.Н., Миллер А.Е. (2017). Налоговая культура: учебник. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та. С. 173. Источник: составлено автором.		

ного налога (1,5–2 тыс. руб.) в России относятся к республикам Крым, Калмыкии и Тыве, Иркутской, Челябинской и Омской областям. Самые высокие транспортные налоги (свыше 4 тыс. руб.) платят в Москве и Санкт-Петербурге, а также в Московской, Ленинградской и Тюменской областях и Чукотском автономном округе. В остальных субъектах РФ средняя величина транспортного налога варьируется от 2 до 4 тыс. руб.¹ В связи с этим некоторые автовладельцы могут регистрировать транспортное средство в регионах с более выгодным налогообложением, а использовать автомобиль на территории, например, Москвы и Московской области.

В нормативно-правовой базе отсутствует законодательно утвержденное определение термина «налоговое поведение», поэтому авторы разрабатывают собственные трактовки данной дефиниции. Критический анализ экономической литературы позво-

лил нам выделить два основных подхода к определению: подход экономического действия и подход психологического восприятия (табл. 1).

Обобщение трактовок термина «налоговое поведение» (НП) в работах авторов, отнесенных нами к подходу экономического действия, свидетельствует о том, что НП определяется как совокупность экономических отношений хозяйствующих субъектов с налоговыми органами по поводу уплаты обязательных безвозмездных платежей в пользу государства с целью финансового обеспечения им задач и функций. В то же время подход психологического восприятия рассматривает налоговое поведение как набор реакций налогоплательщика на внешние и внутренние раздражители.

На наш взгляд, оба подхода весьма точно раскрывают сущность понятия «налоговое поведение». Вместе с тем они являются воплощением узкого понимания термина.

¹ Как различается транспортный налог в регионах России и от чего зависят ставки. URL: <https://journal.tinkoff.ru/autonalog-stat>

В нашем представлении наиболее комплексным должно быть комбинирование данных подходов, что особенно актуально в современных условиях трансформации глобальных и национальных экономических и общественных процессов.

Предлагая новый финансово-психологический подход, целесообразно уточнить определение налогового поведения как экономические отношения, возникающие между налогоплательщиком и государством по поводу уплаты обязательных безвозмездных платежей в бюджетную систему для финансового обеспечения государственных задач и функций и выражающиеся в совокупности реакций и принимаемых решений хозяйствующих субъектов на создаваемые государством условия в отношении уплаты налогов. Данный подход характеризует понятие НП как термин, сформированный на стыке двух наук – экономики и психологии. Это не противоречит сложившимся финансово-экономическим теориям и психолого-ориентированным практикам, а также учитывает, что налоговое поведение одновременно относится и к сфере финансов (налоговые поступления в бюджетную систему), и к сфере психологии (реакция на раздражитель).

Изучив и обобщив существующие трактовки НП, а также предложив авторский подход к определению данного термина, рассмотрим факторы, которые оказывают влияние на такое поведение.

Следует отметить, что на налоговое поведение экономических агентов может оказывать влияние множество факторов. Так, А.С. Адвокатова выделяет условия, воздействующие на выбор модели поведения налогоплательщика, среди которых принципиальное значение имеет нравственная безупречность: честность, справедливость и совесть. Помимо нравственных ценностей, к факторам налогового поведения автор относит особенности налоговых отношений в государстве, политическую ситуацию, позиции страны на мировой арене и наличие бюджетного равновесия либо дефицита. На основе консолидации мнений бизнес-сообщества были выделены следующие факторы, влияющие на налоговое поведение налогоплательщиков: волатильность валютного курса; чрезмерное регулирование и рост налоговой ставки; доступность капитала. Таким образом, целесообразно систематизировать их на две группы: внутренние и внешние (рис. 1).

Изучив позиции разных авторов по поводу определения термина «налоговое пове-

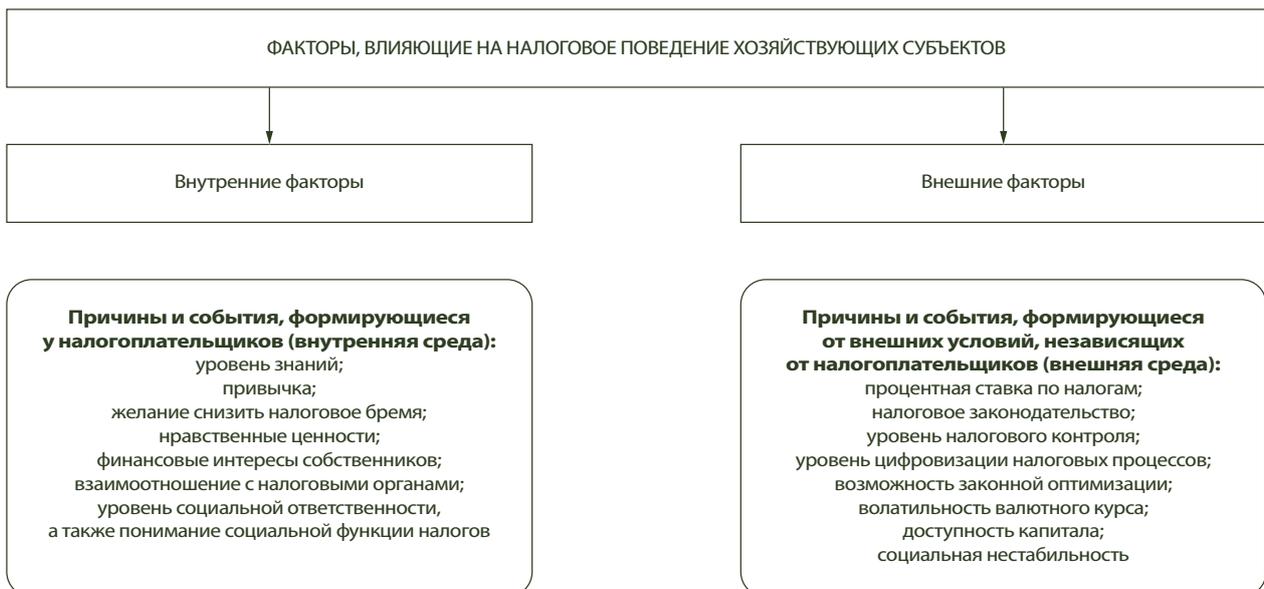

Рис. 1. Факторы формирования налогового поведения хозяйствующих субъектов

Источник: составлено автором.

дение», а также характеристику внутренних и внешних факторов, проанализируем модели НП, существующие в научной литературе. Понимание смысла моделей налогового поведения важно для выявления ценностно-нормативных и принципиальных установок хозяйствующих субъектов.

В российской экономической литературе представлена точка зрения о сопоставлении моделей налогового поведения государства и экономических субъектов с выгодами взаимоотношений биологических организмов (Вылкова, 2017). Так, автором выделены 4 типа: налоговое противостояние, налоговый эгоизм государства, налоговый эгоизм налогоплательщика и налоговый симбиоз (рис. 2).

Например, под налоговым противостоянием понимается ситуация, при которой ни налогоплательщик, ни государство не идут на компромиссы. Каждый из агентов старается максимизировать выгоду. Хозяйствующие субъекты пытаются оставить для себя, своих интересов и развития как можно больше

прибыли, в то же время государство стремится максимизировать свою фискальную функцию. Однако в итоге такое взаимодействие приводит лишь к обоюдному проигрышу. Налоговый эгоизм государства – модель налогового поведения государства, при котором оно оказывает излишнее давление на налогоплательщика, стараясь максимизировать фискальную нагрузку. Несмотря на то, что на начальных этапах такое поведение позволяет собрать больше налоговых платежей, в дальнейшем это приводит к уклонению от уплаты налогов.

Налоговый эгоизм налогоплательщика – модель налогового поведения налогоплательщика, при котором хозяйствующий субъект всеми возможными (законными и незаконными) методами пытается сократить свое налоговое бремя, снизить процентную ставку. Налоговый симбиоз – модель налогового поведения государства и налогоплательщика, при которой учитывается баланс интересов обоих субъектов. В данной

Рис. 2. Модели налогового поведения государства и экономических агентов

Источник: (Вылкова, 2017).

модели уплаты налогов в пользу государства не идет в противовес развитию хозяйствующего субъекта. У государства снижаются затраты на налоговое администрирование и выявление налоговых преступлений.

Другая позиция связана с рассмотрением налогового поведения хозяйствующих субъектов через призму уклонения от уплаты налогов, не связанной с вопросом эффективности самой системы налогообложения (Агузарова и др., 2019). К ключевым группам факторов такого поведения авторы относят моральные, экономические, политические и технические причины. Следовательно, налоговое поведение в данной работе подразделяется на три ключевых вида: сокрытие результатов финансово-хозяйственной деятельности, сокрытие хозяйственных операций и уменьшение налоговой нагрузки².

На наш взгляд, верный посыл содержится в выделении стратегий налогового поведения хозяйствующих субъектов с позиции социальной справедливости (Гребенчук, 2008): агрессивное поведение (как незаконный способ снижения налогов), нейтральное поведение (как использование законодательно разрешенных способов снижения налоговой нагрузки), осторожное поведение (неясности в налоговом законодательстве трактуются экономическими агентами максимально аккуратно, чтобы избежать споров с налоговыми органами).

В монографии, посвященной налоговому планированию и анализу реальных схем, было выделено несколько видов уклонения от уплаты налогов. Первый вид – сокрытие выручки или дохода: отсутствие учета наличной выручки; подмена или уничтожение накладных после продажи товаров; занижение количества и завышение цены товара при составлении акта закупки у частных лиц. Второй вид – манипуляции с издержками: необоснованное завышение затрат на производство; включение в затраты предвари-

тельной оплаты за неполученную продукцию; фиктивное завышение затрат путем приобретения продукции у «дружественных» компаний; использование фиктивных закупочных документов (Митюкова, 2010).

Заслуживает внимания также подход к обоснованию моделей поведения налогоплательщиков с точки зрения их взаимосвязи с налоговым контролем (Адвокатова, 2017). Так, модель, реализуемая в рамках установленных налоговым законодательством правил, трактуется как активная (рациональная, альтернативная). К ней можно отнести минимизацию и оптимизацию налогового бремени. Тогда как пассивная (риск-нейтральная, дискретная) модель формируется при недостаточной финансовой грамотности налогоплательщика.

Интересной позицией является идея о неразрывной связи уплаты налога с корпоративной социальной ответственностью. Американским исследователем выделено три взгляда на взаимоотношения государства с корпорациями. В первом случае корпорация создается государством (точка зрения «искусственного образования»). Вторая ситуация заключается в том, что корпорация является юридическим лицом, отдельным как от государства, так и от своих акционеров (представление «реальная сущность»). В третьем варианте корпорация – это просто совокупность ее отдельных членов или акционеров (точка зрения «совокупности» или «взаимосвязи контрактов») (Avi-Yonah, 2008).

Таким образом, изучив позиции разных авторов, затрагивающих вопросы моделей налогового поведения хозяйствующих субъектов, представим полученную информацию в табличном виде (табл. 2).

Консолидируя мнения разных авторов по поводу сущностных характеристик каждой модели налогового поведения хозяйствующих субъектов, можно выделить три базовые модели (рис. 3).

² Так, моральные причины заключаются в недоверии хозяйствующих субъектов государству и недовольстве им. К экономическим причинам можно отнести периоды кризиса, при которых гражданам и предприятиям хочется сохранить часть своих доходов. Политические причины связаны с нерациональным, по мнению налогоплательщиков, использованием денежных средств органами власти. Причины технического характера заключаются в уклонении от уплаты налогов из-за частой смены налогового законодательства и нестабильности налоговой системы в целом.

Таблица 2. Основные подходы и модели налогового поведения с позиций разных авторов

Подход к типологии налогового поведения	Модели налогового поведения	Авторы
Подход сопоставления с выгодами взаимоотношений биологических организмов	Налоговое противостояние; налоговый эгоизм государства; налоговый эгоизм налогоплательщика; налоговый симбиоз	Е.С. Вылкова
Подход с точки зрения уклонения от уплаты налогов, не связанной с вопросом эффективности самой системы налогообложения	Соккрытие результатов финансово-хозяйственной деятельности; сокрытие хозяйственных операций; уменьшение налоговой нагрузки	Л.А. Агузарова, Ф.С. Агузарова, О.О. Бурнацева
Подход социальной справедливости	Агрессивное поведение; нейтральное поведение; осторожное поведение	А.О. Гребенчук
Подход с точки зрения уклонения от уплаты налогов	Соккрытие выручки или дохода; манипуляции с издержками	Э.С. Митюкова
Подход с точки зрения взаимосвязи с налоговым контролем	Активное поведение (рациональное, альтернативное); пассивное поведение (риск-нейтральное, дискретное)	А.С. Адвокатова
Подход с точки зрения взаимоотношения государства с корпорациями	«Искусственное образование»; «реальное юридическое лицо»; «совокупный или взаимосвязанный взгляд»	R.S. Avi-Yonah
Источник: составлено автором.		

Рис. 3. Базовые модели налогового поведения хозяйствующих субъектов

Источник: составлено автором.

Ниже дана более подробная характеристика каждой из них.

Модель *уклонения от уплаты налогов* представляет собой сознательное нарушение налогоплательщиком налогового законодательства. Нарушитель может уменьшать истинный объем доходов, скрывать объекты налогообложения, искусственно увеличивать расходные операции, что также приводит к сокращению налогооблагаемой базы. Уклонением от уплаты налогов считается непредоставление или несвоевременное представление в налоговые органы документов, необходимых для исчисления уплаты налогов; незаконное применение налоговых льгот; нарушение норм

законодательства при исчислении сумм налоговых платежей.

Некоторые ученые ставят уклонение от уплаты налогов наряду с такими экономическими преступлениями, как коррупция, отмывание денег и теневая экономика (Pickhardt, Prinz, 2014).

При модели *оптимизации налоговых выплат* налогоплательщик снижает свои налоговые обязательства перед государством разнообразными законными способами. В перечень таких способов, например, входит снижение ставки по налогу на прибыль в случае реализации компанией инвестиционных социально ориентированных проектов; возврат НДС по экспортным операциям,

возврат НДФЛ в случаях, предусмотренных законодательством (оплата лечения, покупка недвижимости, инвестиционные программы и т. д.). Кроме того, к оптимизации налогообложения можно отнести переносы налоговых платежей по законным основаниям. Можно сказать, что налоговая оптимизация является системой защиты экономического интереса налогоплательщика.

Модель уплаты налогов в соответствии с законодательством – это модель налогового поведения налогоплательщика, при которой он уплачивает налоговые платежи своевременно и в полном объеме, избегая каких-либо способов их минимизации. Такое поведение налогоплательщика можно назвать ответственным, так как хозяйствующий субъект понимает всю важность и социальную функцию налогов.

Отметим, что первые две модели (уклонение и оптимизация) направлены на снижение налоговых платежей, тогда как третья подразумевает принятие существующей налоговой нагрузки.

Несмотря на разнообразие имеющихся моделей НП, важно говорить о стратегиях такого поведения. Если модель представляет собой поведение хозяйствующего субъекта в момент налогообложения на основе сформировавшихся условий, то стратегия связана с долгосрочными устоявшимися традициями, а также психологическими и ценностными установками налогоплательщиков в данном отношении.

В связи этим, на наш взгляд, целесообразно выделить четыре стратегии налогового поведения хозяйствующих субъектов (табл. 3).

Таблица 3. Внешние и внутренние факторы определения стратегии налогового поведения хозяйствующих субъектов

1. Стратегия уклонистского налогового поведения	
Внутренние факторы	Внешние факторы
Желание собственной финансовой выгоды для владельцев; недоверие к органам власти; недовольство бюджетной политикой государства в отношении расходов; разногласия между налогоплательщиками и налоговыми ведомствами	Незначительная ответственность за факт выявления уклонения от уплаты налогов; установление высоких ставок налогов на деятельность хозяйствующих субъектов; несправедливая распределительная политика государства (урезание расходов по социально ориентированным статьям: образование, медицина, ЖКХ, культура и др.); пробелы в законодательстве, позволяющие уйти от налогообложения (офшоры, трейдерные компании)
2. Стратегия оптимизационного налогового поведения	
Внутренние факторы	Внешние факторы
Потребность в снижении налоговой нагрузки (максимизации чистой прибыли) с целью дальнейших инвестиций в расширение или модернизацию производства; снижение налоговой базы путем реализации социально значимых проектов; стремление к консолидации прибыли и убытков для снижения налоговой базы	Предоставление хозяйствующим субъектам возможности функционировать в режимах инвестиционных соглашений и консолидированного налогообложения; предоставление налоговых льгот и каникул налогоплательщикам по причинам, непосредственно связанным с достижением социально-экономических эффектов
3. Стратегия ответственного налогового поведения	
Внутренние факторы	Внешние факторы
Высокие моральные принципы налогоплательщика; понимание необходимости уплаты налогов и их социальной значимости; понимание тяжести юридических последствий в связи с нарушением налогового законодательства	Пропаганда моральных принципов и норм ответственной налоговой культуры налогоплательщиков; высокое качество государственного контроля над всеми финансовыми операциями предприятия; серьезная административная и уголовная ответственность за нарушение законодательства в области налогообложения
4. Стратегия смешанного налогового поведения	
Внутренние факторы	Внешние факторы
Сочетает в себе факторы уклонистского, оптимизационного и ответственного налогового поведения хозяйствующих субъектов	
Источник: составлено автором.	

Далее представлена сущностная характеристика каждой стратегии налогового поведения.

1. Стратегия уклонистского налогового поведения – это стратегия, при которой налогоплательщик пытается уйти от налогообложения незаконными способами, зачастую с целью удовлетворения своих финансовых интересов. Часто она используется в рыночных экономиках крупными корпорациями, которые в свою очередь имеют немалую экономическую власть в государстве. Владельцы таких корпораций нередко регистрируют уставный капитал со счетов подконтрольных офшорных компаний, применяют различные схемы и мероприятия для манипуляций с величиной доходных и расходных операций. Данная стратегия может быть присуща тем компаниям, уставные капиталы которых находятся преимущественно в руках частных владельцев (акционеров).

2. Стратегия оптимизационного налогового поведения – это стратегия, при которой налогоплательщик минимизирует свою налоговую нагрузку законными способами, предлагаемыми государством. При этом такие налогоплательщики не скрывают реальную величину налогооблагаемой базы. Однако, учитывая, что оптимизация налогообложения так или иначе приведет к росту чистой прибыли, можно говорить о том, что эта стратегия также направлена на максимизацию прибыли собственников. Сложность в сокращении налоговой нагрузки путем оптимизации в отличие от уклонения заключается в том, что для получения налоговой оптимизации необходимы соответствующие условия, причины и обоснования, по которым государство может предоставить налоговые послабления: вычеты, возвраты, переносы платежей, консолидацию налоговой базы, скидки и прочее.

При долгосрочном оптимизационном налоговом поведении также происходит снижение налоговых поступлений, однако законное обоснование не вызывает конфликтов между налогоплательщиками, государством и обществом.

3. Стратегия ответственного налогового поведения – это стратегия, при которой налогоплательщик принимает установленные государством нормы в отношении налогообложения. При этом хозяйствующие субъекты не пытаются уклониться и снизить налоговое бремя. Они понимают важность социальной функции налогов и готовы своевременно и в полном объеме выполнять свои налоговые обязательства. Кроме того, на ответственное поведение налогоплательщика могут влиять сильная политическая воля государства и значительные административные и уголовные последствия в случае несоблюдения налогового права.

Данный вид стратегии является наиболее социально ориентированным. Бюджетная система наполняется налоговыми поступлениями в соответствии с ожиданиями налоговых органов. Государство имеет устойчивость в отношении планирования расходов, а налогоплательщик не ставит в приоритет собственное финансовое благополучие, что в свою очередь вызывает положительный отклик у населения.

4. Стратегия смешанного налогового поведения – это стратегия, при которой для налогоплательщика характерно сочетание всех вышеперечисленных характеристик долгосрочного налогового поведения. Стоит сказать, что на практике именно такая стратегия встречается наиболее часто, поскольку интересы государства и бизнеса в рыночной экономике разнонаправлены. Так, например, от оплаты одних налогов компания может уклоняться, другие налоги может либо оптимизировать, либо оплатить в полной мере и точно в срок, установленный законодательством.

Такую стратегию налогового поведения хозяйствующего субъекта можно назвать непредсказуемой. Государственным ведомствам сложно предсказать, что именно ожидать от налогоплательщика, т. к. своевременное и полное выполнение налоговых обязательств может сочетаться с грубыми нарушениями законодательства и установлением штрафов.

В ходе анализа экономической литературы установлено наличие разнообразных

моделей налогового поведения налогоплательщиков, однако некоторые из моделей не имеют выделенных классификационных признаков и не систематизированы. Таким образом, можно классифицировать существующие модели налогового поведения, а также расширить их классификационные признаки и виды.

I. Поведение, как и любой другой процесс, представляет собой временные отрезки, в связи с чем налоговое поведение в зависимости от момента формирования налоговой базы можно разделить на прошлое (до), настоящее (во время) и будущее (после).

1. Налоговое поведение до налогообложения – это совокупность действий налогоплательщика, направленных на формирование (оптимизацию) налогооблагаемой базы (прибыль до налогообложения, доходы физических лиц, добавленная стоимость, добыча полезных ископаемых, имущество).

Так, для того чтобы скрыть или сократить размер прибыли до налогообложения, налогоплательщик может воспользоваться законными либо незаконными способами. К законному способу сокращения налогооблагаемой базы относится, например, уменьшение ее величины за счет убытков дочерних компаний. Незаконных способов оптимизации прибыли до налогообложения намного больше, однако их объединяет искусственное увеличение всех расходных строк финансовых результатов (себестоимость, коммерческие, управленческие и прочие финансовые расходы), и уменьшение доходных позиций (выручка, доходы от участия в других организациях и пр.).

2. Налоговое поведение во время налогообложения представляет собой действия налогоплательщика, связанные непосредственно с оплатой налога. При оплате того или иного налога у хозяйствующего субъекта, согласно Налоговому кодексу РФ, есть различные варианты налоговых льгот. Сам по себе процесс уплаты налога не является законным или незаконным, однако уплата может производиться не в полной мере или ее срок может быть перенесен на другой период. В этом случае у налогоплательщика

возникают отложенные налоговые обязательства.

3. Налоговое поведение после налогообложения – совокупность действий налогоплательщика налога, которые в той или иной степени формируют налогооблагаемую прибыль будущих периодов. Например, чистая прибыль, оставшаяся в распоряжении собственников после уплаты налога, может либо расходоваться в их интересах, либо инвестироваться в расширение производства, модернизацию оборудования, что в будущих периодах приведет либо к уменьшению, либо к росту налогооблагаемой базы.

II. После установления ставки налога и его размера налоговыми органами устанавливается срок, в соответствии с которым налогоплательщику необходимо исполнить свои налоговые обязательства. В этом случае хозяйствующий субъект может оплатить налоги точно в срок (своевременно) либо воспользоваться переносом налоговых платежей на будущие периоды в силу каких-либо причин. Таким образом, налоговое поведение в зависимости от срока уплаты налога подразделяется на своевременное и отложенное.

1. Своевременное налоговое поведение – настрой налогоплательщика платить обязательные платежи в период, установленный для него налоговым органом, без каких-либо переносов налоговых платежей на будущие периоды.

2. Умеренно-отложенное налоговое поведение – настрой налогоплательщика перенести незначительную часть своих налоговых платежей на будущие периоды.

3. Отложенное налоговое поведение – настрой налогоплательщика перенести налоговые платежи (значительную часть) на будущие периоды.

III. В публикации немецких исследователей отмечается, что в экономической литературе редко разъясняется, от какого именно налога корпорации пытаются уклониться (Pickhardt, Prinz, 2014). Авторы акцентируют внимание на том, что помимо корпоративного налога есть подоходный, НДС, транспортный, имущественный и другие, от нало-

говой базы которых также можно уклоняться. В связи с этим целесообразно выделить виды налогового поведения в зависимости от вида уплачиваемого налога.

1. Налоговое поведение в отношении уплаты налога на прибыль представляет собой совокупность действий налогоплательщика по поводу формирования прибыли до налогообложения; установления, совместно с уполномоченными органами, налоговой ставки; выбора возможности оптимизации: различные льготы, вычеты, консолидированная группа налогоплательщиков (КГН).

2. Налоговое поведение в отношении уплаты налога на доходы физических лиц – это совокупность взаимоотношений физических лиц с налоговыми органами по поводу уплаты НДФЛ, определения размера его ставки, возможности применения льгот и вычетов.

3. Налоговое поведение в отношении уплаты налога на добавленную стоимость – это действия налогоплательщика при оплате НДС в результате реализации товаров, работ и услуг, а также возможности применения возврата налога при экспортных операциях.

4. Налоговое поведение в отношении уплаты налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) – это совместные действия налогоплательщика (недропользователя) с налоговыми органами, связанные с оплатой НДПИ, определением объекта налогообложения и размера налога.

5. Налоговое поведение в отношении уплаты налога на имущество – это действия налогоплательщика, связанные с оплатой данного налога; установлением размера налога исходя из определения стоимости объекта имущества, а также возможностью применения различных льгот (неиспользование объекта по назначению). Например, чтобы снизить налогооблагаемую базу по налогу на имущество, предприятию необходимо уменьшить стоимость активов на своем балансе⁵.

6. Налоговое поведение в отношении уплаты транспортного налога – это совокупность действий владельцев транспортных

средств, связанных с оплатой данного налога, исходя из тарифов, установленных региональными органами власти.

IV. Важным критерием в отношении налогоплательщиков с налоговыми органами является соблюдение законодательства. Таким образом, налоговое поведение в зависимости от соблюдения правовых норм можно разделить на законное и незаконное.

1. Законное (правомерное) налоговое поведение – действия налогоплательщика в отношении уплаты налогов, которые не противоречат существующим рамкам, установленным законодательством и налоговым кодексом.

2. Незаконное (неправомерное) налоговое поведение – поведение плательщика налога, направленное на избегание (уклонение от) уплаты налогов.

V. Любые налоговые обязательства являются финансовыми расходами, так или иначе сокращающими чистую прибыль компании. Налоги представляют собой финансовый интерес государства, тогда как прибыль – это интерес собственников, акционеров и владельцев. Таким образом, налоговое поведение в зависимости от экономической эффективности для налогоплательщика можно разделить на уклонистское, оптимизирующее и неоптимизирующее.

1. Уклонистское налоговое поведение – действия налогоплательщика, направленные на сокращение налоговых обязательств незаконными способами.

2. Оптимизирующее налоговое поведение (неполная, частичная уплата) – действия налогоплательщика, направленные на снижение налоговой нагрузки всеми возможными способами, предоставляемыми законодательством.

3. Неоптимизирующее налоговое поведение (полная уплата) – действия налогоплательщика в отношении уплаты налогов, не связанные со снижением налоговой нагрузки (табл. 4).

На основании предложенных в исследовании новых классификационных признаков охарактеризуем стратегию налогового

⁵ Перов А.В., Толкушин А.В. (2010). Налоги и налогообложение: учеб. пособие. 8-е изд. Москва: Юрайтгиздат. 139 с.

Таблица 4. Классификационные признаки и виды налогового поведения

Классификационный признак	Вид налогового поведения
Момент формирования налоговой базы	До налогообложения; во время налогообложения; после налогообложения
Срок уплаты налога	Своевременное; умеренно-отложенное; отложенное
Вид уплачиваемого налога	Поведение в отношении уплаты налога на: – прибыль; – добавленную стоимость; – добычу полезных ископаемых; – доходы физических лиц; – имущество и т. д.
Соблюдение правовых норм	Законное (правомерное); незаконное (неправомерное)
Экономическая эффективность для налогоплательщика	Уклонистское; оптимизирующее (не полная или частичная уплата); неоптимизирующее (полная уплата)
Источник: составлено автором.	

поведения крупных корпораций черной металлургии (ПАО «Северсталь») и химической отрасли (ПАО «Апатит») Вологодской области по налогу на прибыль как наиболее крупному в объеме налоговых платежей. Важно сказать, что структура акционерных капиталов данных компаний преимущественно офшорно-олигархическая, без какого-либо долевого участия государственных ведомств⁴. Выведение бизнес-активов в офшоры характерно для российской экономики со времен распада СССР, в первую очередь это делается с целью минимизации налогообложения по дивидендным выплатам.

Отметим, что незаконными могут быть действия налогоплательщика лишь в части формирования налоговой базы (сокрытие доходов, увеличение расходов). Когда прибыль до налогообложения уже сформирована, любые манипуляции со снижением налоговой нагрузки прозрачны для налоговых органов, а значит законны (правомерны).

За период с 2012 по 2021 год суммарная ставка налога на прибыль от ПАО «Северсталь» составляла 8,9%, что на 11,1 п. п. ниже

законодательно установленной нормы (20%). Это значит, что в данный период налоговое поведение компании было направлено на оптимизацию, то есть снижение налоговых платежей и налоговой нагрузки, за исключением убыточного 2014 года. Стоит сказать, что к причинам низкой налоговой нагрузки ПАО «Северсталь» можно отнести функционирование в режиме КГН, а также инвестиционные соглашения с региональными органами власти, согласно которым предоставляется возможность платить налог на прибыль по ставке ниже 20%.

Практически постоянное наличие отложенных налоговых обязательств и активов говорит об определенных обстоятельствах, в силу которых компания не может исполнять налоговые обязательства своевременно и в полном объеме (табл. 5).

Таким образом, кратко рассмотрев особенности расчетов ПАО «Северсталь» с бюджетной системой, можно заключить, что поведение компании в отношении уплаты налога на прибыль характеризуется как оптимизирующее, отложенное и законное. При этом стратегия налогового поведения в про-

⁴ Уставный капитал ПАО «Северсталь». URL: <https://severstal.com/rus/ir/share-capital>; Уставный капитал ПАО «ФосАгро». URL: <https://ar2020.phosagro.ru/share-capital/equity-structure>

Таблица 5. Налоговые расчеты ПАО «Северсталь» за 2012–2021 гг.

Период	Налог на прибыль	Прибыль до налогообложения	Расчетная ставка налога на прибыль	Изменение отложенных налоговых обязательств	Изменение отложенных налоговых активов
	млн руб.		%	млн руб.	
2012	2280	16341	14,0	216	397
2013	0,51	9170	0,0	412	-612
2014	0,96	-37710	0,0	543	24637
2015	5	44261	0,0	-555	-2822
2016	6788	106522	6,4	-1855	-12776
2017	6542	146040	4,5	-231	-8040
2018	14070	138430	10,2	-768	1109
2019	14527	119713	12,1	-807	-1945
2020	7091	122418	5,8	0	0
2021	35840	310799	11,5	0	0
Всего за 2012–2021	87144	975984	8,9	-3045	-52
В среднем за 2012–2021	8714	97598	6,4	-305	-5
2021 к 2012	15,7	19,0	-2,5 п. п.	x	x

Источник: составлено автором.

цессе уплаты налога на прибыль – оптимизационная.

Говоря о компании химической отрасли ПАО «Апатит», отметим, что расчетная ставка налога на прибыль за 10 лет составила 20,4%, что не противоречит законодательной норме. При этом лишь в 2014, 2017 и 2021 гг. налог на прибыль был меньше 20% от прибыли до налогообложения. Уплата налога по ставке, превышающей 20%, связана с оплатой долга предыдущих периодов, а низкая ставка 2014 года (11%) обусловлена поддержкой (льготами) регионального правительства Вологодской области в связи с экономическими санкциями со стороны США и Европейского союза, нарастанием неопределенности и снижением доступа к долгосрочным источникам финансирования⁵. Отсутствие каких-либо переносов налоговых платежей в 2012, 2020 и 2021 гг. характеризует ПАО «Апатит» как компанию со своевременным налоговым поведением в эти годы. Переносы отложенных налоговых

обязательств в другие периоды умеренны (табл. 6).

В целом поведение ПАО «Апатит» при оплате налога на прибыль неоптимизирующее, умеренно-отложенное и законное. Стратегия налогового поведения в процессе уплаты налога на прибыль – ответственная.

Стоит отметить, что определить модель (стратегию) налогового поведения хозяйствующих субъектов с точки зрения формирования налоговой базы на основе финансовой отчетности (даже подробно структурированной) сложно, так как расходные и доходные операции могут не отражать действительность и быть искусственно завышенными или уменьшенными.

К еще одной характеристике налогового поведения ПАО «Северсталь» и ПАО «Апатит» можно отнести их взаимодействие с налоговыми органами в рамках налогового мониторинга. Так, ПАО «Северсталь» перешла на налоговый мониторинг с 2019 года. По мнению генерального директора по

⁵ Примечания к консолидированной финансовой отчетности за 2020 год. Условия осуществления хозяйственной деятельности в России. URL: <https://ar2020.phosagro.ru/pdf/ar/ru/financial-statements/notes.pdf>

Таблица 6. Налоговые расчеты ПАО «Апатит» за 2012–2021 гг.

Период	Налог на прибыль	Прибыль до налогообложения	Расчетная ставка налога на прибыль	Изменение отложенных налоговых обязательств	Изменение отложенных налоговых активов
	млн руб.		%	млн руб.	
2012	1723	7586	22,7	0	0
2013	2597	12599	20,6	200	0
2014	431	3919	11,0	217	0
2015	6506	31157	20,9	112	0
2016	9827	45975	21,4	-378	-155
2017	5050	26340	19,2	-61	-710
2018	8631	39317	22,0	-499	145
2019	10704	49036	21,8	-409	-927
2020	7660	34548	22,2	0	0
2021	28223	147537	19,1	0	0
Всего за 2012–2021	81352	398014	20,4	-817	-1647
В среднем за 2012–2021	8135	39801	20,1	-82	-165
2021 к 2012	16,4 раза	19,4 раза	-3,6 п. п.	x	x

Источник: составлено автором.

финансам и экономике ПАО «Северсталь», перераспределение ресурсов и акцент на основной производственной деятельности вместо сопровождения налоговых проверок экономит бюджет компании. Само решение о переходе на налоговый мониторинг соответствует стратегии развития компании, а работа в новом режиме взаимодействия с налоговым органом позволит сократить трудозатраты на сопровождение выездной налоговой проверки и ускорит предоставление ответов на вопросы налоговой инспекции⁶.

Говоря о ПАО «Апатит», важно сказать, что компания перешла на налоговый мониторинг с 1 января 2021 года, так как уплачивает около 80% налогов холдинга «ФосАгро». Весь холдинг готовится к переходу на налоговый мониторинг с 1 января 2023 года⁷.

Таким образом, развитие теоретических аспектов налогового поведения хозяйствующих субъектов позволяет расширить потенциал практических исследований в этом на-

правлении. Изучение особенностей расчетов компаний с бюджетной системой лишь по одному налогу на прибыль (расчетная ставка, отложенные обязательства) может сформировать некоторые представления о налоговом поведении хозяйствующего субъекта в целом.

Заключение

В завершение исследования кратко перечислим основные полученные результаты.

1. Предложен финансово-экономический подход, который в отличие от существующих определяет налоговое поведение как экономические отношения, возникающие между налогоплательщиком и государством по поводу уплаты обязательных безвозмездных платежей в бюджетную систему для финансового обеспечения государственных задач и функций и выражающиеся в совокупности реакций и принимаемых решений хозяйствующих субъектов на создаваемые

⁶ Крупнейшие металлургические холдинги России вступают в систему налогового мониторинга с 2020 года. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/9186231

⁷ Налоговая политика ФосАгро. URL: <https://ar2021.phosagro.ru/reports/phosagro/annual/2021/gb/Russian/4010/.html>

государством условия в отношении уплаты налогов.

2. Обобщены подходы к типологии налогового поведения с точки зрения сопоставления с выгодами взаимоотношений биологических организмов; уклонения от уплаты налогов; социальной справедливости; взаимосвязи с налоговым контролем, а также взаимоотношений государства с корпорациями. Обосновано, что при формировании долгосрочных моделей налогового поведения целесообразно употреблять термин «стратегии». Ключевыми являются стратегия уклонистского налогового поведения, стратегия оптимизационного налогового поведения, стратегия ответственного налогового поведения, стратегия смешанного налогового поведения.

3. Расширены классификационные признаки налогового поведения в зависимости от формирования налоговой базы, срока уплаты налога, вида уплачиваемого налога, соблюдения правовых норм и экономической эффективности для налогоплательщика, что позволит структурировать информационную базу для оперативного принятия управленческих решений в сфере налоговой политики.

4. Корпорация черной металлургии ПАО «Северсталь» имеет офшорно-олигархическую структуру акционерного капитала. Она функционирует в рамках консолидированной группы налогоплательщиков, а также заключает с региональными органами вла-

сти инвестиционные соглашения, согласно которым для ПАО «Северсталь» периодически снижается ставка по налогу на прибыль. За период с 2012 по 2021 год суммарный налог на прибыль составил всего 8,9%, что на 11,1% ниже законодательной нормы. Также у компании часто формируются отложенные налоговые обязательства. Таким образом, стратегию налогового поведения ПАО «Северсталь» можно характеризовать как оптимизационную.

Несмотря на наличие кипрских юрисдикций в уставном капитале «ФосАгро», расчеты ПАО «Апатит» с налоговыми органами в отношении уплаты налога на прибыль характеризовались полнотой, за 10 лет общий налог на прибыль составил 20,4% от налоговой базы. Кроме того, величина отложенных обязательств и активов ПАО «Апатит» не превышала 710 млн руб., тогда как у ПАО «Северсталь» достигала 24,6 млрд руб. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что стратегия налогового поведения ПАО «Апатит» – ответственная.

5. Компании с 2019 (ПАО «Северсталь») и 2021 (ПАО «Апатит») года были осуществили переход на налоговый мониторинг. Такая совместная корпоративно-ведомственная инициатива говорит о повышении доверия бизнеса к власти и власти к бизнесу, а также о понимании крупными налогоплательщиками своей роли в формировании бюджетов территорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Агузарова Л.А., Агузарова Ф.С., Бурнацева О.О. (2019). Уклонение от уплаты налогов // Теоретическая экономика. № 2 (50). С. 103–107.
- Адвокатова А.С. (2017). Взаимосвязь моделей поведения налогоплательщиков и налогового контроля // Экономика. Налоги. Право. № 5. С. 148–157.
- Айтхожина Г.С. (2019). Налоговое соблюдение: налоговый контроль или налоговая мораль? // Вестник ОмГУ. Сер.: Экономика. № 4. С. 5–10.
- Вылкова Е.С. (2017). Управление налогоообложением: модели поведения государства и экономических субъектов // Вестник ТГЭУ. № 2 (82). С. 51–58.
- Галухин А.В. (2019). К вопросу о налоговом поведении и повышении налоговой культуры налогоплательщиков // Социальное пространство. № 1 (18). С. 5. DOI: 10.15838/sa.2019.1.18.5
- Гребенчук А.О. (2008). Уклонение от уплаты налогов как девиантная форма налогового поведения предпринимателей // Российское предпринимательство. № 10 (2). С. 50–53.

- Зотова Т.А., Богуславский В.Н. (2008). Экономическое поведение налогоплательщиков в современной России: формирование налоговой честности // *Пространство экономики*. № 2. С. 66–73.
- Камбарова Е.С., Лапина Е.Н. (2014). Противодействие уклонению от уплаты налогов // *Евразийский союз ученых*. № 8 (1). С. 123–152.
- Катаева В.А., Голева О.И. (2022). Налоговое поведение населения как критерий дифференциации территорий субъекта Российской Федерации для целей профилактики налоговых нарушений и воздействия на уровень налоговой культуры // *Налоги и налогообложение*. № 6. С. 1–15.
- Мартынова В.С. (2018). Налоговое поведение различных типов налогоплательщиков // *Молодежь третьего тысячелетия: сб. науч. ст. XLII региональной студенческой науч.-практ. конф.* Омск: Изд-во Омского гос. ун-та. С. 684–688.
- Митюкова Э.С. (2010). *Налоговое планирование. Анализ реальных схем*. Москва: Эксмо. 282 с.
- Печенская М.А. (2018a). Актуальные вопросы формирования бюджетного потенциала территории: факторы, принципы, структурные элементы // *Проблемы развития территории*. № 6 (98). С. 149–161. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.10
- Печенская М.А. (2018b). Бюджетный потенциал в системе потенциалов территории: теоретико-методологические аспекты // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 11. № 5. С. 61–73.
- Цокова Б.А. (2020). Противодействие уклонению от уплаты налогов // *StudNet*. № 6. С. 29–37.
- Чирков М.О. (2012). Инновационные подходы к формированию моделей поведения налогоплательщиков // *Известия АлтГУ*. № 2 (1). С. 347–352.
- Avi-Yonah R.S. (2008). Corporate social responsibility and strategic tax behavior. In: Schön W. (eds). *Tax and Corporate Governance. MPI Studies on Intellectual Property, Competition and Tax Law*. Vol. 3. Springer, Berlin, Heidelberg. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-540-77276-7_13
- Baudot L., Johnson J.A., Roberts A., Roberts R.W. (2020). Is corporate tax aggressiveness a reputation threat? Corporate accountability, corporate social responsibility, and corporate tax behavior. *Journal of Business Ethics*, 163 (2), 197–215.
- Dyregang S.D., Hoopes J.L., Wilde J.H. (2016). Public pressure and corporate tax behavior. *Journal of Accounting Research*, 54 (1), 147–186.
- Elffers H., Weigel R.H., Hessing D.J. (1987). The consequences of different strategies for measuring tax evasion behavior. *Journal of Economic Psychology*, 8 (3), 311–337.
- Elster J. (1989). Conclusion: The cement of society. *The Cement of Society: A Survey of Social Order*, 248–287. DOI: 10.1017/CBO9780511624995.009
- Luttmer E., Singhal M. (2014). Tax morale. *Journal of Economic Perspectives*, 28 (4), 149–168.
- Pickhardt M., Prinz A. (2014). Behavioral dynamics of tax evasion – A survey. *Journal of Economic Psychology*, 40, 1–19.
- Slemrod J. (2001). A general model of the behavioral response to taxation. *International Tax and Public Finance*, 8 (2), 119–128.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Константинович Малышев – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mmk1995@mail.ru)

Malyshev M.K.

TAX BEHAVIOR OF ECONOMIC ENTITIES: ESSENCE, MODELS AND FORMATION FACTORS

The sustainability of socio-economic development of the country, regions and municipalities is inextricably connected to the effective interaction of budget-forming economic entities and tax authorities within the conditions created by the state, that is, with the tax behavior of economic entities. The article analyzes the theoretical aspects of tax behavior. On the basis of the existing interpretations of this term in the scientific literature our own understanding of tax behavior is formulated. Internal and external factors influencing the taxpayers' decisions in the sphere of tax payment are systematized. The most frequent models of tax behavior are distinguished, including evasion, optimization, and payment in accordance with the law. The strategies of tax behavior of economic entities are formed and characterized, in contrast to the models which are long-term value-psychological attitudes of the taxpayer. Strategies of evasive, optimization, responsible and mixed tax behavior are distinguished. The classification features and types of tax behavior are expanded. Based on the financial statements of major budget-forming corporations of the Vologda Oblast, PJSC "Severstal" and PJSC "Apatit" for 2012–2021 and on the content-analysis, we made an attempt to briefly characterize the tax behavior of these companies. It was revealed that PJSC "Severstal" continuously paid tax at a rate significantly below 20%, transferred tax liabilities to other periods, and operated in the regime of a consolidated group of taxpayers. In turn, PJSC "Apatit" used the benefits of the regional authorities rarely, the average income tax rate almost corresponded to the norm, and the postponement of payments was not so significant. The information base of the study was the works of Russian and foreign authors on the economic entities' tax behavior. The article may be of interest to students, postgraduate students and professors, regional authorities, and all persons interested in the peculiarities of economic entities' tax behavior.

Tax behavior, strategies, paying taxes, budget system, tax system, public and private interests.

REFERENCES

- Advokatova A.S. (2017). The interrelation of the tax payer behavior and tax control models. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes & Law*, 5, 148–157 (in Russian).
- Aguzarova L.A., Aguzarova F.S., Burnatseva O.O. (2019). Tax avoidance. *Teoreticheskaya ekonomika=Theoretical Economy*, 2(50), 103–107 (in Russian).
- Aitkhozhina G.S. (2019). Tax compliance: Tax control or tax morality? *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika"=Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 4, 5–10 (in Russian).
- Avi-Yonah R.S. (2008). Corporate social responsibility and strategic tax behavior. In: Schön W. (Ed.). *Tax and Corporate Governance. MPI Studies on Intellectual Property, Competition and Tax Law*. Vol. 3. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-540-77276-7_13
- Baudot L., Johnson J.A., Roberts A., Roberts R.W. (2020). Is corporate tax aggressiveness a reputation threat? Corporate accountability, corporate social responsibility, and corporate tax behavior. *Journal of Business Ethics*, 163(2), 197–215.
- Chirkov M.O. (2012). Innovative approaches to form tax bearers' behavior models. *Izvestiya AltGU=Izvestiya of Altai State University*, 2(1), 347–352 (in Russian).
- Dyreg S.D., Hoopes J.L., Wilde J.H. (2016). Public pressure and corporate tax behavior. *Journal of Accounting Research*, 54(1), 147–186.
- Elffers H., Weigel R.H., Helsing D.J. (1987). The consequences of different strategies for measuring tax evasion behavior. *Journal of Economic Psychology*, 8(3), 311–337.

- Elster J. (1989). Conclusion: The cement of society. *The Cement of Society: A Survey of Social Order*, 248–287. DOI:10.1017/CBO9780511624995.009
- Galukhin A.V. (2019). Tax behavior and improved tax culture of the taxpayers. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 1(18), 5. DOI: 10.15838/sa.2019.1.18.5 (in Russian).
- Grebenchuk A.O. (2008). Tax evasion as a deviant form of tax behavior of entrepreneurs. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo=Journal of Russian Entrepreneurship*, 10(2), 50–53 (in Russian).
- Kambarova E.S., Lapina E.N. (2014). Combating tax evasion. *Evraziiskii soyuz uchenykh=Eurasian Union of Scientists*, 8(1), 123–152 (in Russian).
- Kataeva V.A., Goleva O.I. (2022). Tax behavior as a criterion for differentiating the territories for the purposes of preventing tax violations and influencing the level of tax culture. *Nalogi i nalogooblozhenie=Taxes and Taxation*, 6, 1–15 (in Russian).
- Luttmer E., Singhal M. (2014). Tax morale. *Journal of Economic Perspectives*, 28(4), 149–168.
- Martynova V.S. (2018). *Nalogovoe povedenie razlichnykh tipov nalogoplatel'shchikov. Molodezh' tret'ego tysyacheletiya: sb. nauch. st. XLII regional'noi studencheskoi nauch.-prakt. konf.* [Tax Behavior of The Various Types of Taxpayers. Youth of the Third Millennium: Collection of Scientific Articles of the 42nd Regional Student Scientific and Practical Conference]. Omsk: Omsk State University Publishing House.
- Mityukova E.S. (2010). *Nalogovoe planirovanie. Analiz real'nykh skhem* [Tax Planning. Analysis of Real Schemes.]. Moscow: Eksmo.
- Pechenskaya M.A. (2018a). Topical issues of the formation of territory's budget potential: Factors, principles, structural elements. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 6(98), 149–161. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.10 (in Russian).
- Pechenskaya M.A. (2018b). Budget capacity in the system of capacities of the territory: Theoretical issues. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(5), 61–73 (in Russian).
- Pickhardt M., Prinz A. (2014). Behavioral dynamics of tax evasion – A survey. *Journal of Economic Psychology*, 40, 1–19.
- Slemrod J. (2001). A general model of the behavioral response to taxation. *International Tax and Public Finance*, 8(2), 119–128.
- Tsokova B.A. (2020). Countering tax evasion. *StudNet*, 6, 29–37 (in Russian).
- Vylkova E.S. (2017). Models of behavior of the state and economic agents in the tax management. *Vestnik TGEU=Bulletin of the Pacific State University of Economics*, 2(82), 51–58 (in Russian).
- Zotova T.A., Boguslavskii V.N. (2008). Economic behavior of taxpayers in modern Russia: The formation of tax honesty. *Prostranstvo ekonomiki=Terra Economicus*, 2, 66–73 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail K. Malyshev – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mmk1995@mail.ru)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.7

УДК 316.342.6 | ББК 60.54

© Воробьева И.Н.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ВОРОБЬЕВА

Череповецкий государственный университет

Череповец, Российская Федерация

e-mail: vorobyova-i-n@yandex.ru

ORCID: [0000-0001-5970-051X](https://orcid.org/0000-0001-5970-051X); ResearcherID: [AAX-4496-2021](https://orcid.org/AAX-4496-2021)

Территориальная идентичность населения является нематериальным активом развития города, потому что выступает фактором удержания жителей в родном регионе и ресурсом социальной активности в практиках преобразования городского пространства. Цель заключается в выявлении наиболее значимых факторов городской среды, которые влияют на уровень территориальной идентичности населения. Территориальная идентичность рассматривается через индикаторы эмоционального отношения к городу, миграционных настроений, установок и практик социального участия в развитии городского пространства. Новизна работы состоит в применении авторской методики измерения уровня территориальной идентичности, а также дисперсионного анализа для определения факторов ее формирования. Значимым аспектом выступает сравнительный анализ ответов учащихся школ и взрослого населения. Эмпирическую базу исследования сформировали результаты опроса населения города Череповца старше 18 лет и опроса учащихся 9–11 классов школ города Череповца. Выявлено, что 67% учащихся 9–11 классов и 71% населения позитивно отзываются о родном городе. Однако только 23% учащихся собираются в нем работать после получения образования, а доля всего населения, которое хочет, чтобы дети и внуки остались жить в городе, составляет 39%. Дисперсионный анализ взаимосвязи уровня территориальной идентичности и оценок параметров городской среды показал, что наиболее значимо на уровень территориальной идентичности взрослого населения влияют удовлетворенность городской инфраструктурой, культурным досугом и системой здравоохранения; школьников – оценки города как места для проведения культурного до-

Для цитирования: Воробьева И.Н. (2023). Факторы формирования территориальной идентичности населения: социологический анализ // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 89–109. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.7

For citation: Vorobeva I.N. (2023). Factors in the formation of the population's territorial identity: A sociological analysis. *Problems of Territory's Development*, 27(2), 89–109. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.7

суга и получения образования. Обнаружен разрыв между причинами миграционных установок, декларируемых школьниками, и параметрами, выявленными при анализе. В открытых вопросах причиной отъезда школьники чаще всего обозначают «нет перспектив, возможностей для самореализации». Данный факт позволяет выстроить гипотезу стереотипного формирования отношения к городу у школьников референтными группами, такими как учителя, родители.

Территориальная идентичность населения, школьники, неформальное социальное участие, факторы развития города.

Постановка проблемы

Важным нематериальным активом развития города, региона является территориальная идентичность населения. В условиях высокой миграционной активности наиболее прогрессивных слоев населения, особенно молодежи в период реализации образовательных стратегий, территориальная идентичность становится фактором их удержания в родном регионе. С другой стороны, высокий уровень территориальной идентичности, который выражается в эмоциональной привязанности, представляет собой фактор социальной активности населения, высокого уровня развитости практик социального участия. Именно поэтому актуальна проблема изучения уровня территориальной идентичности населения, особенно в поколенном аспекте, а также выявления факторов ее формирования.

Теоретические основы исследования

В современных социологических исследованиях категория «территориальная идентичность» используется наряду с категориями «региональная идентичность», «городская идентичность», реже «локальная» и «местная». При изучении территориальной идентичности, как правило, отталкиваются от более общего социально-психологического феномена «социальная идентичность», которая представляет собой осознание принадлежности к социальным группам, к обществу. Данный феномен наиболее концептуально разобран в трудах Г. Тэджфела (Tajfel, 1978). Е.В. Еремина отмечает следующие характеристики социальной идентичности: «Совокупность представлений человека о своем месте в обществе, ценностях и

поведенческих моделях, которые утверждают на основании соотнесения себя с общественно значимыми культурными ориентирами и ролевыми функциями в социальной среде» (Еремина, 2014, с. 149). Основная составляющая гражданской, профессиональной, территориальной идентичности заключается именно в осознании принадлежности (к гражданам данного государства, профессиональной группе, к территориальному сообществу), вопрос только в том, что является объектом идентификации. Принадлежность обуславливает схожие социальные качества и реакции на определенные стимулы, способность демонстрировать сплоченность и способность к самоорганизации (Воробьев и др., 2022).

На наш взгляд, наиболее однозначное толкование категории территориальной идентичности населения дает К.С. Тумакова: «Состояние соотнесения личности с регионом, региональным сообществом и определенными социальными группами, вызывающее желание и потребность участвовать в региональных взаимодействиях, связывать свое настоящее и будущее с развитием данного региона» (Тумакова, 2010, с. 70–71). Таким образом, территориальная идентичность является продуктом соотнесения как с регионом проживания, так и с региональным сообществом.

Территориальная идентичность населения состоит из двух основных компонентов. Наиболее отчетливо в трудах большинства ученых прослеживается эмоциональная составляющая, «сильная эмоциональная связь с определенными местами или окружающей средой» (Peng et al., 2020). В последнее время все чаще акцент ставится на деятельностный компонент, социальные практики населения (Banini, 2021). Поведенческий ком-

понент, практики социального участия зачастую априори рассматриваются как часть территориальной идентичности (Kuus, 2007; Prokkola et al., 2015). Через активные социальные практики на локальном уровне укрепляется и формируется территориальная идентичность (Антонова и др., 2020; Костко, 2022; Le Dantec, DiSalvo, 2018).

Территориальная идентичность выступает нематериальным активом развития региона (Capello, 2019), ее формирование способствует созданию социального капитала, который является фундаментальным ресурсом устойчивого развития территорий (Basile, Cavallo, 2020). В связи с этим не вызывает сомнений актуальность изучения факторов формирования территориальной идентичности у населения, то есть выявления параметров региона, дающих веские причины остаться в своем населенном пункте и прикладывать усилия для его развития.

Одним из ключевых факторов, которые не всегда относят именно к параметрам городской среды и социального пространства, является возможность участвовать в ее проектировании. Сознательный аспект конструирования социального пространства территории, усиление участия граждан в принятии решений относительно ее настоящего и будущего приводит к формированию эмоциональной привязанности к региону (Madsen, van Naerssen, 2003; Le Dantec, DiSalvo, 2018; Markuszewska, 2019). Привязанность к месту способствует продуктивности сообщества через практики коллективного поведения, а наличие множественной идентичности делает территорию более изменчивой, ориентированной на будущее (Camagni, 2019; Panzera et al., 2020). Подход к управлению городом с активным участием широкой общественности рассматривается через выдвинутую А. Лефевром и продолженную Д. Харви концепцию «права на город» – право на преобразование места жительства в соответствии с собственными потребностями. Город становится местом самореализации индивидов, население с высоким уровнем территориальной идентичности берет на себя ответственность за место про-

живания, его территориальное благоустройство, через совместное решение проблем горожан и властей выражает свои запросы на городское пространство (Антонова и др., 2020; Белоусов, Давыдов, 2021; Вершинина, 2018; Скалабан, Серебрянникова, 2014; Терентьев, 2015). Таким образом, выравниваются права всех жителей, уменьшается дифференциация населения при доступе как к общественному пространству, так и праву определять, как оно будет организовано.

Территориальная идентичность как включение населения в практики по преобразованию территории имеет важный рациональный компонент, который заключается в знании территории, ее проблем и возможностей (Вандышев и др., 2013; Оплетина, Белоусова, 2021; Bianchetti, Cerruti, 2016). Вовлеченное в жизнь города население лучше знает повседневные проблемы региона, полнее представляет, какие преобразования действительно требуются городу, его отдельным районам и дворам и какие проекты удовлетворяют их общим интересам (Кочухова, Мартянов, 2019).

Среди факторов состояния городской среды, влияющих на территориальную идентичность, как правило, выделяют экономические и культурные факторы (Кочухова, Мартянов, 2019; Шабаев и др., 2018; De Jong et al., 2018). Ван Ланен отмечает, что ухудшение возможностей трудоустройства, комплекса услуг населению, физического ландшафта территории, снижение уровня жизни населения, экологическое состояние региона могут привести к негативным локальным переживаниям и снижению чувства места (van Lanen, 2017). Как отдельный фактор территориальной идентичности можно рассмотреть доступность и качество жилищных условий. Готовность устанавливать соседские доброжелательные связи, участвовать в локальных городских практиках повышается в условиях не только локальной идентичности, привязанности к городу, но и в благоприятных условиях проживания. Жилищный дефицит создает социальную напряженность либо приводит к депопуляции территории (Казакова, 2017).

Регулярный выезд из малых и средних городов России наиболее социально активных людей и приток мигрантов из сельской местности, которые стремятся удовлетворить первоочередные потребности в рабочих местах и более высокой, чем на прежнем месте жительства, зарплате, осложняют проблему формирования локальных городских сообществ «снизу» (Богатова, Долгаева, 2022). Для развития региона необходима мобилизирующая сила наиболее активных слоев населения.

Ю.А. Чурсина анализирует взаимосвязь оценок качества городской среды и миграционные установки населения, определяя два основных мотива миграции: «уехать от» и «уехать для». На миграционные установки влияют две переменные: актуальные проблемы населенного пункта и ожидаемые перспективы жизни в другом городе. Мотивацией «уехать для» выступает не дискомфорт от существующих проблем в месте проживания, а ожидания по расширению возможностей после переезда. Мотивом «уехать от» служат сложности на рынке труда, отсутствие работы и низкий уровень заработной платы. Автор выделяет культурных, экономических и недовольных мигрантов. Для экономических мигрантов важны перспективы трудоустройства и повышение уровня жизни, для культурных – обеспеченность городской среды объектами культурно-развлекательной сферы, а также экологический фактор. Недовольные мигранты убегают от проблем существующей среды, их стимулирует неудовлетворенность проживания в своем населенном пункте. Если для крупных городов меньше важна проблема трудоустройства, то характерны проблема жилья в силу его дороговизны и экологические проблемы. Для сельской местности более актуальны проблемы трудоустройства и возможности досуга. Получается, что жителей крупных городов не устраивает качество инфраструктуры, они не удовлетворены карьерными перспективами или низкой заработной платой, тогда как у сельских жителей вопросы качества отходят на второй план, их интересует в пер-

вую очередь наличие данных параметров (Чурсина, 2014).

Р.В. Евстифеев формулирует модель конструирования городской идентичности: развитие городского сообщества, выработка социального «софта» для взаимодействия друг с другом, формирование независимого интеллектуального пространства, публичное выражение интересов, конкуренция и продвижение своей повестки в поле публичной политики (Евстифеев, 2020).

Таким образом, территориальная идентичность населения включает эмоциональный компонент (привязанность к городу и позитивное его оценивание) и поведенческий (установки и практики участия в социальном пространстве и устойчивая установка жить и работать на данной территории). Основными факторами формирования территориальной идентичности являются возможность участвовать в проектировании пространства, культурно-досуговые (состояние инфраструктуры, доступность объектов для повседневных практик) и экономические (уровень жизни, возможность трудоустройства и построения карьеры) факторы.

Методы исследования

Первой эмпирической базой исследования стали данные опроса населения города Череповца Вологодской области, который был проведен в апреле 2022 года кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой населения города старше 18 лет – участников опроса. Объем выборки – 668 человек. Опрос осуществлялся путем интервьюирования респондентов по месту жительства.

Второй эмпирической базой послужил опрос учащихся 9–11 классов десяти общеобразовательных школ г. Череповца по формализованной анкете по месту обучения, проведенный по кластерной выборке. Исследование осуществлено в апреле 2022 года

кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета в рамках гранта социальных проектов Благотворительного фонда «Дорога к дому» «Жизненные стратегии и социальные ориентиры одаренных детей Череповца». Всего опрошено 647 человек.

Техническая обработка информации была произведена в программе SPSS, версия 22 (статистический пакет для социальных наук). Для анализа использовались методы двумерного анализа, дисперсионный анализ, корреляционный анализ.

Исследование по блоку территориальной идентичности и блоку удовлетворенности факторами городской среды осуществлялось по единому инструментарию с целью сравнительного анализа уровня территориальной идентичности разных возрастных групп, а также сравнения факторов формирования отношения к городу у учащихся школ и взрослого населения. Такой подход дает возможность разработать дифференцированный подход к формированию территориальной идентичности разных возрастных групп. Особенно это важно для удержания молодежи в период реализации образовательных и трудовых стратегий, которые могут быть либо связаны с городом, либо нет. Сопоставление результатов возможно и в связи с проведением полевого этапа обоих исследований в один временной период (апрель 2022 года).

Для измерения уровня территориальной идентичности населения использовалась авторская методика, в которую были заложены эмоциональный и поведенческий компоненты территориальной идентичности населения. Респондентам задавались следующие вопросы: «Когда Вы говорите о Череповце, Вы отзываетесь о нем позитивно?», «Порекомендовали бы Вы своим знакомым из другого города переехать жить в Череповец?», «Можете ли Вы про себя сказать: «Я стремлюсь сделать лучше город, в котором живу?», «Вы бы хотели, чтобы Ваши дети, внуки остались жить в Череповце?» (для школьников: «Собираетесь ли Вы после получения образования работать в Череповце?»).

Для определения уровня территориальной идентичности каждого респондента рассчитывался общий индекс по четырем частным индексам по каждому из вопросов. Для этого вариантам ответов присваивались следующие шкальные значения: «да» – 5; «скорее да» – 4; «затрудняюсь ответить» – 3; «скорее нет» – 2; «нет» – 1. Все респонденты на основании индекса были распределены на пять групп: «очень низкий уровень» территориальной идентичности, индекс варьируется в интервале от 1 до 2; «низкий уровень» (от 2 до 2,66); «средний уровень» (от 2,67 до 3,33); «высокий уровень» (от 3,34 до 4); «очень высокий уровень» (от 4,1 до 5). Главное преимущество этой методики заключается в возможности исследовать взаимосвязь уровня территориальной идентичности с другими переменными. Например, связь территориальной идентичности с факторами удовлетворенности территорией проживания для учащихся школ выявлялась с помощью вопроса «Считаете ли Вы Череповец хорошим местом?» по аспектам: «для работы / построения профессиональной карьеры», «для получения хорошего образования», «для реализации себя в творчестве», «для построения политической/общественной карьеры», «для сохранения здоровья / ведения ЗОЖ», «местом, где можно интересно и насыщенно провести досуг»; для всего населения – с помощью вопроса «Насколько Вы удовлетворены аспектами жизни в Череповце: системой здравоохранения, системой образования, городской инфраструктурой, возможностью построения карьеры, возможностями культурного досуга в городе, возможностью трудоустройства, возможностью участия в жизни города, своего района, доступностью информации о городе, городских проблемах, мероприятиях?».

Результаты исследования

Череповец является центром металлургической и химической промышленности Вологодской области. Крупные предприятия формируют предложение рабочих мест на рынке труда и достаточно высокий уровень

доходов в городе. Корпоративная социальная ответственность в ПАО «Северсталь» и «ФосАгро» распространяется не только на работников предприятий, но и город в целом, способствуя развитию инфраструктуры и социальной сферы города. Из негативных факторов – неблагоприятная экологическая обстановка в Череповце. Город для своего развития и процветания нуждается в трудовых ресурсах и активном населении. Но из Череповца, как и большинства средних и малых городов России, каждый год уезжают и выпускники при реализации своих образовательных стратегий, и население в целом. Решение демографических проблем является одной из приоритетных задач города, поэтому определение уровня территориальной идентичности и факторов ее формирования выступает значимой практической задачей.

Отношение к городу среди населения и учащихся 9–11 классов неоднозначное. Эмо-

циональная оценка города благоприятная: 72% населения старше 18 лет и 64% школьников довольны, что живут в нем, 71% населения и 67% школьников склонны говорить о городе позитивно. Однако только 46% взрослого населения и 26% школьников порекомендовали бы своим знакомым из другого города переехать жить в Череповец; 39% череповчан хотели бы, чтобы их дети, внуки остались жить здесь и только 23% учащихся 9–11 классов после получения образования хотели бы работать в Череповце (рис. 1).

Такая ситуация типична для большинства малых и средних городов России. Эмоциональная составляющая отношения к Череповцу школьников и населения в целом сопоставима с оценками молодежи по всей Вологодской области. Так, по результатам опроса «Социокультурный портрет Вологодской области», осуществленного Вологодским научным центром РАН, 62% мо-

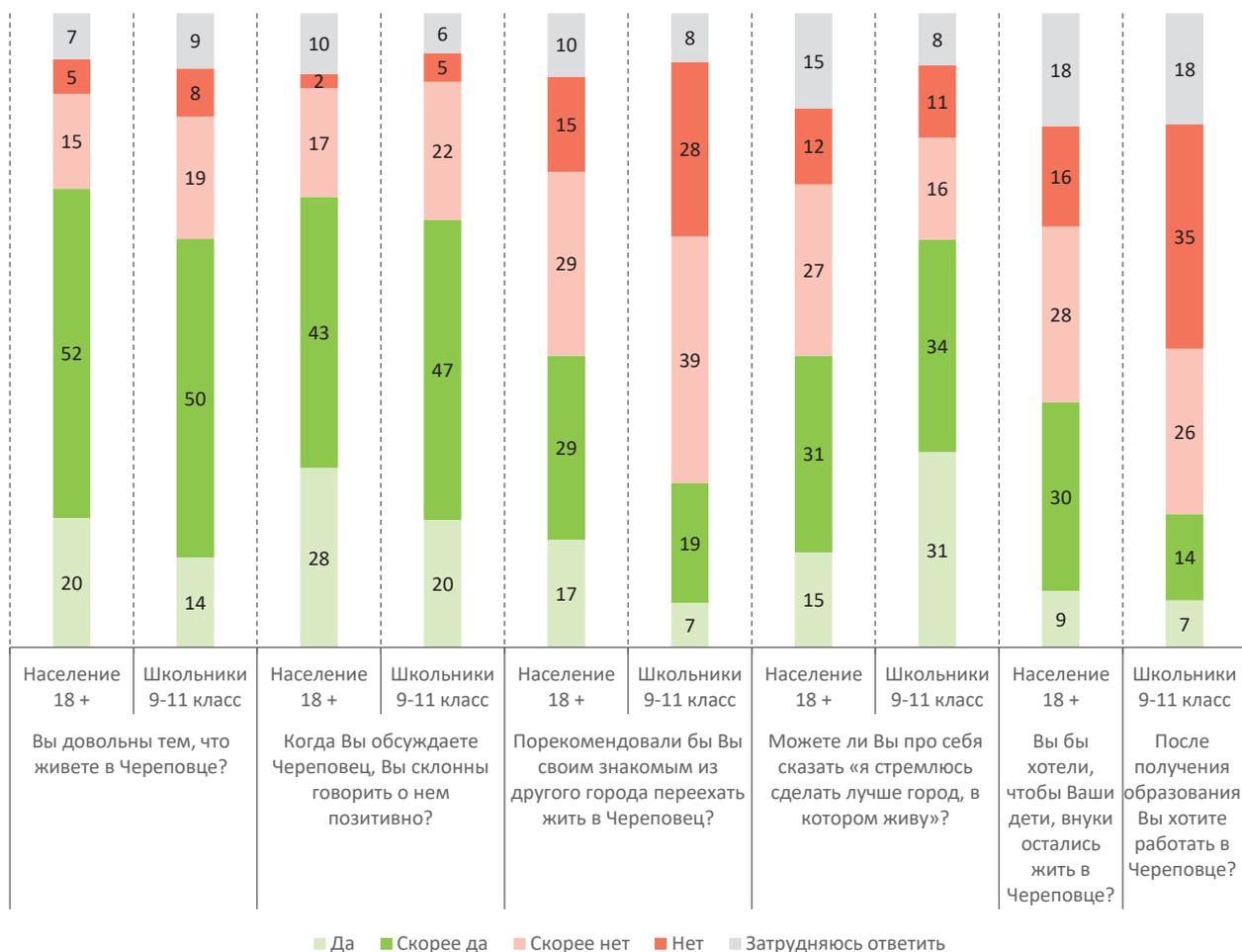

Рис. 1. Распределение ответов на вопросы по измерению уровня территориальной идентичности, %

лодежи в возрасте 18–35 дали позитивные ответы на вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?». Миграционные установки учащихся старших классов в малых и средних городах России выглядят пугающими. Так, в ходе опроса в малых городах (Вязники (Владимирская область), Ртищево (Саратовская область), Сатка (Челябинская область), Камень-на-Оби (Алтайский край)) и средних городах (Бузулук (Оренбургская область), Великие Луки (Псковская область), Мичуринск (Тамбовская область), Чистополь (Республика Татарстан)) в 2018 году было выявлено, что только 12% респондентов в средних городах и 4% в малых городах после окончания школы собираются остаться в своем городе. Более трети выпускников в средних (38%) и почти половина (48%) в малых городах заявили, что в свои города больше не вернутся (Карачурина, Флоринская, 2019).

Поведенческие аспекты территориальной идентичности достаточно развиты. 46% взрослого населения и 65% школьников ответили, что стремятся делать город лучше. Это подтверждается практиками социального участия: 40% школьников за последние год-два принимали участие в благоустройстве города, двора, дома, школы; 24% – в благотворительных акциях; 22% – в практиках массовых мероприятий; 16% работали волонтерами. Среди всего населения 25% участвовали в общественных работах по месту жительства (субботники, мероприятия по благоустройству), 23% – в благотворительных акциях, 13% – в массовых городских мероприятиях, 7% работали волонтерами.

В ходе исследования был выявлен уровень территориальной идентичности школьников и всего населения г. Череповца. Среди школь-

ников очень высокий уровень территориальной идентичности характерен только для 10%, тогда как среди всего населения – 17% (табл. 1). Больше привязаны к городу жители старшего возраста: среди населения в возрасте старше 65 лет 27% имеют очень высокий уровень территориальной идентичности, 42% – высокий, только 8% – низкий и очень низкий. В группе школьников очень низкий и низкий уровень – у 34%, 35% – имеют средний уровень и 20% – высокий. Наиболее негативное отношение к городу формируется к 18 годам: 49% жителей в возрасте 18–24 года имеют низкий и очень низкий уровень территориальной идентичности и только 5% – высокий. Именно в этом возрасте люди чаще уезжают из города.

Важно было определить, какие факторы территориальной идентичности являются наиболее значимыми, почему достаточно позитивно отзываясь о родном городе, молодежь так решительно настроена на отъезд из него, а взрослые не хотят, чтобы их дети жили в Череповце. Взрослое население оценивало удовлетворенность параметрами городской среды. Больше всего жители удовлетворены доступностью информации о городе, городских проблемах (69% позитивных ответов); высок уровень удовлетворенности городской инфраструктурой (59%); немного ниже – возможностью культурного досуга и трудоустройства (54%); возможностью участия в жизни города удовлетворены 52% (рис. 2). Меньше половины удовлетворены возможностью построения карьеры (48%) и системой образования (41%). Ниже всего оценивают систему здравоохранения – только 36% позитивных оценок.

Школьникам был задан вопрос «Считаете ли Вы город Череповец хорошим ме-

Таблица 1. Уровень территориальной идентичности в зависимости от возраста, %

Уровень	Школьники	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше	Население от 18 лет и старше
Очень низкий	19	34	23	13	17	11	6	17
Низкий	15	15	14	14	12	15	2	12
Средний	35	26	25	30	29	18	23	25
Высокий	20	20	27	30	22	30	42	29
Очень высокий	10	5	12	14	20	27	27	17

Рис. 2. Удовлетворенность разными аспектами городской жизни населения г. Череповца, %

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы Череповец хорошим местом для...» среди школьников, %

стом для ...?». Больше половины опрошенных (53%) назвали Череповец хорошим местом для жизни в целом (рис. 3). Однако по каждому из факторов в отдельности преобладают негативные оценки. Школьники оценивают город по разным параметрам ниже, чем взрослое население. Только 42% считают его местом, где можно интересно и насыщенно провести досуг, найти работу и построить карьеру; 39% – хорошим для получения образования и реализации себя

в творчестве; только 30% – для построения политической и общественной карьеры, 24% – для сохранения здорового образа жизни.

Для того чтобы узнать, какие из этих факторов наиболее значимы для формирования отношения к городу, был проведен дисперсионный анализ. Всем ответам респондентов по уровню удовлетворенности разными аспектами городской жизни были присвоены шкальные значения от 5 до 1, как и при рас-

чете уровня территориальной идентичности, где 5 – «полностью удовлетворен», 1 – «полностью не удовлетворен». Согласно результатам дисперсионного анализа все группы по уровню территориальной идентичности статистически значимо различаются оценками удовлетворенности; уровень значимости по всем переменным (табл. 2) меньше 0,05. Тем не менее по некоторым параметрам эти различия более явные в соответствии с уровнем F-статистики. Наиболее значимы отличия по оценке удовлетворенности городской инфраструктурой (F-статистика 22,43), проведением культурного досуга (19,05). Именно они являются основными маркерами формирования территориальной идентичности и отношения к городу у всего населения города Череповца старше 18 лет.

Данные зависимости более наглядно можно продемонстрировать как с помощью средних при проведении дисперсионного анализа, так и таблиц сопряженности между оценками разных групп. Приведем данные по самым значимым маркерам территориальной идентичности.

Наиболее показательный маркер территориальной идентичности – это удовлетворенность городской инфраструктурой. Среди респондентов с очень низким уровнем территориальной идентичности средний индекс удовлетворенности городской инфраструктурой, который измеряется в пределах от 1 до 5, составил 2,66, тогда как в группе с очень высоким уровнем территориальной идентичности – 3,84 (рис. 4). Среди всех горожан старше 18 лет индекс равнялся 3,22.

Таблица 2. Результаты дисперсионного анализа уровня удовлетворенности сферами городской жизни у представителей групп разного уровня территориальной идентичности среди всего населения

		Сумма квадратов	Ст. св.	Средний квадрат	F	Знач.
Инфраструктура	Между группами	116,156	4	29,039	22,426	,000
	Внутри групп	858,495	663	1,295		
	Всего	974,651	667			
Культурный досуг	Между группами	99,547	4	24,887	19,046	,000
	Внутри групп	866,338	663	1,307		
	Всего	965,885	667			
Система образования	Между группами	54,168	4	13,542	10,036	,000
	Внутри групп	894,605	663	1,349		
	Всего	948,772	667			
Построение карьеры	Между группами	52,947	4	13,237	11,005	,000
	Внутри групп	797,478	663	1,203		
	Всего	850,425	667			
Возможность трудоустройства	Между группами	62,662	4	15,666	12,265	,000
	Внутри групп	846,835	663	1,277		
	Всего	909,497	667			
Здравоохранение	Между группами	72,339	4	18,085	13,161	,000
	Внутри групп	911,068	663	1,374		
	Всего	983,407	667			
Возможность участия	Между группами	49,682	4	12,421	11,341	,000
	Внутри групп	726,083	663	1,095		
	Всего	775,765	667			
Доступность информации	Между группами	47,458	4	11,864	11,483	,000
	Внутри групп	685,021	663	1,033		
	Всего	732,479	667			

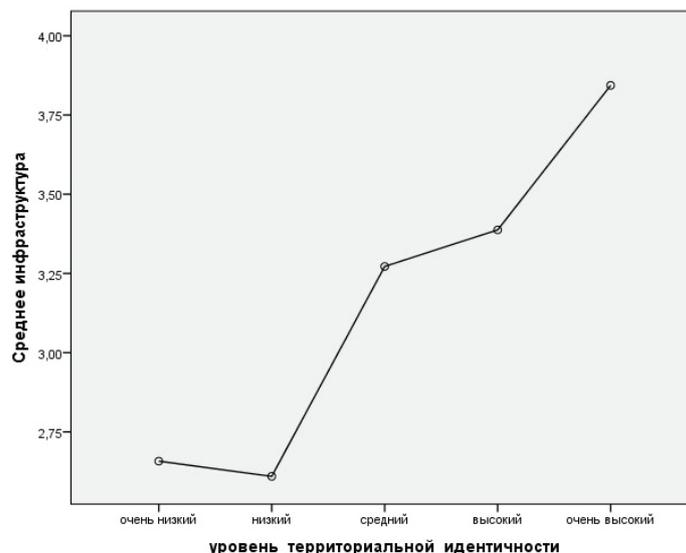

Рис. 4. Среднее значение оценки городской инфраструктуры у разных групп по уровню территориальной идентичности

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены городской инфраструктурой (транспорт, дороги и т. д.)?», в зависимости от уровня территориальной идентичности, % от всего населения

Вариант ответа	Очень низкий	Низкий	Средний	Высокий	Очень высокий	Общий
Полностью удовлетворен	4	2	5	9	24	9
Скорее удовлетворен	33	33	58	57	55	50
Скорее не удовлетворен	37	43	23	22	16	26
Не удовлетворен	19	17	9	8	1	10
Затрудняюсь ответить	7	5	6	4	5	5

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены возможностями культурного досуга в городе?», в зависимости от уровня территориальной идентичности среди, % от всего населения

Вариант ответа	Очень низкий	Низкий	Средний	Высокий	Очень высокий	Общий
Полностью удовлетворен	6	2	8	8	22	9
Скорее удовлетворен	26	34	48	54	49	45
Скорее не удовлетворен	41	46	25	22	15	28
Не удовлетворен	20	11	11	5	3	9
Затрудняюсь ответить	7	6	8	11	12	9

Приведем таблицу сопряженности удовлетворенности городской инфраструктурой в зависимости от уровня территориальной идентичности населения. Только 37% респондентов с очень низким уровнем территориальной идентичности удовлетворены городской инфраструктурой, тогда как среди населения с высокими оценками по вопросам территориальной идентичности таких 79% (табл. 3).

Дифференциация оценок культурного досуга выглядит следующим образом: в группе респондентов с низким уровнем территориальной идентичности 32% дали удовлетворительные ответы. В группе с очень высоким уровнем территориальной идентичности 71% удовлетворительных ответов (табл. 4).

Менее чувствительным на фоне предыдущих двух выглядит индекс возможностей

трудоустройства. Так, в группе с низким уровнем территориальной идентичности индекс удовлетворенности возможностью трудоустройства составил 2,75 (40% удовлетворены), тогда как среди группы с очень высоким уровнем территориальной идентичности 3,72 (64%).

Так как самой миграционно настроенной частью населения являются учащиеся выпускных классов, мы решили в их ответах более детально остановиться на маркерах территориальной идентичности. Ответы при оценке города по всем параметрам статистически значимо отличаются у школьников, по-разному оценивших, насколько они довольны проживанием в городе (табл. 5). Тем не менее по некоторым параметрам эти различия более явные. Самая высокая оценка дана Череповцу, как месту, где можно интересно провести досуг (F-статистика 45,6), затем как месту для получения хорошего образования (39,2) и для реализации себя в творчестве (32,96).

Так как разброс оценок значимый (высокие оценки по индикатору «доволен» и «по-

зитивно отзываюсь» и очень низкие «рекомендую» и «собираюсь работать в городе»), мы решили рассмотреть оценки по каждому из индикаторов. Ответы на вопрос «Вы довольны тем, что живете в Череповце?» при оценке города по всем параметрам статистически значимо отличаются у школьников, по-разному оценивших, насколько они довольны проживанием в городе. Так же как и в распределении по общему параметру территориальной идентичности, судя по уровню F-статистики, наиболее дифференцированы параметры оценки города как места, где можно интересно провести досуг (42,13), затем – для получения высшего образования (26,7) и для реализации себя в творчестве (25,3) (табл. 6). Тем не менее разница в разбросе оценок фактора получения образования не настолько значима.

В группе школьников, которые очень довольны, что живут в Череповце, средний индекс оценки города как места, где можно интересно провести досуг, составил 4 балла; среди них 81% согласились с тем, что в городе «можно интересно и насыщенно провести

Таблица 5. Результаты дисперсионного анализа оценки сфер городской жизни у школьников с разным уровнем территориальной идентичности

		Сумма квадратов	Ст. св.	Средний квадрат	F	Знач.
Для построения карьеры	Между группами	181,853	4	45,463	26,990	,000
	Внутри групп	1081,411	642	1,684		
	Всего	1263,264	646			
Для получения хорошего образования	Между группами	220,307	4	55,077	39,202	,000
	Внутри групп	901,968	642	1,405		
	Всего	1122,275	646			
Для реализации себя в творчестве	Между группами	216,654	4	54,163	32,960	,000
	Внутри групп	1055,019	642	1,643		
	Всего	1271,672	646			
Для построения общественной карьеры	Между группами	108,562	4	27,141	17,821	,000
	Внутри групп	977,750	642	1,523		
	Всего	1086,312	646			
Для сохранения здоровья	Между группами	179,160	4	44,790	26,066	,000
	Внутри групп	1103,183	642	1,718		
	Всего	1282,343	646			
Место, где можно интересно провести досуг	Между группами	280,809	4	70,202	45,625	,000
	Внутри групп	987,828	642	1,539		
	Всего	1268,637	646			

Таблица 6. Результаты дисперсионного анализа уровня удовлетворенности сферами городской жизни у школьников с разными оценками по вопросу «Вы довольны тем, что живете в Череповце?»

		Сумма квадратов	Ст. св.	Средний квадрат	F	Знач.
Для построения карьеры	Между группами	129,762	4	32,440	18,374	,000
	Внутри групп	1133,502	642	1,766		
	Всего	1263,264	646			
Для получения хорошего образования	Между группами	160,224	4	40,056	26,730	,000
	Внутри групп	962,051	642	1,499		
	Всего	1122,275	646			
Для реализации себя в творчестве	Между группами	173,252	4	43,313	25,315	,000
	Внутри групп	1098,420	642	1,711		
	Всего	1271,672	646			
Для построения общественной карьеры	Между группами	73,451	4	18,363	11,639	,000
	Внутри групп	1012,861	642	1,578		
	Всего	1086,312	646			
Для сохранения здоровья	Между группами	119,432	4	29,858	16,483	,000
	Внутри групп	1162,911	642	1,811		
	Всего	1282,343	646			
Место, где можно интересно провести досуг	Между группами	263,751	4	65,938	42,126	,000
	Внутри групп	1004,886	642	1,565		
	Всего	1268,637	646			

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы Череповец местом, где можно интересно и насыщенно провести досуг?» в зависимости от ответа на вопрос «Вы довольны тем, что живете в Череповце?» среди школьников, %

	Я очень доволен, что живу в г. Череповце	Скорее доволен, чем нет	Скорее недоволен	Я очень недоволен, что живу в Череповце	Затрудняюсь ответить	Общий
Да	40	13	4	10	7	14
Скорее да	41	34	15	2	20	28
Скорее нет	10	37	40	25	34	32
Нет	7	11	37	61	25	20
Затрудняюсь ответить	2	6	4	2	14	5

досуг» (табл. 7). В то же время среди тех, кто очень недоволен, что живет в Череповце, индекс составил 1,7, и только 12% считают, что в нем можно хорошо провести досуг. Отметим, что разброс данных у школьников существенно ярче, нежели у всего населения города Череповца.

При использовании дисперсионного анализа, когда фактором являются ответы на вопрос «Порекомендовали бы Вы своим

знакомым из другого города переехать жить в Череповец?», при статистически значимых отклонениях по всем переменным (табл. 8) возрастает доля межгрупповой дисперсии по параметру оценки города как места для получения хорошего образования в сравнении с предыдущим фактором территориальной идентичности. Уровень F-статистики по данному параметру – 32,17. Не менее значим фактор досуга (F-статистика 33,52).

Таблица 8. Результаты дисперсионного анализа уровня удовлетворенности сферами городской жизни у школьников с разными оценками по вопросу «Порекомендовали бы Вы своим знакомым из другого города переехать жить в Череповец?»

		Сумма квадратов	Ст. св.	Средний квадрат	F	Знач.
Для построения карьеры	Между группами	113,401	4	28,350	15,829	,000
	Внутри групп	1149,863	642	1,791		
	Всего	1263,264	646			
Для получения хорошего образования	Между группами	187,378	4	46,844	32,168	,000
	Внутри групп	934,897	642	1,456		
	Всего	1122,275	646			
Для реализации себя в творчестве	Между группами	149,815	4	37,454	21,433	,000
	Внутри групп	1121,857	642	1,747		
	Всего	1271,672	646			
Для построения общественной карьеры	Между группами	92,541	4	23,135	14,946	,000
	Внутри групп	993,771	642	1,548		
	Всего	1086,312	646			
Для сохранения здоровья	Между группами	158,367	4	39,592	22,614	,000
	Внутри групп	1123,976	642	1,751		
	Всего	1282,343	646			
Место, где можно интересно провести досуг	Между группами	219,155	4	54,789	33,516	,000
	Внутри групп	1049,481	642	1,635		
	Всего	1268,637	646			

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы Череповец хорошим местом для получения образования?» в зависимости от ответа на вопрос «Вы довольны тем, что живете в Череповце?» среди школьников, %

Вариант ответа	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить	Общий
Да	49	12	5	3	4	9
Скорее да	29	46	30	18	38	30
Скорее нет	18	26	43	30	20	33
Нет	4	10	16	43	6	21
Затрудняюсь ответить	0	7	5	7	32	8

Следовательно, мы можем сделать вывод, что просто эмоциональная оценка города у школьников больше строится на параметре оценки инфраструктурных моментов проведения досуга, тогда как при поведенческом аспекте рекомендации города возрастает значимость оценки получения образования.

78% из тех, кто стал бы рекомендовать город для проживания своим знакомым, согласились, что город является хорошим местом для получения образования (средний

индекс 4 балла); среди тех, кто не стал бы рекомендовать, таких только 21% (индекс 2 балла; табл. 9).

Статистически значимо отличается оценка всех параметров города и по ответу на вопрос «Собираетесь ли Вы остаться работать в городе?». Также наиболее явно закономерность выделяется по оценкам города как места «получения хорошего образования» (F-статистика 31,93) и места, «где можно интересно провести досуг» (F-статистика 24,67),

хорошего места «для построения карьеры» (F-статистика 22,66; табл. 10).

Закономерности взаимосвязи индикаторов территориальной идентичности и оценки элементов городской среды можно представить в виде матрицы коэффициентов корреляции

между индексами каждого из параметров. Коэффициенты корреляции, полученные при анализе, показывают наличие значимой для результатов социологических исследований связи (табл. 11). Подтверждается наиболее тесная связь индикаторов террито-

Таблица 10. Результаты дисперсионного анализа уровня удовлетворенности сферами городской жизни у школьников с разными оценками по вопросу «Собираетесь ли Вы остаться работать в городе?»

		Сумма квадратов	Ст. св.	Средний квадрат	F	Знач.
Для построения карьеры	Между группами	156,297	4	39,074	22,662	,000
	Внутри групп	1106,967	642	1,724		
	Всего	1263,264	646			
Для получения хорошего образования	Между группами	186,201	4	46,550	31,926	,000
	Внутри групп	936,074	642	1,458		
	Всего	1122,275	646			
Для реализации себя в творчестве	Между группами	84,945	4	21,236	11,488	,000
	Внутри групп	1186,727	642	1,848		
	Всего	1271,672	646			
Для построения общественной карьеры	Между группами	53,832	4	13,458	8,368	,000
	Внутри групп	1032,481	642	1,608		
	Всего	1086,312	646			
Для сохранения здоровья	Между группами	143,820	4	35,955	20,275	,000
	Внутри групп	1138,523	642	1,773		
	Всего	1282,343	646			
Место, где можно интересно провести досуг	Между группами	169,038	4	42,260	24,673	,000
	Внутри групп	1099,599	642	1,713		
	Всего	1268,637	646			

Таблица 11. Результаты корреляционного анализа взаимосвязи вопросов по индикаторам территориальной идентичности и оценок городской среды среди школьников

Вариант ответа	Довольны	Позитивно отзываются	Рекомендуют знакомым	Собираются работать в городе
Где можно интересно провести досуг	0,44	0,41	0,4	0,35
Для получения хорошего образования	0,37	0,3	0,4	0,4
Для реализации себя в творчестве	0,36	0,36	0,34	0,25
Для сохранения здоровья	0,27	0,31	0,35	0,33
Для построения карьеры	0,29	0,27	0,29	0,34
Для построения общественной карьеры	0,25	0,24	0,26	0,22

Рис. 5. Распределение ответов на открытый вопрос «Некоторые люди уезжают из Череповца, потому что ...» по блокам, % от общего количества реплик

риальной идентичности с оценкой города как места, где можно интересно провести досуг (0,44–0,35), и слабее – для построения карьеры (0,29–0,34). При этом оценка города как места для реализации трудовой стратегии по сравнению с остальными параметрами более тесно связана с оценкой города как места для построения карьеры.

Рассмотрим, как школьники оценивают причины своей миграционной активности и своих ровесников. Для этого им был задан открытый вопрос «Некоторые люди уезжают из Череповца, потому что...». Основным фактором, с точки зрения учащихся, – «нет перспектив, возможностей для развития» (29%): «здесь сложно себя реализовать», «мало возможностей для развития карьеры», «здесь мало перспектив» (рис. 5). На втором месте находится кластер «плохая экология» (21%): «чтобы не дышать грязным воздухом», «экология». И только на третьем месте – «для получения образования» (10%): «не могут получить хорошее образование», «нет институтов с качественным образованием», «нет множества специальностей». Обращаем внимание, что только 2% ответили «мало мест для досуга». Получается, что «уезжают от...» неблагоприятной экологической ситуации,

«уезжают для...» самореализации и перспектив.

Заметен разрыв оценок территориальной идентичности и декларируемых причин отъезда. Уровень территориальной идентичности больше всего завязан на инфраструктурных элементах, удовлетворенности возможностью для культуры и досуга, на втором месте – уровень образования, тогда как при ответе на открытый вопрос первым наиболее значимым фактором стал далеко не культурный аспект (он собрал всего 2% реплик), а устойчивое убеждение, что здесь «нет возможности для самореализации».

Выводы

Теоретическая значимость работы заключается в концептуализации категории территориальной идентичности, определении взаимосвязи со смежными категориями социальной и гражданской идентичности, выявлении основных компонентов территориальной идентичности и составлении практических индикаторов их измерения. Для выявления уровня территориальной идентичности изучались ее эмоциональный и поведенческий компоненты. Они измерялись через удовлетворенность проживанием

в городе, отзывы о нем, желание рекомендовать город своим знакомым для проживания, установку к преобразованию городской среды, миграционные настроения. Было установлено, что при достаточно позитивном отношении к городу у череповчан очень высок уровень миграционных установок, только 39% взрослого населения хотят, чтобы их дети остались жить в городе, среди школьников только 23% хотят остаться работать в городе после получения образования. Такая ситуация является типичной для большинства малых и средних городов России.

У взрослого населения достаточно высок уровень удовлетворенности параметрами городской среды, больше половины удовлетворены городской инфраструктурой, возможностью культурного досуга и трудоустройства, доступностью информации о городе, городских проблемах, мероприятиях. Менее половины населения удовлетворены системой образования и системой здравоохранения. Существенно ниже оценки города среди школьников: только 42% считают его хорошим местом, где можно интересно и насыщенно провести досуг, найти работу и построить карьеру; 39% – для получения хорошего образования; 24% – для сохранения здорового образа жизни.

Новизна исследования состоит в применении авторской методики измерения уровня территориальной идентичности, а также использовании дисперсионного анализа для выявления ее факторов. Дисперсионный анализ был реализован по общему интегрированному показателю, а для школьников – и в разрезе влияния основных практических индикаторов ее измерения, таких как эмоциональная привязанность к городу, установка на реализацию своих трудовых стратегий в городе в будущем. В соответствии

с дисперсионным анализом наиболее значимыми факторами формирования территориальной идентичности населения являются удовлетворенность городской инфраструктурой и удовлетворенность возможностями проведения культурного досуга, на третьем месте – уровень здравоохранения. Для школьников наиболее значима возможность проведения досуга и получения хорошего образования. Был выявлен разрыв факторов формирования уровня территориальной идентичности и декларируемых при ответе на открытый вопрос причин отъезда из города. Наиболее часто на вопрос, почему молодежь уезжает из города, звучал ответ «нет возможностей для самореализации и развития». Можно выдвинуть гипотезу о том, что это сформированный референтными группами (родители, учителя) стереотип. Следовательно, работать нужно не только с реальными факторами и маркерами идентичности, но и с установившимися стереотипами.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для приоритетных направлений формирования территориальной идентичности, разработки молодежной политики для удержания молодежи в регионе. Причем работа должна проводиться не только с самой молодежью, но и с референтными группами, которые формируют у нее отношение к городу. Результаты исследования доведены до городских властей и активно используются мэрией г. Череповца, они уже были представлены учителям городских школ, которые занимаются профориентационной работой со школьниками, а также родителям детей, которые стали победителями муниципального этапа Всероссийской олимпиады.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Полякова В.В. (2020). Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 443–462. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597>
- Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. (2021). От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 362–385. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>
- Богатова О.А., Долгаева Е.И. (2022). Город в теории и на практике: факторы формирования социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации // Регионоведение. Т. 30. № 2. С. 447–469. DOI: [10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469](https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469)
- Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. (2013). Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах города // Журнал социологии и социальной антропологии. № 16 (3). С. 101–111.
- Вершинина И.А. (2018). Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского ун-та. Сер. 18: Социология и политология. Т. 24. № 2. С. 48–60. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60>
- Воробьев В.П., Ивченков С.Г., Еремина Е.В., Ретинская В.Н., Мурзина И.А. (2022). Формирование социальной идентичности молодежи региона: потенциал эстетической информации // Регионоведение. Т. 30. № 2. С. 470–491. DOI: [10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491](https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491)
- Евстифеев Р.В. (2020). Конструирование городских идентичностей: цели, механизмы, акторы // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. № 4 (26). С. 75–89. DOI: <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-4-75-89>
- Еремина Е.В. (2012). Социальная идентичность: проблемы региональной идентификации // Регионоведение. № 2. С. 149–155.
- Иванов П.В. (2016). Городские жители и производство пространства (на примере российских городов) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 8. № 11. С. 5–15. URL: <https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter/article/view/4448> (дата обращения 25.07.2021).
- Казакова А.Ю. (2017). Субъективное качество жилищных условий и территориальная идентичность горожан (на материале опроса жителей МО «г. Калуга») // Социологический журнал. Т. 23. № 1. С. 62–87. DOI: [10.19181/socjour.2017.23.1.5002](https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5002)
- Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. (2019). Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского ун-та. Сер. 5: География. № 6. С. 82–89.
- Костко Н.А. (2022). Показатели городской идентичности как элемента социального пространства города // Журнал социологии и социальной антропологии. № 25 (1). С. 190–216. URL: <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.7>
- Кочухова Е.С., Мартыанов В.С. (2019). Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. Т. 19 (2). С. 45–66.
- Оплетина И.А., Белоусова Н.А. (2021). Выраженность компонентов гражданской идентичности у жителей разных регионов России // Общество: социология, психология, педагогика. № 6. С. 89–93. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2021.6.14>
- Скалабан И.А., Серебрянникова О.А. (2014). Территориальная идентичность как фактор социального участия: поколенный контекст // Идеи и идеалы. № 1 (19). С. 65–74.
- Терентьев Е.А. (2015). Топонимический активизм и «право на город»: социологические заметки // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. № 1. С. 194–202. URL: <http://doi.org/10.17223/1998863X/29/21>

- Тумакова К.С. (2010). Региональная идентичность и брендинг как социальноуправленческий ресурс // *Власть*. № 3. С. 70–73.
- Чурсина Ю.А. (2014). «Уехать от» vs «Уехать для». Качество городской среды как фактор миграционных установок населения // *Социология власти*. № 2. С. 142–164.
- Шабает Ю.П., Садохин А.П., Лабунова О.В., Сазонова Н.Н. (2018). Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 3. С. 248–267. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Груздева М.А. (2020). Сельская и городская молодежь: социокультурные разрывы сохраняются? // *Народонаселение*. Т. 25. № 2. С. 39–51. DOI: [10.19181/population.2022.25.2.4](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.4)
- Banini T. (2021). Towards a methodology for constructing local territorial identities. *Territorial Identities in Action*. Presa Universitara Clujeana, 13–39.
- Basile G., Cavallo A. (2020). Rural identity, authenticity, and sustainability in Italian Inner Areas. *Sustainability*, 12, 1–22. DOI: [10.3390/su12031272](https://doi.org/10.3390/su12031272)
- Bianchetti C., Cerruti M. (2016). Territory matters. Production and space in Europe. *City Territory and Architecture*, 3 (26), 1–6. DOI: [10.1186/s40410-016-0055-8](https://doi.org/10.1186/s40410-016-0055-8)
- Camagni R. (2019). Territorial capital and regional development: Theoretical insights and appropriate policies. *Handbook of Regional Growth and Development Theories – Revised and Extended Second Edition*. Cheltenham: Edward Elgar, 124–148.
- Capello R. (2019). Interpreting and understanding territorial identity. *Regional Science Policy and Practice*, 11 (1), 141–158.
- Joss S., De Jong M., Chen Y. [et al.] (2018). Explaining city branding practices in China’s three mega-city regions: The role of ecological modernization. *Journal of Cleaner Production*, 179, 527–543. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.01.098>
- Kuus M. (2007). Ubiquitous identities and elusive subjects: Puzzles from Central Europe. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 32 (1), 90–101.
- Le Dantec C., DiSalvo C. (2018). Infrastructuring and the formation of publics in participatory design. *Social Studies of Science*, 43 (2), 241–264. DOI: [10.1177/0306312712471581](https://doi.org/10.1177/0306312712471581)
- Madsen K.D., van Naerssen T. (2003). Migration, identity, and belonging. *Journal of Borderlands Studies*, 18 (1), 61–75. Available at: <https://doi.org/10.1080/08865655.2003.9695602>
- Markuszevska I. (2019). Sentimentality versus transformation of the historical traditional rural landscape (A case study: The landscape of dutch law settlement in Poland). *Quaestiones Geographicae*, 38 (1), 53–70. DOI: [10.2478/quageo-2019-0001](https://doi.org/10.2478/quageo-2019-0001)
- Panzer E., Camagni R., Capello R., Cerisola S. (2020). The cultural heritage – territorial capital nexus: Theory and empirics. *Supplementi*, 11, 33–59.
- Peng J., Strijker D., Wu Q. (2020). Place identity: How far have we come in exploring its meanings? *Frontiers in Psychology*, 11, 294. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00294>
- Prokkola E., Zimmerbauer K., Jakola F. (2015). Performance of regional identity in the implementation of European cross-border initiatives. *European Urban and Regional Studies*, 22, 104–117.
- Tajfel H. (1978). The achievement of group differentiation. Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. In: Tajfel H. *Published in Cooperation with European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press*. London, New York, San Francisco.
- Van Lanen S. (2017). Living austerity urbanism: Space-time expansion and deepening socio-spatial inequalities for disadvantaged urban youth in Ireland. *Urban Geography*, 38 (10), 1603–1613.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Николаевна Воробьева – кандидат социологических наук, доцент, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, Советский пр-т, д. 8; e-mail: vorobyova-i-n@yandex.ru)

Vorobeva I.N.

FACTORS IN THE FORMATION OF THE POPULATION'S TERRITORIAL IDENTITY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The territorial identity of the population is an intangible asset for the development of the city, because it acts as a factor in the retention of residents in their native region and as a resource of social activity in the practices of urban space transformation. The purpose is to identify the most significant factors of the urban environment that affect the level of the population's territorial identity. Territorial identity is considered through indicators of emotional attitudes to the city, migration intentions, attitudes and practices of social participation in the urban space development. The novelty of the work lies in the application of the author's method of measuring the level of territorial identity, and the analysis of variance to determine the factors of its formation. A significant aspect is a comparative analysis of the school students' and adults' answers. The empirical basis of the study was formed by the results of a survey of the population of Cherepovets over 18 years old and a survey of students of 9–11 grades of Cherepovets schools. It was found that 67% of students in 9–11 grades and 71% of the population speak positively about their hometown. However, only 23% of students intend to work there after graduation, and the percentage of the total population who want their children and grandchildren to stay in the city is 39%. The analysis of variance of the relationship between the level of territorial identity and assessments of urban environment parameters showed that satisfaction with urban infrastructure, cultural recreation and health care system has the most significant impact on the level of territorial identity of the adult population; on the level of territorial identity of school students – assessment of the city as a place for cultural recreation and education. We found a gap between the reasons for migration attitudes declared by students and the parameters revealed in the analysis. In open-ended questions, students most often gave the reason for leaving as “no prospects, no opportunities for self-realization”. This fact allows us to build a hypothesis of stereotypical formation of attitudes towards the city among students by reference groups, such as teachers and parents.

Territorial identity of the population, school students, informal social participation, factors of city development.

REFERENCES

- Antonova N.L., Abramova S.B., Polyakova V.V. (2020). The right to the city: Daily practices of youth and participation in the production of urban space. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 443–462. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597> (in Russian).
- Banini T. (2021). Towards a methodology for constructing local territorial identities. *Territorial Identities in Action*. Presa Universitara Clujeana, 13–39.
- Basile G., Cavallo A. (2020). Rural identity, authenticity, and sustainability in Italian Inner Areas. *Sustainability*, 12, 1–22. DOI: 10.3390/su12031272

- Belousov A.B., Davydov D.A. (2021). From the right to the city to the right to space. Dynamics of municipal conflicts on the example of the Sverdlovsk region. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6, 362–385. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052> (in Russian).
- Bianchetti C., Cerruti M. (2016). Territory matters. Production and space in Europe. *City Territory and Architecture*, 3(26), 1–6. DOI: 10.1186/s40410-016-0055-8
- Bogatova O.A., Dolgaeva E.I. (2022). The city in theory and in practice: factors of social identity formation of the capital of republic within the Russian Federation. *Regionologiya=Regionology*, 30(2), 447–469. DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469 (in Russian).
- Camagni R. (2019). Territorial capital and regional development: Theoretical insights and appropriate policies. *Handbook of Regional Growth and Development Theories – Revised and Extended Second Edition*. Cheltenham: Edward Elgar, 124–148.
- Capello R. (2019). Interpreting and understanding territorial identity. *Regional Science Policy and Practice*, 11(1), 141–158.
- Chursina Yu.A. (2014). “Leave from” vs “Leave for”. The quality of the urban environment as a factor of the population’s migration attitudes. *Sotsiologiya vlasti=Sociology of Power*, 2, 142–164 (in Russian).
- Eremina E.V. (2012). Social identity: Problems of regional identification. *Regionologiya=Regionology*, 2, 149–155 (in Russian).
- Evstifeev R.V. (2020). Designing city identities: Goals, mechanisms, actors. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noi semiotiki=ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*, 4(26), 75–89. DOI: <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-4-75-89> (in Russian).
- Ivanov P.V. (2016). Urban dwellers and production of urban space (on the example of Russian cities). *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya=Interaction. Interview. Interpretation*, 8(11), 5–15. Available at: <https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter/article/view/4448> (дата обращения 25.07.2021, in Russian).
- Joss S., De Jong M., Chen Y. et al. (2018). Explaining city branding practices in China’s three megacity regions: The role of ecological modernization. *Journal of Cleaner Production*, 179, 527–543. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.01.098>
- Karachurina L.B., Florinskaya Yu.F. (2019). Migration intentions of school graduates in small and midsize towns of Russia. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser.5. Geografiya=Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, 6, 82–89. (in Russian).
- Kazakova A.Yu. (2017). Subjective housing quality and citizens’ territorial identity (based on a survey of residents of the city of Kaluga). *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*, 23(1), 62–87. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5002 (in Russian).
- Kochukhova E.S., Martyanov V.S. (2019). Creative city or right toward the city: alternative of urban development in Russian context. *Antinomii=Antinomies*, 19(2), 45–66 (in Russian).
- Kostko N.A. (2022). Indicators of urban identity as an element of the city’s social space. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii=The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 25(1), 190–216. Available at: <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.7> (in Russian).
- Kuus M. (2007). Ubiquitous identities and elusive subjects: Puzzles from Central Europe. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 32(1), 90–101.
- Le Dantec C., DiSalvo C. (2018). Infrastructuring and the formation of publics in participatory design. *Social Studies of Science*, 43(2), 241–264. DOI: 10.1177/0306312712471581
- Madsen K.D., van Naerssen T. (2003). Migration, identity, and belonging. *Journal of Borderlands Studies*, 18(1), 61–75. Available at: <https://doi.org/10.1080/08865655.2003.9695602>
- Markuszevska I. (2019). Sentimentality versus transformation of the historical traditional rural landscape (A case study: The landscape of dutch law settlement in Poland). *Quaestiones Geographicae*, 38(1), 53–70. DOI: 10.2478/quageo-2019-0001

- Opletina I.A., Belousova N.A. (2021). Evidence of civil identity components among inhabitants of different regions of Russia. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika=Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 6, 89–93. Available at: <https://doi.org/10.24158/spp.2021.6.14> (in Russian).
- Panzer E., Camagni R., Capello R., Cerisola S. (2020). The cultural heritage – territorial capital nexus: Theory and empirics. *Supplementi*, 11, 33–59.
- Peng J., Strijker D., Wu Q. (2020). Place identity: How far have we come in exploring its meanings? *Frontiers in Psychology*, 11, 294. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00294>
- Prokkola E., Zimmerbauer K., Jakola F. (2015). Performance of regional identity in the implementation of European cross-border initiatives. *European Urban and Regional Studies*, 22, 104–117.
- Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P., Labunova O.V., Sazonova N.N. (2018). Anthropological understanding of the city and the methodology of urban studies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 248–267. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13> (in Russian).
- Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. (2020). Rural and urban youth: Do the socio-cultural gaps remain? *Narodonaselenie=Population*, 25(2), 39–51. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.4 (in Russian).
- Skalaban I.A., Serebryannikova O.A. (2014). Territorial identity as factor of social participation: Generation context. *Idei i idealy=Ideas and Ideals*, 1(19), 65–74 (in Russian).
- Tajfel H. (1978). The achievement of group differentiation. Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. In: Tajfel H. *Published in Cooperation with European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press*. London, New York, San Francisco.
- Terentev E.A. (2015). Toponymic practices and the “right to the city”: Sociological notes. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya=Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 1, 194–202. Available at: <http://doi.org/10.17223/1998863X/29/21> (in Russian).
- Tumakova K.S. (2010). Regional identity and branding as a socio-managerial resource. *Vlast'=Power*, 3, 70–73 (in Russian).
- Van Lanen S. (2017). Living austerity urbanism: Space-time expansion and deepening socio-spatial inequalities for disadvantaged urban youth in Ireland. *Urban Geography*, 38(10), 1603–1613.
- Vandyshev M.N., Veselkova N.V., Pryamikova E.V. (2013). Les lieux de mémoire and symbolic capital of territories in mental maps of town-dwellers. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii=The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 16(3), 101–111 (in Russian).
- Vershinina I.A. (2018). Anri Lefebvre: from “the right to the city” to the “urbanist revolution”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya=Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 24(2), 48–60. Available at: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60> (in Russian).
- Vorobev V.P., Ivchenkov S.G., Eremina E.V., Retinskaya V.N., Murzina I.A. (2022). Formation of the social identity of the youth of the region: The potential of aesthetic information. *Regionologiya=Regionology*, 30(2), 470–491. DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina N. Vorobeva – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Cherepovets State University (8, Sovetskii Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: vorobyova-i-n@yandex.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8

УДК 314.728 | ББК 60.7

© Хотеева Е.А., Степусь И.С.

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ В СТАТИСТИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ И ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАМИ

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ХОТЕЕВА

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: ehoteeva@petsu.ru

ORCID: [0000-0003-4153-1142](https://orcid.org/0000-0003-4153-1142); ResearcherID: [HMV-0443-2023](https://orcid.org/HMV-0443-2023)

ИРИНА СЕРГЕЕВНА СТЕПУСЬ

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: stepus@petsu.ru

ORCID: [0000-0001-5070-0273](https://orcid.org/0000-0001-5070-0273); ResearcherID: [H-1098-2016](https://orcid.org/H-1098-2016)

Актуальность статьи обосновывается тем, что в Арктической зоне РФ в течение длительного периода наблюдается динамичный процесс убыли населения, усилившийся на фоне пандемии. Весомый вклад в него вносит отток населения. Отрицательный миграционный прирост является угрозой для социально-экономического развития геополитически и экономически важной Арктической зоны РФ. Основная идея статьи заключается в том, что миграционная ситуация на арктических территориях имеет специфику с точки зрения направления потоков, возрастного и гендерного аспектов, значимых при определении способов притяжения населения в регион. Цель исследования состоит в выявлении особенностей миграционной ситуации в Арктической зоне РФ с точки зрения объемов и динамики международной и межрегиональной миграции и анализе их учета в приоритетах развития арктических регионов. Научная новизна связана с комплексным анализом миграционной ситуации в Арктической зоне в целом и по арктическим территориям отдельных субъектов РФ и определением согласованности специфики миграционной ситуации с приоритетами миграционной политики, закрепленными в нормативных

Для цитирования: Хотеева Е.А., Степусь И.С. (2023). Миграция населения в Российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 110–128. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8

For citation: Khoteeva E.A., Stepus I.S. (2023). Population migration in the Russian Arctic in statistical estimates and regional management practice. *Problems of Territory's Development*, 27 (2), 110–128. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8

документах федерального уровня, а также в документах социально-экономического развития девяти субъектов РФ. При работе использованы общенаучные методы сравнения, синтеза и анализа информации, обработки и анализа статистических данных, графические методы представления и визуализации данных. В процессе исследования выявлено, что специфика миграции заключается в высоком потенциале возврата населения в арктические регионы после получения профессионального образования, особенно мужчин в молодых возрастах. Существует сильная дифференциация миграционной политики по арктическим субъектам России: регионы с положительными демографическими тенденциями имеют наиболее проработанные и детализированные стратегии в части утверждения конкретных мер, призванных не только сохранить местное население, но и привлечь новых жителей на свои территории.

Миграция населения, Арктическая зона РФ, развитие регионов.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-78-10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы».

Введение

Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ (АЗ РФ) находится в фокусе внимания по ряду объективных причин: на ее территории сосредоточены огромные природные ресурсы и перспективная для развития транспортная логистика. Однако арктическая зона характеризуется непрерывным процессом убыли населения. С 2011 по 2021 год его численность снизилась с 2,615 до 2,473 тыс. чел. (на 5,6%¹).

Сокращение численности населения является одной из угроз национальной безопасности в Арктике². Отметим, что численность женщин с 2011 по 2021 год снизилась на 5,4%, мужского – чуть меньше (на 3,9%). За этот же период на арктических территориях удельный вес населения в трудоспособном возрасте сократился на 12,6%, соответственно, доля населения старше трудоспособного возраста выросла на 7,3%. Кроме того, дополнительное влияние на процесс депопуляции арктических территорий оказала пандемия COVID-19, следствием которой стало резкое превышение в 2020 и 2021 гг. численности умерших над численностью

родившихся: отношение умерших к родившимся составило 1,14 и 1,39 по годам соответственно (рис. 1).

Вследствие старения населения и сокращения численности населения в трудоспособном возрасте динамика рождаемости идет на спад. Пандемия приблизила демографическую тенденцию «русского креста» (ежегодное превышение численности умерших над численностью родившихся) применительно к Арктической зоне РФ. Международная статистика численности населения показывает, что, несмотря на схожие климатические условия, в зарубежной Арктике, как в Североамериканской, так и Западноевропейской ее части, количество жителей умеренно возрастает³ (Heleniak et al., 2020). Так, например, население арктических территорий Исландии с 2000 по 2019 год увеличилось с 279 до 357 тыс. чел., Канады – с 93 до 124 тыс. чел. (Smirnov, 2020).

Время покажет, каковы будут демографические тенденции на арктических территориях после окончательного отступления пандемии и ее последствий, но уже сейчас можно говорить о том, что преодоление де-

¹ Численность населения учтена в границах Арктической зоны РФ, закрепленных ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ.

² Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года: Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164.

³ Larsen J.N. [et al.] (2014). Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages. Copenhagen: Nordic Council of Ministers.

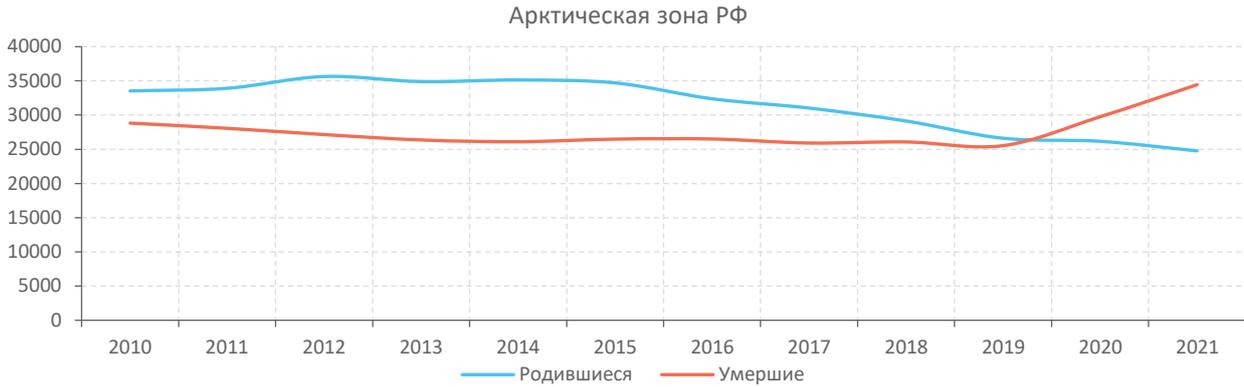

Рис. 1. Динамика численности родившихся и умерших с 2010 по 2021 год, чел.

Источник: База данных показателей муниципальных образований.

URL: <https://roostat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения 20.12.2022).

популяции в субъектах АЗ РФ за счет естественного воспроизводства представляется маловероятным. Основными источниками человеческих ресурсов являются местное население, не планирующее покинуть Российскую Арктику, а также мигранты. В связи с этим необходимо исследовать специфику, объем и динамику миграции в законодательно утвержденных границах Арктической зоны РФ (т. е. миграции на уровне муниципальных районов субъектов РФ, которые частично входят в АЗ РФ).

Центральное ядро социально-экономических исследований Арктики составляют работы, основанные на теоретическом осмыслении сущности миграции и анализе статистики, данных переписи населения о его численности и перемещениях; динамике, типологии и структуре миграции (Fauzer, Smirnov, 2020). Немаловажен и исторический дискурс освоения арктических территорий, а также сравнение с параметрами демографических процессов в зарубежной Арктике, что показывает, как изменялись управленческие подходы к освоению северных и труднодоступных территорий, как эти подходы влияли на размещение населения. Разработка эконометрических моделей и применение методов статистического анализа, раскрывающих взаимное влияние миграции и различных экономических и социальных факторов, объясняют потенциал миграции как с позиции институтов регионального развития, так и со стороны отдельных социальных групп (Шеломенцев и др.,

2018; Chanysheva et al., 2021). Основываясь на аппарате математической статистики, исследователи выявляют воздействие миграции на устойчивое развитие региона, развитие рынка труда, его социально-демографическую структуру. Анализ и оценка состояния рынка труда, прогнозирование его показателей и изменения конъюнктуры за счет вклада миграций, движения трудовых ресурсов, обеспечения кадровой потребности в контексте социально-экономического развития регионов (Коровкин и др., 2020) также имеют прикладное значение в сфере государственного управления (Терентьев и др., 2019).

Для изучения миграционных настроений в различных социальных группах широко используется методологическая база современной социологической науки (Шарова, Бурцева, 2020; Потравная, 2022), позволяющая в практическом и прикладном ключе определить способы повышения эффективности миграционной политики. Исследователи рассматривают мотивацию людей на переезд из Арктической зоны РФ преимущественно в количественной парадигме социологии. С учетом нелинейности и сложности взаимосвязи численных параметров экономического развития и показателей миграции предпринимаются попытки объяснить миграционные процессы с помощью качественной методологии (Замятина, Лярская, 2022).

Можно заключить, что исследовательская база является достаточно разнообразной в плане описания и объяснения мигра-

ции как в целом для Арктической зоны РФ, так и для отдельных регионов, включенных в ее состав. Ученые многократно подтверждают, что различные социально-экономические показатели (уровни доходов и занятости, строительство жилья и др.) и показатели миграции находятся во взаимосвязи, но взаимосвязь зачастую носит сложный нелинейный характер и для каждого субъекта РФ имеет свою силу и направление, что необходимо учитывать при принятии управленческих решений. В связи с этим возникает вопрос о согласованности показателей миграции такого сложного объекта, как макро-регион Арктической зоны РФ, и направлений регулирования миграции в АЗ РФ. В целом миграция – это один из факторов не только экономических, но и социальных преобразований; объективное социальное и экономическое неравенство территорий обуславливает выбор человека или семьи. Закономерно, что определенные территории страдают от выбытия населения, что становится риском для их экономического, социального развития (Nilsson, Larsen, 2020).

Цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей миграционной ситуации, характерных для Арктической зоны РФ, с точки зрения объемов и динамики миграции в девяти субъектах РФ. Во второй части статьи проведен анализ направлений и приоритетов миграционной политики, за-

крепленных как в региональных программах по регулированию миграции, так и в основных программных федеральных документах по развитию Российской Арктики. Также сформулированы обобщающие выводы о согласованности управленческих мер с миграционной ситуацией. Значимость работы состоит в том, что она показывает уровень конкретизации мер регулирования миграции на уровне субъектов РФ, демонстрирующей различные миграционные тренды, и неравномерность проработанности стратегий в части регулирования миграции в девяти субъектах РФ.

Численность населения в АЗ РФ: естественное воспроизводство и миграция

В 2021 году в отличие от предшествующих лет наибольший вклад в снижение численности населения внесла именно убыль по естественным причинам. Обезлюживание арктических территорий до пандемии происходило за счет миграционного оттока, который с течением времени показывает тренд на снижение (рис. 2). Можно предположить, что низкая интенсивность миграционного движения с арктических территорий в 2020 и 2021 гг. прежде всего связана с пандемией: ограничением на территориальные перемещения, ростом безработицы и снижением производительности труда.

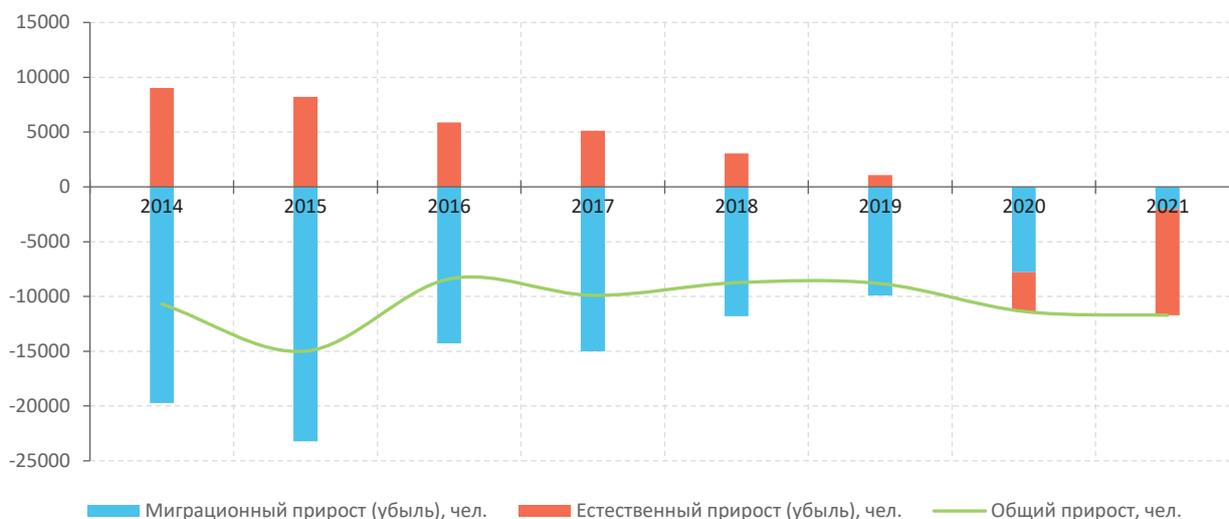

Рис. 2. Компоненты динамики численности населения Арктической зоны РФ с 2014 по 2021 год, чел.

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований.

URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения 20.12.2022).

Арктический макрорегион, включая полностью или частично территории девяти различных субъектов РФ, характеризуется различными тенденциями как социально-экономического развития, так и воспроизводства населения. На арктических территориях

Ямало-Ненецкого АО, Красноярского края, в Республике Саха (Якутия) и в Ненецком АО наблюдается положительный прирост численности населения преимущественно за счет естественного прироста, в 2020 и 2021 гг. также растет вклад миграций (рис. 3).

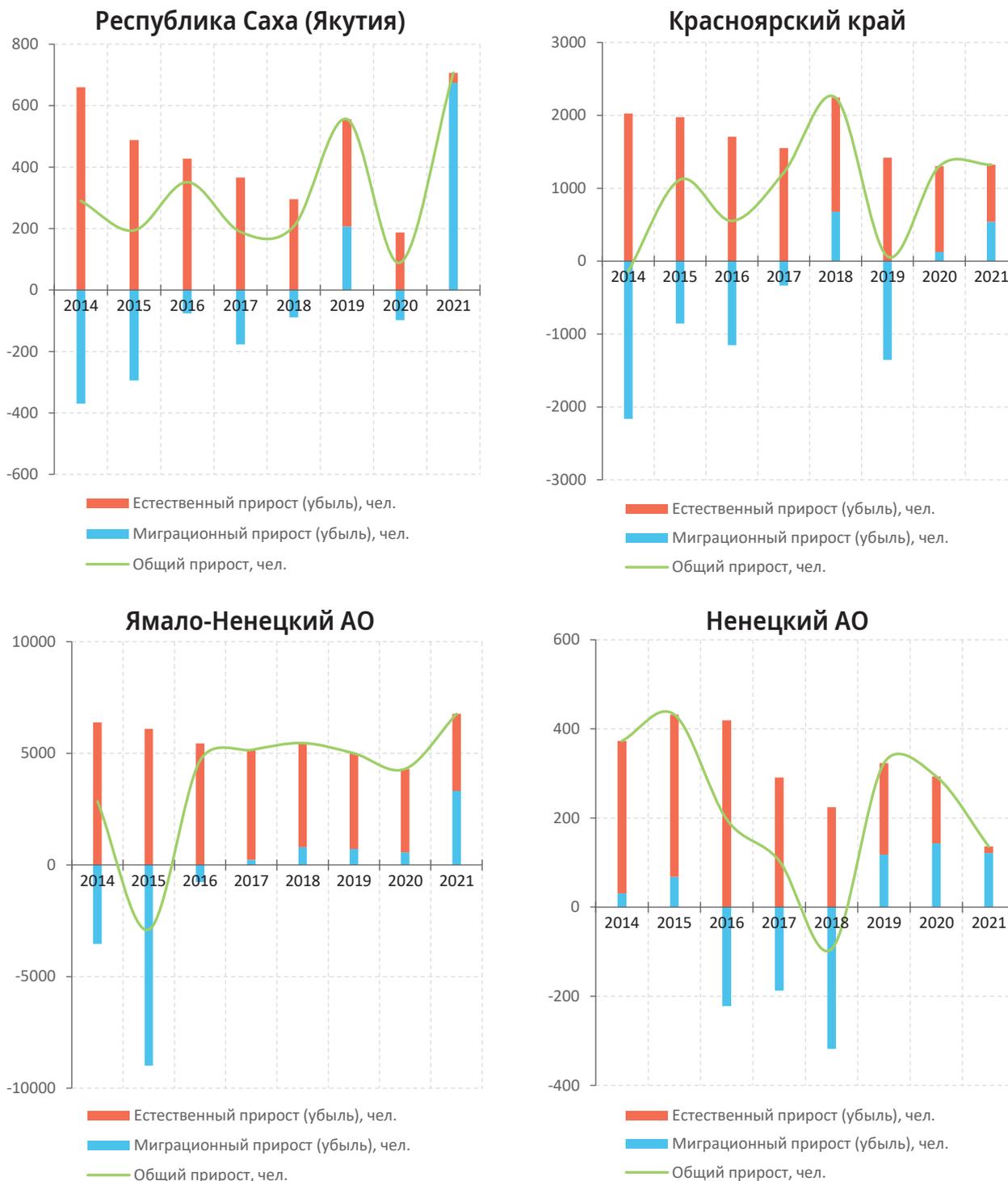

Рис. 3. Субъекты АЗ РФ с положительным приростом численности населения

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований.

URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения 20.12.2022).

Вторую группу составляют регионы с отрицательным приростом численности населения: арктические территории Республики Коми, Республики Карелии, Архангельской и

Мурманской областей (рис. 4). Наибольший вклад в убыль населения на арктических территориях миграции вносят в Республике Коми. В остальных субъектах этой группы

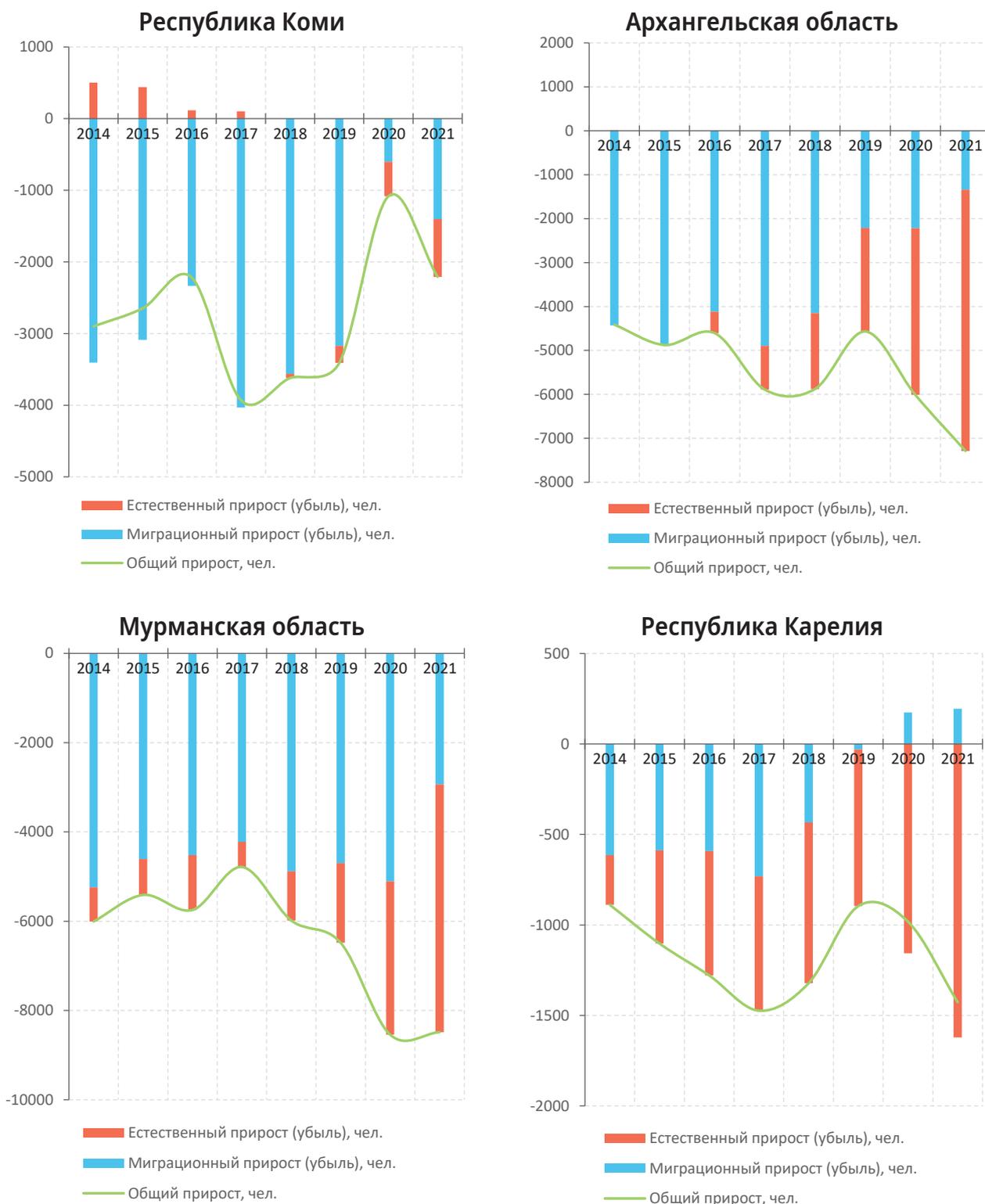

Рис. 4. Субъекты АЗ РФ с отрицательным приростом численности населения

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований.

URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения 20.12.2022).

миграционный отток от года к году постепенно снижается, особенно в годы пандемии, но убыль по естественным причинам из-за пандемии растет. В Чукотском АО численность населения за рассматриваемый период существенно не изменилась, однако ранее фиксировался период масштабной миграционной убыли на фоне естественного положительного прироста. В 2018 и 2019 гг. наметился положительный миграционный прирост, но в 2020 и 2021 гг. снова начался миграционный отток, существенно превышающий естественный прирост населения. Чукотский АО – самый отдаленный от центра регион страны, где механическое движение населения играет особую роль в динамике человеческих ресурсов. Дискомфортные условия проживания и так не располагают к закреплению населения, а в период кризисов отток усиливается (Коломиец, 2020).

Демографические процессы внутри Российской Арктики носят весьма неоднородный характер, но очевидно, что для всех регионов важен вклад именно миграционного прироста, особенно на фоне естественной убыли жителей вследствие пандемии COVID-19 и процесса старения населения. Далее перейдем к рассмотрению структур, объемов и динамики миграции в АЗ РФ.

Объемы и динамика миграционных процессов

На сегодняшний день повышенный отток населения характерен для Чукотского автономного округа, Республики Коми и Мурманской области. Миграционный прирост на 10000 чел. населения в 2021 году на этих территориях отрицательный: -239, -94 и -49 человек соответственно, если рассматривать международную и межрегиональную миграцию (рис. 5). Существенная миграционная убыль наблюдается в Архангельской и Мурманской областях – субъектов, обеспечивающих половину всей численности населения АЗ РФ.

В общей структуре миграционных перемещений в Арктической зоне РФ основное место занимает именно *межрегиональная миграция*. Согласно данным Росстата, в 2021 году общая численность внутрирегиональных мигрантов на арктических территориях субъектов АЗ РФ составила 36,8 тыс. чел.; численность переехавших из Арктики в другие регионы России составила 66,2 тыс. чел. Еще 5 тыс. чел. были задействованы в международных перемещениях с арктических территорий и 13 тыс. чел. – на арктические территории в рамках международной миграции. Для потоков межрегиональной миграции характерно превышение числа выбывших над прибывшими, а для международной ми-

	Численность населения, чел.	Миграционный прирост на 10000 населения, чел.
Чукотский АО	50040	-239
Республика Коми	150294	-94
Мурманская область	597276	-49
Архангельская область	656608	-20
Республика Карелия	109299	18
Красноярский край	245794	22
Ненецкий АО	44540	27
Ямало-Ненецкий АО	552117	60
Республика Саха (Якутия)	67118	100
В среднем по АЗ РФ	2473086	-8

Рис. 5. Численность населения и миграционный прирост на 10000 чел. населения в 2021 году (международная и межрегиональная миграция), чел.

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований.
 URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения 20.12.2022).

грации превышение количества прибывших над выбывшими более чем в два раза.

На протяжении последнего десятилетия численность выбывших постоянно превышает численность прибывших в Арктическую зону РФ. В 2021 году в общем потоке выбывших 61,3% пришлось на выезд в другие регионы, 4,7% – в другие государства. В структуре прибывших 12,7% – международная миграция, 54,1% – приезжающие из других регионов. Объем притока прибывающих не восполняет отток, что также способствует депопуляции арктических территорий за счет механического передвижения населения.

Если анализировать половозрастную структуру выбывших и прибывших на арктические территории субъектов АЗ РФ в 2021 году, видно, что среди прибывших доля молодежи составляет 43,7%, представителей пенсионного возраста – 17,3%; среди выбывших доля молодежи ниже – 38,6%, а представ-

вителей пенсионного возраста выше – 22,7%. Следовательно, миграционный приток происходит за счет молодого поколения. Также примечательно то, что среди выбывших доля выпускников школ (15–19 лет) составляет 10,5%, а среди прибывших почти четверть – молодежь возраста выпускников системы профессионального образования (24–29 лет). То есть миграционная подвижность характерна для молодежных возрастов: ищущих работу, возвращающихся после окончания обучения в свои регионы, а также по личным семейным планам (Шеломенцев и др., 2018). Другими словами, наблюдается потенциал миграционного притока именно за счет молодого поколения (Fauzer, Smirnov, 2020).

Отмечая гендерный аспект, необходимо сказать, что в молодых возрастах среди прибывших преобладают мужчины, а среди выбывших после 50 лет – женщины (рис. 6). Ресурсодобывающий характер экономики арктических территорий, суровые клима-

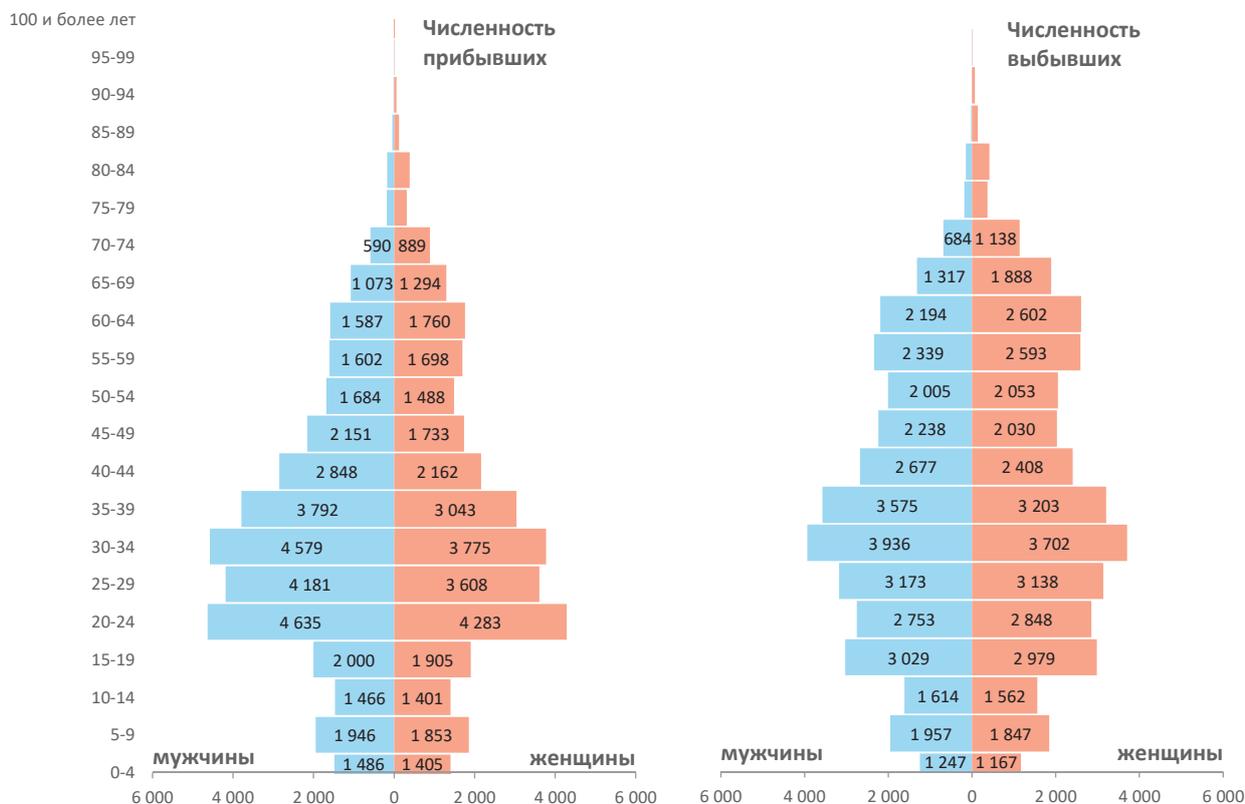

Рис. 6. Половозрастная структура выбывших и прибывших в целом по Арктической зоне РФ в 2021 году (межрегиональная и международная миграция), чел.

Расчитано по: База данных показателей муниципальных образований.
 URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения 20.12.2022).

тические условия не только для жизни, но и осуществления трудовой деятельности способствуют лучшей закрепляемости на севере преимущественно мужчин. Усиление военного присутствия в Арктике, создание и расширение военной инфраструктуры ожидаемо будет способствовать притоку в Арктику по большей части мужчин. Переезд женщин в Арктику будет скорее обусловлен созданием супружеских пар с мужчинами, чей профессиональный путь связан с экономикой арктического региона. Женщины в ходе миграции из Арктической зоны РФ руководствуются стремлением переехать в регионы с более разнообразной, чем в арктических населенных пунктах, социальной и культурной инфраструктурой.

В субъектах с отрицательным миграционным приростом заметен потенциал притока молодых (рис. 7). На пике трудоспособного возраста молодежь все же устремляется в регионы с ресурсодобывающей экономикой с целью заработка, получения профессионального опыта, достижения материального благополучия. Данные статистики показывают положительное сальдо межрегиональной миграции выпускников с высшим образованием на арктические территории,

что служит подтверждением потенциала миграции как источника восполнения дефицита в кадрах (Степуть, Симакова, 2018).

Таким образом, определим ключевые особенности текущей миграционной ситуации в Арктической зоне РФ:

- в целом для АЗ РФ характерно снижение численности населения, старение населения, отрицательный миграционный прирост;
- существенное негативное влияние на депопуляцию арктических территорий оказала пандемия COVID-19;
- основное место в структуре перемещений занимает межрегиональная миграция: с арктических территорий люди переезжают в другие регионы России, а для восполнения ресурсов задействованы международные мигранты, приток которых существенно превышает отток (Sokolova, 2016);
- большое количество молодых людей уезжает из АЗ РФ с целью получения профессионального образования;
- существует высокий потенциал привлечения молодежи и ее возвращения после учебной миграции (среди приезжающей молодежи преобладают мужчины; среди выезжающих пенсионеров преобладают женщины).

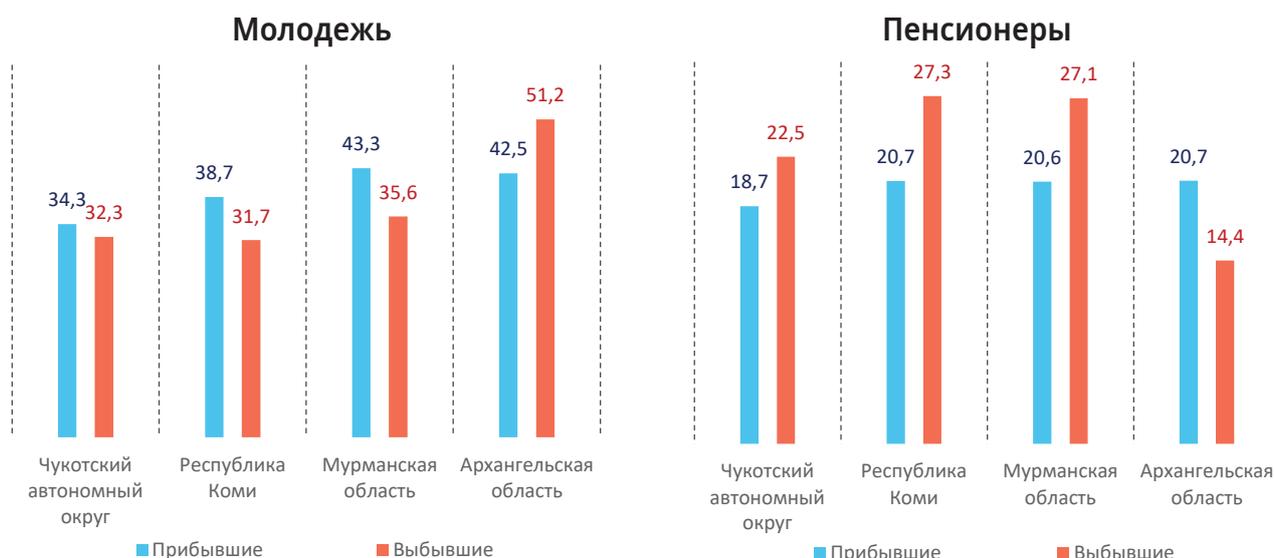

Рис. 7. Удельный вес молодежи (в возрасте 16–35 лет) и пенсионеров (в возрасте от 50 лет и старше для женщин и от 55 лет и старше для мужчин) в общей численности прибывших и выбывших (межрегиональная и международная миграция) в 2021 году, %

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований.
 URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения 20.12.2022).

Далее проведем анализ согласованности выявленной миграционной ситуации и заложенных направлений регулирования миграции в документах социально-экономического развития субъектов АЗ РФ.

Миграция в АЗ РФ и согласованность с ключевыми приоритетами регулирования миграции в арктических субъектах РФ

В «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»⁴ предусмотрено, что «основным источником восполнения населения Российской Федерации и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство. Миграционная политика является вспомогательным средством для решения демографических проблем». Данное положение по большей части применимо к регуляции международной миграции, но для арктических территорий субъектов АЗ РФ миграционная политика населения представляется одним из основных действенных механизмов восполнения необходимых экономике человеческих и трудовых ресурсов. Концепция государственной миграционной политики не затрагивает регуляцию миграции в отношении арктических территорий России, однако содержит весьма существенные положения о внутренней миграции: «учет задач по созданию благоприятных условий для внутренней миграции, снижению диспропорции в размещении населения (включая обеспечение транспортной связанности регионов, формирование рынка доступного жилья) и удовлетворению экономических, социальных, образовательных, профессиональных и культурных потребностей граждан при выработке стратегии развития регионов Российской Федерации, распределении финансовых средств и отборе проектов в сфере создания и модернизации объектов жилищной, медицинской, образовательной, транс-

портной и иной инфраструктуры»; «обеспечение полноты, качества и доступности сведений о возможностях трудоустройства на территории Российской Федерации».

Внимание проблеме миграции уделяется в федеральных программных документах по развитию Арктики. Так, согласно Основам государственной политики Российской Федерации в Арктике на период 2035 года⁵, одной из ключевых задач в сфере экономического развития Арктики названо оказание государственной поддержки экономически активному населению, готовому к переезду (переселению) в Арктическую зону РФ в целях осуществления трудовой деятельности. В «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» поставлена задача «дифференцированного регулирования миграции в зависимости от возраста и квалификации мигрантов, а также усиление приживаемости квалифицированных кадров и снижение социальных издержек внешней вахтовой миграции», то есть прямая задача привлечения на работу квалифицированных кадров и их закрепляемости в Арктике.

Актуальный на сегодня программный документ «Стратегия развития Арктической зоны России на период до 2035 года» дает оценку существенного улучшения миграционной ситуации: снижение миграционного оттока с 2014 по 2018 год на 53%. Тем не менее миграционный прирост в целом для арктических территорий остается отрицательным, наблюдается процесс обезлюживания, и действующая стратегия, в свою очередь, по большей части предполагает всестороннее улучшение качества жизни в Арктике, что опосредованно способствует как удержанию, так и привлечению населения. По целевым показателям Стратегия развития АЗ РФ направлена на достижение к 2035 году положительного миграционного прироста. Достаточно ли существующих механизмов, чтобы обеспечить положительный миграционный прирост?

⁴ Об утверждении Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.: Указ Президента РФ от 31 декабря 2018 г. № 622.

⁵ Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период 2035 года: Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164.

Преимущества, получаемые при переезде в Арктическую зону РФ, носят скорее инерционный характер – то есть сохранились со времен существования СССР и «на слуху» (например, льготы в виде «северной» надбавки к заработной плате, дополнительные дни к отпуску, оплата проезда к местам отдыха раз в два года, «ранний» выход на пенсию). На сегодняшний день данные меры не дают особого статуса и привилегированности на фоне неравенства развития регионов, а скорее «сглаживают» уровень трудности и дискомфорта жизни в северных регионах (Селин, 2016; Лажнецев, 2018).

Анализируя основные документы по развитию Арктики, можно заключить, что они всесторонне нацелены на повышение качества жизни и сбережение уже проживающего на арктических территориях населения. Но на фоне естественной депопуляции, усилившейся в период пандемии, меры требуют расширения в части привлечения населения в Арктику и его пролонгированного закрепления.

Для более детальной оценки по регионам обратимся к положениям региональных программ и документов в части регулирования вопросов миграции. Субъекты Арктической зоны РФ схожи в оценке миграционной ситуации как неблагоприятной: фиксируется миграционный отток высококвалифицированных кадров, особенно молодежи. Основными причинами этого называются неравенство в уровне заработных плат и уровне жизни; низкая привлекательность проживания для молодежи; снижение численности рабочих мест; отсутствие возможностей для получения профессионального образования; неравенство в экономическом и социальном развитии территорий (провинциальное положение, удаленность территорий). Также подчеркиваются риски миграции: в Ямало-Ненецком АО размещение местных жителей вахтовиками – угроза снижения численности населения;

в Красноярском крае международная миграция из стран СНГ не столько способствует улучшению качества населения, сколько несет потенциальные проблемы; внутрироссийская миграция ни по объему, ни по структуре не восполняет миграционную убыль постоянного населения.

В соответствии со стратегиями социально-экономического развития регионов можно сказать, что во всех субъектах АЗ РФ в качестве основы по удержанию местного населения выступают такие направления социально-экономического развития, как повышение качества жизни и доступности экономических и социальных благ и повышение уровня трудоустройства населения, занятости и количества рабочих мест. Закономерно, что наличие мест приложения труда – исконно объективный фактор, влияющий на размещение и расселение жителей: «в большинстве населенных пунктов «не работать некому», а «работы нет», и при возникновении или сохранении возможностей трудоустройства там, где есть относительно неплохо оплачиваемые рабочие места, это немедленно становится стимулом перетока необходимой рабочей силы» (Лексин, 2021, с. 125). В Архангельской области, Ямало-Ненецком АО и Республике Саха (Якутия) в стратегиях развития отдельно отмечается значимость удержания молодого населения. Для этого декларируются содействие занятости молодежи; поддержка молодых семей; реализация молодежных инициатив; организация досуга для молодежи и вовлечение молодежи в управленческую практику региона.

Важно отметить, что в двух субъектах РФ, частично входящих в арктическую зону, на сегодняшний день утверждены стратегии развития отдельно для арктических территорий – в Красноярском крае⁶ и Республике Саха (Якутия)⁷. В Красноярском крае стратегия устанавливает обеспечение комплексного подхода в развитии кадрового потенциала в северных и арктических террито-

⁶ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития северных и арктических территорий и поддержки коренных малочисленных народов Красноярского края до 2035 года: Распоряжение Правительства Красноярского края от 3 февраля 2023 г. № 81-р.

⁷ О Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года: Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 14 августа 2020 г. № 1377.

риях, включая обеспечение приоритетного трудоустройства местного населения при реализации инвестиционных проектов, при этом детально не раскрываются конкретные механизмы развития кадрового потенциала и способы привлечения населения. В настоящий момент план мероприятий по реализации стратегии находится в разработке. Стратегия развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) подробно проработана как с точки зрения роста экономического потенциала территорий, которые

станут центрами притяжения населения, так и подготовки кадров для Арктики в системе профессионального образования и привлечения кадров по наиболее остро востребованным профессиям.

Проведен комплексный анализ стратегий развития на предмет утверждения мер привлечения в регионы трудовых ресурсов в контексте улучшения миграционной ситуации в субъектах Арктической зоны РФ (табл. 1). Можно обобщить, что регионы с убылью населения (Республика Карелия,

Таблица 1. Основные меры привлечения населения согласно стратегиям социально-экономического развития субъектов АЗ РФ

Наименование субъекта АЗ РФ	Привлечение молодежи / квалифицированных кадров; информирование жителей других регионов о рынке труда	Создание привлекательного образа региона	Содействие в обеспечении жильем, а также покрытие затрат на переезд и обустройство	Рост уровня з/п, снижение неравенства по уровню доходов	Рост числа (высокооплачиваемых и/или высокотехнологичных) рабочих мест, открытие новых производств и проектов
Мурманская область	✓	✓	✓	✓ «Полярки» с первого дня работы и до 35 лет	✓
Республика Карелия		✓ Через развитие регионального рынка труда	Уровень обеспеченности жильем признается причиной низкой привлекательности рынка труда	✓ Уровень заработных плат признается причиной низкой привлекательности рынка труда	✓ Через инвестиции в экономику региона
Республика Коми		✓ Через создание привлекательного инвестиционного климата	Уровень обеспеченности жильем признается причиной миграционного оттока	Уровень занятости и доходов признается причиной миграционного оттока	✓ Через инвестиции в экономику региона
Архангельская область			✓ Развитие арендного рынка жилья	✓ Модель через привлечение инвестиций	✓ Через инвестиции в экономику региона
Чукотский АО	✓ «Арктический доктор» и «Арктический фельдшер»; на конкретные проекты		✓ Создание специализированного жилищного фонда в системе образования; снижение степени износа жилищного фонда; инвестиции		✓

Ямало- Ненецкий АО	✓ Нуждается в системе привлечения квалифицированных кадров, ориентированной на средне- и долгосрочную перспективу	✓	✓		✓
Ненецкий АО	✓ Лишь одна из мер смягчения последствий сокращения потенциального числа работников	✓	✓		✓
Республика Саха (Якутия)	✓ Миграционная политика стимулирует к привлечению и удержанию мигрантов с высоким уровнем трудовой квалификации, социальной адекватности	✓	✓ По отдельным отраслям (здравоохранение, образование, АПК и т. д.)	✓	✓
Красноярский край	✓ Путем развития и укрепления конкурентных позиций высших образовательных учреждений края, предоставления студентам грантовой поддержки и специальных стипендий	✓	✓ По отдельным отраслям (здравоохранение, образование, АПК и т. д.)	✓	✓
Составлено по: Стратегии социально-экономического развития субъектов Арктической зоны РФ.					

Республика Коми и Архангельская область) делают ставку на роль и значимость инвестиций в развитии региональной экономики и предпринимательства. Привлечение инвестиций и экономический подъем будут способствовать созданию рабочих мест, повышению уровня доходов жителей, что сначала поможет сохранить местное население, а далее – опосредованно привлечь и новые трудовые ресурсы. В Мурманской области

есть свой стратегический инструмент развития территории – план мероприятий «На Севере – жить!»⁸, цель которого – преломить существующий миграционный отток. В нем показано, как целенаправленно будут решаться проблемы, связанные с ростом уровня доходов молодых специалистов, обеспеченностью жильем и образовательными услугами, а также повышением уровня жизни населения.

⁸ Об утверждении плана мероприятий «На Севере – жить!»: Распоряжение Правительства Мурманской области от 23 марта 2022 г. № 74-рп.

Таблица 2. Показатели численности населения, миграционного прироста и заработной платы по муниципальным образованиям АЗ РФ в 2021 году с наибольшими показателями миграционной убыли (межрегиональная и международная миграция)

Наименование муниципального образования	Численность населения, чел.	Миграционный прирост (убыль) на 1000 чел. населения	Средняя начисленная заработная плата, руб.	Отношение средняя начисленная заработная плата / прожиточный минимум
Муниципальный округ Тазовский район (ЯНАО)	4149	-21	81423	4,4
Муниципальный район Усть-Цилемский (Республика Коми)	3672	-19	102270,3	7,4
Печенгский муниципальный округ (Мурманская область)	24938	-16	67441,2	4,9
Городской округ Анадырь (ЧАО)	15559	-13	145423	6,0
Воркута (Республика Коми)	71279	-11	82793,8	5,7
Усинск (Республика Коми)	42381	-9	95917,4	6,6
Ковдорский район (Мурманская область)	17332	-8	73459,5	3,9
Чукотский муниципальный район (Чукотский автономный округ)	3829	-8	97625,7	4,0
г. Мурманск (Мурманская область)	279064	-7	86833,9	4,7
Кандалакшский муниципальный район (Мурманская область)	39624	-7	63044,8	3,4
Инта (Республика Коми)	25786	-7	69155	4,7
Новодвинск (Архангельская область)	27705	-6	50376,5	3,6
г. Апатиты (Мурманская область)	52764	-6	66572	3,6

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения 20.12.2022).

Для регионов с положительным приростом численности населения характерна более детальная проработанность и конкретность стратегий в части мер по привлечению новых трудовых ресурсов, причем дифференцированно для отраслей экономики и целенаправленно для арктических территорий.

Во всех регионах подчеркивается значимость уровня заработных плат и доходов. Уровень заработной платы в Арктике – один из основных факторов «притяжения» в трудовой миграции, в Российской Арктике он выше среднероссийского (Иванова и др., 2017). Однако многие исследования миграции показывают, что материальные стимулы в виде возрастающих доходов не находятся в прямой взаимосвязи с показателями о численности выбывающих с арктических территорий (Карцева и др., 2020). При анализе миграции на уровне муниципальных районов

видно, что в районах с наибольшей убылью населения выявляется существенная разница в уровне заработных плат (табл. 2).

Стимулирующая роль высокой заработной платы в Арктике падает, ей на смену приходят уровень качества жизни и расширение спектра и разнообразия потребительского поведения: важно развитие социальной сферы, инфраструктуры (сферы образовательных, медицинских и досугово-развивающих услуг) (Скуфьина, Баранов, 2020; Smirnov, 2020). При переезде для людей более предпочтительны вопросы уровня жизни в целом. С этой точки зрения наиболее проработаны те программы социально-экономического развития регионов, которые предполагают развитие рынка жилья, сферы здравоохранения и образования.

Если говорить о профессиональном образовании, то осуществляемая политика его реструктуризации, согласно которой сокраща-

ется сеть образовательных организаций высшего образования, не соотносится с реализацией целей профессиональной подготовки и переподготовки кадров в системе профессионального образования и в конечном счете дополнительно стимулирует отток молодого населения, вызванный учебной миграцией. В условиях недостаточности объемов выпусков системы профессионального образования поток трудовой миграции – один из основных источников восполнения кадрового дефицита в Российской Арктике (Stepus et al., 2022).

Заключение и перспектива исследования

Для Арктической зоны Российской Федерации в целом характерны неблагоприятные демографические тенденции: пандемия COVID-19 существенно сказалась на потерях населения, остается отрицательным миграционный прирост. Население в молодых возрастах выбывает из Арктической зоны РФ в целях образовательной миграции, но при этом существует и высокий потенциал возврата в арктические регионы после получения образования, особенно молодых мужчин. Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны констатирует снижение миграционной убыли, но на фоне естественной депопуляции, усилившейся в период пандемии, механизмы притяжения мигрантов приобретают особую значимость и требуют проработанности; меры государственной политики необходимо расширять и детализировать в части привлечения населения в Арктику и его пролонгированного закрепления, с тем чтобы компенсировать потери.

В рамках обзора и анализа стратегий социально-экономического развития регионов выявлена их высокая проработанность и согласованность в отношении оценок региональной демографической ситуации, причин миграционного оттока населения, подчеркивание регионального неравенства и труднодоступности арктических территорий. В то же время наблюдается сильная дифференциация в осуществляемой миграционной политике арктических субъектов РФ

и диаметрально противоположные тренды в динамике компонентов численности населения. Следствием этого потенциально может стать недостижимость положительного миграционного прироста в целом по АЗ РФ, т. к. убыль населения в одних субъектах просто не сможет быть компенсирована приростом населения в других субъектах АЗ РФ. Диссонанс и в том, что регионы с положительными демографическими тенденциями имеют наиболее проработанные и детализированные стратегии в части утверждения конкретных мер, призванных не только сохранить местное население, но и привлечь новых жителей на свои территории. Красноярский край, Ямало-Ненецкий АО и Республика Саха (Якутия) дифференцированно рассматривают меры исходя из типов миграции и уровня квалификации кадров, что является их весомым преимуществом. Регионы с отрицательным приростом населения по большей части обосновывают меры по привлечению инвестиций в экономику региона, то есть опосредованно через экономический подъем и повышение уровня жизни населения прогнозируется привлечение новых трудовых ресурсов на рынки труда (без конкретизации механизмов привлечения человеческих ресурсов).

Для всех субъектов, кроме Красноярского края и Республики Саха (Якутия), территории которых частично входят в АЗ РФ, характерно недостаточно четкое формулирование сложившейся миграционной ситуации конкретно для арктических территорий и выделение мер управления миграцией на них. Исторический дискурс освоения территорий Российской Арктики показывает, что в разные времена использовались разные решения: от принудительного заселения до стимулирования героизма и трудовых подвигов в «Советской Арктике». Неблагоприятные демографические тенденции сегодняшнего дня требуют не только дальнейших усилий по повышению качества жизни на данных территориях, но и отдельного внимания в программных документах к задаче привлечения мотивированного квалифицированного молодого населения.

В эпоху рыночной экономики и общества потребления можно говорить о привлечении в регионы жителей посредством материальных и социальных стимулов со стороны государства, бизнеса, общественных институтов и, в конечном счете, формирования миграционных стратегий социальных групп, основанных на спектре различных ценностей и ценностных ориентаций. Исследования показывают, что финансы и доходы – это важный, но далеко не единственный ресурс, который напрямую определяет решение индивида и семьи. Когда речь идет о личном развитии, профессионализации и квалифицированных кадрах, то вопросы человеческого капитала выходят на первый план, чем объясняется необходимость привлечь тех, кто рассматривает уникальные возможности трудоустройства на рынке тру-

да Арктической зоны РФ и имеет объективные представления о жизни в Арктике.

Этим обосновывается необходимость дальнейшего глубинного изучения миграции методами социологической науки: моделей социального поведения в части миграционных стратегий; как они устроены с точки зрения отдельного индивида и его семьи, жизненных планов и взаимосвязей с семьями, проживающими в других регионах России. Требуется проработка методологии, позволяющей в комбинации качественных и количественных методов определить глубинные мотивы, причины, побуждающие людей осуществить переезд в Арктику, и факторы закрепления на арктических территориях, позволяющие повысить эффективность мер, направленных на возрастание привлекательности Российской Арктики.

ЛИТЕРАТУРА

- Замятина Н.Ю., Лярская Е.В. (2022). Люди Арктики в пространстве России: междисциплинарные подходы к транслокальным сообществам // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (56). С. 210–221. URL: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-17>
- Иванова М.В., Белевских Т.В., Зайцев Д.В. (2017). Об арктическом рынке труда // Проблемы развития территории. Вып. 1 (87). С. 145–157.
- Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2020). Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 87–97.
- Коломиец О.П. (2020). Особенности современных миграционных процессов на Крайнем Северо-Востоке России (Чукотский вариант) // Власть и управление на Востоке России. № 4 (93). С. 207–214. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-207-214
- Коровкин А.Г., Королев И.Б., Сеница А.Л. (2020). Оценка интенсивности и вероятности движения населения в регионах Арктической зоны РФ // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. С. 409–430. DOI: 10.47711/2076-318-2020-409-430
- Лаженцев В.Н. (2018). Север России: экономико-географические аспекты развития // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 39–50.
- Лексин В.Н. (2021). Системные основания и последствия территориально опосредованной депопуляции // Регион: экономика и социология. № 2 (110). С. 101–134. DOI: 10.15372/REG20210205
- Потравная Е.В. (2022). Миграционные установки и тенденции экономического поведения населения в условиях промышленного освоения Арктической зоны России: результаты социологических исследований // Общество: социология, психология, педагогика. № 1. С. 26–33. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.1.3>
- Селин В.С. (2016). Экономическая политика в Арктике: сравнительный анализ // Проблемы развития территории. № 5 (85). С. 176–190.
- Скуфьина Т.П., Баранов С.В. (2020). Специфика потребления населения: след жителей Арктики в больших данных Сбербанка // Проблемы развития территории. № 6 (110). С. 21–34. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.2

- Степуть И.С., Симакова А.В. (2018). Миграционные потоки выпускников вузов для работы в Арктической зоне России: количественный и качественные аспекты // Региональная экономика: теория и практика. Т. 16. № 10. С. 1872–1887. URL: <https://doi.org/10.24891/re.16.10.1872>
- Терентьев Н.Е., Коровкин А.Г., Королев И.Б. (2019). Состояние и перспективы рынка труда территорий российской Арктики в контексте задач повышения качества жизни населения // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 17. С. 341–359. DOI: 10.29003/m824.sp_ief_ras2019/341-359
- Шарова Е.Н., Бурцева А.В. (2020). Современная демографическая ситуация на Кольском Севере: к вопросу о присутствии человека в Арктике // Теория и практика общественного развития. № 1 (143). С. 68–73.
- Шеломенцев А.Г., Воронина Л.В., Смиреникова Е.В., Уханова А.В. (2018). Факторы миграции в Арктической зоне Российской Федерации // *Ars Administrandi* (Искусство управления). Т. 10. № 3. С. 396–418. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-396-418
- Chanysheva A., Kopp P., Romasheva N., Nikulina A. (2021). Migration attractiveness as a factor in the development of the Russian Arctic mineral resource potential. *Resource Provision of the Sustainable Development under Global Shocks*, 145–171. Available at: <https://doi.org/10.3390/resources10060065>
- Fauzer V.V., Smirnov A.V. (2020). Migration of the Russian Arctic population: Models, routes, results. *Arctic: Ecology and Economy*, 4 (40), 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18
- Heleniak T., Turunen E., Wang Sh. (2020). Demographic changes in the Arctic. *The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics*, 41–59. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-20557-7_4
- Nilsson A., Larsen J. (2020). Making regional sense of global sustainable development indicators for the Arctic. *Sustainability*, 12, 1027–1046. DOI: 10.3390/su12031027
- Smirnov A.V. (2020). The Arctic Population: Dynamics and centers of the settlement system. *Arctic and North*, 40, 270–290. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.270
- Sokolova F. (2016). Migration processes in the Russian Arctic. *Arctic and North*, 25, 137–149. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.158
- Stepus I.S., Gurtov V.A., Averyanov A.O. (2022). Population migration for the development of the Russian Arctic: Features and capabilities. *Regional Research of Russia*, 12, 483–494. Available at: <https://doi.org/10.1134/S2079970522700149>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгения Александровна Хотеева – ведущий специалист, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33; e-mail: ehoteeva@petsu.ru)

Ирина Сергеевна Степуть – кандидат экономических наук, начальник отдела прогнозирования потребности экономики в кадрах, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33; e-mail: stepus@petsu.ru)

Khoteeva E.A., Stepus I.S.

POPULATION MIGRATION IN THE RUSSIAN ARCTIC IN STATISTICAL ESTIMATES AND REGIONAL MANAGEMENT PRACTICE

The relevance of the article is justified by the fact that in the Arctic zone of the Russian Federation is facing a dynamic process of population decline, intensified on the background of the pandemic. A significant contribution to this process is made by the outflow of the population. Negative migration growth is a threat to the socio-economic development of the geopolitically and economically important Arctic zone of the Russian Federation. The main idea of the article is that the migration situation in the Arctic territories is specific in terms of the direction of flows, age and gender aspects that are important in determining the ways of attracting the population to the region. The purpose of the study is to identify the features of the migration situation in the Arctic zone of the Russian Federation in terms of the volume and dynamics of international and interregional migration and to analyze their consideration in the development priorities of the Arctic regions. Scientific novelty is related to a comprehensive analysis of the migration situation in the Arctic zone as a whole and on the Arctic territories of individual entities of the Russian Federation and the determination of consistency of the migration situation specifics with the migration policy priorities, enshrined in the regulatory documents of the federal level, and in the documents of socio-economic development of the nine entities of the Russian Federation. General scientific methods of comparison, synthesis and analysis of information, processing and analysis of statistical data, graphical methods of data representation and visualization were used. During the study we revealed that the distinctive feature of migration lies in the high potential of the population (especially young aged men) to return to the Arctic regions after receiving vocational education. There is a strong differentiation in migration policy across the Arctic regions of Russia: regions with positive demographic trends have the most developed and detailed strategies in terms of the adoption of specific measures designed not only to preserve the local population, but also to attract new residents to their territories.

Population migration, Arctic zone of the RF, regional development.

REFERENCES

- Chanysheva A., Kopp P., Romasheva N., Nikulina A. (2021). Migration attractiveness as a factor in the development of the Russian Arctic mineral resource potential. *Resource Provision of the Sustainable Development under Global Shocks*, 145–171. Available at: <https://doi.org/10.3390/resources10060065>
- Fauzer V.V., Smirnov A.V. (2020). Migration of the Russian Arctic population: Models, routes, results. *Arctic: Ecology and Economy*, 4 (40), 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18
- Heleniak T., Turunen E., Wang Sh. (2020). Demographic changes in the Arctic. *The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics*, 41–59. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-20557-7_4
- Ivanova M.V., Belevskikh T.V., Zaitsev D.V. (2017). About the Arctic labor market. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 1(87), 145–157 (in Russian).
- Kartseva M.A., Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. (2020). Migration in Russia and regional socioeconomic development: Cross-impact analysis. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 4, 87–97 (in Russian).
- Kolomiets O.P. (2020). Features of modern migration processes in the northern far- east of Russia (Chukchi version). *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii=The Power and Administration in the East of Russia*, 4(93), 207–214. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-207-214 (in Russian).
- Korovkin A.G., Korolev I.B., Sinitsa A.L. (2020). Assessment of the intensity and probabilities of population movement in the regions of the Arctic zone of the Russian Federation. *Nauchnye trudy: Institut*

narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN=Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the RAS, 409–430. DOI: 10.47711/2076-318-2020-409-430 (in Russian).

- Lazhentsev V.N. (2018). The Russian North: Economic and geographic aspects of development. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 5, 39–50 (in Russian).
- Leksin V.N. (2021). Systemic causes and consequences of spatially mediated depopulation. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 2(110), 101–134. DOI: 10.15372/REG20210205 (in Russian).
- Nilsson A., Larsen J. (2020). Making regional sense of global sustainable development indicators for the Arctic. *Sustainability*, 12, 1027–1046. DOI: 10.3390/su12031027
- Potravnaya E.V. (2022). Migration attitudes and trends of economic behavior of the population in the conditions of industrial development of the Arctic zone of Russia: Results of sociological research. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika=Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 1, 26–33. Available at: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.1.3> (in Russian).
- Selin V.S. (2016). Economic policy in the Arctic: Comparative analysis. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 5(85), 176–190 (in Russian).
- Sharova E.N., Burtseva A.V. (2020). The current demographic situation in the Kola North: Concerning human presence in the Arctic. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*, 1(143), 68–73 (in Russian).
- Shelomentsev A.G., Voronina L.V., Smirennikova E.V., Ukhanova A.V. (2018). Migration factors in the Arctic zone of the Russian Federation. *Ars Administrandi*, 10(3), 396–418. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-396-418 (in Russian).
- Skufina T.P., Baranov S.V. (2020). Specific of population's consumption: The trail of Arctic residents in Sberbank big data. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 6(110), 21–34. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.2 (in Russian).
- Smirnov A.V. (2020). The Arctic population: Dynamics and centers of the settlement system. *Arctic and North*, 40, 270–290. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.270
- Sokolova F. (2016). Migration processes in the Russian Arctic. *Arctic and North*, 25, 137–149. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.158
- Stepus I.S., Gurtov V.A., Averyanov A.O. (2022). Population migration for the development of the Russian Arctic: Features and capabilities. *Regional Research of Russia*, 12, 483–494. Available at: <https://doi.org/10.1134/S2079970522700149>
- Stepus I.S., Simakova A.V. (2018). Migration flows of higher-ed graduates to work in the Arctic zone of Russia: Quantitative and qualitative aspects. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 16(10), 1872–1887. Available at: <https://doi.org/10.24891/re.16.10.1872> (in Russian).
- Terentev N.E., Korovkin A.G., Korolev I.B. (2019). The state and prospects of the labor market in the Russian Arctic in the context of improving the population's quality of life. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN=Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the RAS*, 17, 341–359. DOI: 10.29003/m824.sp_ief_ras2019/341-359 (in Russian).
- Zamyatina N.Yu., Lyarskaya E.V. (2022). The people of the Arctic in the space of Russia: Interdisciplinary approaches to the translocal communities. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 1(56), 210–221. Available at: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-17> (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniya A. Khoteeva – Leading Specialist, Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: ehoteeva@petsru.ru)

Irina S. Stepus – Candidate of Sciences (Economics), Head of the Department of Forecasting of Economic Needs for Personnel, Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: stepus@petsru.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.9

УДК 331 | ББК 65.24

© Проворова А.А.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА: АНАЛИЗ МЕТОДИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

АННА АНДРЕЕВНА ПРОВОРОВА

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения РАН

Архангельск, Российская Федерация

e-mail: aashirikova@mail.ru

ORCID: [0000-0002-4573-2761](https://orcid.org/0000-0002-4573-2761)

Статья посвящена поиску оптимального инструментария для оценки эффективности реализации трудового потенциала. Накопленный трудовой потенциал населения является одним из ключевых факторов экономического роста, инновационного развития и социального благополучия общества. Проблема ресурсосбережения и повышения эффективности реализации трудового потенциала в настоящее время обусловлена рядом происходящих демографических, экономических, технологических изменений. Усиление роли личности человека в трудовом процессе, изменение форм организации труда, увеличение значимости отдельных трудовых качеств и навыков в совокупности определяют эффективность реализации трудового потенциала, а значит и параметры экономического роста. Цель исследования заключается в анализе и систематизации существующих методических подходов к оценке эффективности реализации трудового потенциала региона и выявлении направлений совершенствования методического инструментария с учетом современных вызовов и проблем. Применялись общетеоретические методы анализа и обобщения. В качестве теоретической базы послужили работы отечественных и зарубежных ученых, а также нормативно-правовые документы, определяющие политику государства в социально-трудовой сфере. В ходе исследования выделены интегральный, стоимостной, резервный, социологический и программный подходы. Новизна исследования заключается в систематизации методических подходов к оценке реализации трудового потенциала в контексте эффективности данного процесса с расширенным представлением характеристики, достоинств и недостатков методов оценки. Результаты работы могут быть полезны при изучении фундаментальных и прикладных проблем в сфере формирования и реализации трудового

Для цитирования: Проворова А.А. (2023). Оценка эффективности реализации трудового потенциала региона: анализ методического инструментария // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 129–144. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.9

For citation: Provorova A.A. Assessing the effectiveness of the implementation of the labor potential of the region: Methodological tools analysis. *Problems of Territory's Development*, 27 (2), 129–144. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.9

потенциала населения в условиях трансформации территориальных экономических систем, совершенствовании мониторинга социально-трудовой сферы региона, корректировке региональных и отраслевых стратегий и программ, направленных на повышение эффективности реализации трудового потенциала населения.

Трудовой потенциал, эффективность, реализация, методический инструментарий.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках НИР № 122011800415-9 «Сбалансированное развитие арктических социо-эколого-экономических систем в условиях трансформации природно-климатической и социально-экономической среды».

Введение

Экономический рост страны и ее регионов во многом определяется количественными и качественными характеристиками людских ресурсов, участвующих в общественном производстве. Продуктивные качества людей, такие как квалификация, знания и умения, профессиональные навыки, инициативность и предприимчивость в совокупности с физической и психологической дееспособностью обеспечивают достижение высокого уровня технологического прогресса, рост благосостояния и качества жизни населения. Весь комплекс способностей к труду в количественном и качественном выражении, который определяет возможности человека участвовать в трудовой деятельности, в российском научном сообществе нашел отражение в понятии «трудовой потенциал». Возникновение данной категории в 80-х гг. XX века было обусловлено поиском решения проблемы совершенствования всей системы формирования, развития и реализации совокупной способности людей к труду, а также необходимостью анализа скрытых резервов человека как субъекта производства и общественной жизни (Косаев, 1988).

Подходы к сущности и содержанию трудового потенциала так или иначе сводятся к выделению его количественной и качественной стороны. Трудовой потенциал с количественной точки зрения определяется численностью трудовых ресурсов, половозрастным составом, количеством отработанного рабочего времени. Качество трудового потенциала характеризуется через состояние

здоровья, уровень образования и профессиональных знаний, культурно-нравственные ценности и интересы, организованность и иные потенции, обуславливающие способность к труду.

Современные демографические тенденции, которые проявляются в сокращении численности рабочей силы, старении населения, высоком уровне преждевременной смертности, обуславливают необходимость поиска новых резервов роста производительности труда. Особые требования к качеству трудового потенциала в настоящее время формируются вследствие цифровой трансформации экономики, требующей определенных навыков и компетенций для обеспечения конкурентоспособности на рынке труда. Поэтому изучение механизмов и путей реализации потенциалов, заложенных в человеке, определяющих его способность к продуктивному труду, выявление причин их неполной реализации в современных условиях, а также разработка направлений и технологий оптимизации становятся ключевыми научными задачами.

Цель нашего исследования состоит в изучении и систематизации методических подходов, позволяющих осуществить оценку эффективности реализации трудового потенциала на региональном уровне. В связи с этим важно определить, что мы понимаем под эффективностью реализации трудового потенциала региона. Решение этого вопроса неоднозначно и определяется прежде всего многоаспектностью понятия «эффективность» (лат. «effectivus»), которое трактуется и как производительность,

и как успешность, и как результативность¹. Наиболее распространенной интерпретацией указанной экономической категории является сопоставление полученных результатов со вложенными ресурсами и затратами, направленными на их получение. Согласно данному подходу, чем меньше ресурсов затрачено на достижение запланированных результатов, тем выше эффект (Ridley, Simon, 1938; Pitelis, 1998). В рамках другого подхода эффективность понимается как степень приближения к цели – чем ближе к цели, тем эффективнее. Схожей категорией выступает категория действенности, которая отражает степень достижения системой поставленных целей по трем критериям: качество, количество, своевременность (Синк, 1989). Согласно третьему подходу, эффективность трактуется как оптимальность, т. е. состояние дел, некоторый оптимум, возможный при имеющихся ограничениях. Проблема определения эффективности заключается в поиске наиболее рационального способа достижения цели и баланса интересов субъектов, входящих в систему (Растворцева и др., 2011).

Трактовка понятия «эффективность реализации трудового потенциала» также неоднозначна и обусловлена рядом специфических свойств, присущих трудовому потенциалу. Прежде всего это системный характер, который нельзя свести исключительно к сумме знаний, умений, навыков и компетенций. Эмерджентное свойство трудового потенциала позволяет говорить о том, что трудовой потенциал работника как система выше суммы слагающих его элементов. Созидательные качества человека дополняются способностью объединять все факторы производства в процесс труда. Во-вторых, это наличие скрытых свойств, которые могут быть реализованы при определенных условиях и которые нельзя измерить напрямую. Имея свои пределы, трудовой потенциал определяется способностями и наклонностями человека (умственными, физическими, психическими), его качествами

(моральными, интеллектуальными) и иными личностными характеристиками, порождающими склонность и возможность человека профессионально расти и творчески развиваться (Шаталова, 2018). В-третьих, это внешняя обусловленность, то есть зависимость формирования и реализации трудового потенциала от внешних факторов и условий.

Реализация трудового потенциала представляет собой третью фазу воспроизводственного цикла и понимается как процесс его использования в производстве материальных и нематериальных благ. Формой реализации трудового потенциала служит трудовая активность его носителя. Синонимами этого понятия служат «использование», «функционирование», «потребление трудового потенциала». Широко применяется понятие нереализованного трудового потенциала, то есть незадействованного, недоиспользуемого в экономике. Как правило, он включает ту часть трудового потенциала, которая по каким-либо причинам не реализуется (безработица, состояние здоровья, несоответствие навыков и компетенций потребностям экономики, отсутствие у человека мотивации к ведению трудовой деятельности), что снижает объем трудового потенциала и может свидетельствовать о проблеме неэффективной его реализации.

Методическая сложность оценки эффективности реализации трудового потенциала проявляется в анализе степени реализации количественной и качественной составляющих трудового потенциала, в обосновании критериев и показателей эффективности его реализации на уровне отдельных субъектов (работник, предприятие, общество), в анализе влияющих на него внутренних и внешних факторов, барьеров и возможностей.

Результаты и обсуждение

Всю совокупность методических подходов к оценке эффективности реализации трудового потенциала региона условно можно разделить следующим образом (табл.).

¹ Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. (1995). Толковый словарь иностранных слов. Общеупотребительная лексика. Ростов-на-Дону: Феникс. 608 с.

Таблица. Методические подходы к оценке эффективности реализации трудового потенциала региона

Подход	Сущность	Содержание	Достоинства/недостатки
Интегральный	Эффективность как количественная мера достижения определенного результата	Индекс качества занятости	Достоинства: доступность и измеримость показателей, возможность проведения ретроспективного и сравнительного анализа между субъектами РФ Недостатки: невозможность проведения оценки на локальном уровне
		Индекс развития трудового потенциала	
		Индекс эффективности реализации трудового потенциала	
		Индекс качества трудового потенциала	
Стоимостной	Эффективность как соотношение полученных результатов к затратам	Коэффициент эффективности трудового потенциала	Достоинства: простота использования, сопоставимость показателей Недостатки: сложность выделения значимости отдельных компонентов, определяющих эффективность реализации трудового потенциала
		Эффективность механизмов реализации трудового потенциала	
Резервный	Эффективность как мера отдачи от использования отдельных компонентов трудового потенциала	Безработица	Достоинства: доступность показателей, возможность проведения сравнительного межрегионального анализа, возможность выделения причин недоиспользования трудового потенциала в возрастном и гендерном аспектах Недостатки: сложность проведения оценки ввиду большого массива данных
		Неполная занятость	
		Потенциальная рабочая сила	
		Неформальная занятость	
		Временная нетрудоспособность и инвалидизация	
		Преждевременная смертность	
Ожидаемая продолжительность трудовой жизни			
Социологический	Эффективность реализации трудового потенциала определяется через личное восприятие	Социологическое измерение реализации трудового потенциала через самооценку реально осуществляемого в процессе трудовой деятельности действия с учетом использования максимальных возможностей	Достоинства: возможность оценить реализацию качественной составляющей трудового потенциала Недостатки: сложность, затратность проведения оценки и осуществления межрегиональных сопоставлений
Программный	Эффективность как комплексное понятие, сочетающее степень достижения целей и задач и соотношение полученных результатов затрат	Оценка эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации	Достоинства: возможность комплексной оценки эффективности как с точки зрения получения результата, так и с позиции расходования средств Недостатки: сложность обоснования плановых критериев эффективности, целевого значения общественно значимого результата; отсутствие учета региональной специфики
		Мониторинг и аудит национальных целей и национальных проектов	
		Оценка эффективности государственных программ	
Источник: составлено автором.			

Согласно интегральному подходу, эффективность понимается как результат достижения какой-либо меры, отражающей реализацию трудового потенциала. С методической точки зрения он представляет собой прове-

дение оценки на основе расчета интегрального индекса и последующего построения рейтинга регионов. Место в данном рейтинге будет определять степень эффективности реализации трудового потенциала в том или

ином регионе. Достоинствами подхода выступают доступность и количественная измеримость используемых показателей, что позволяет провести оценку как в ретроспективе, так и в сравнении с другими территориями.

Использование данного метода является достаточно популярным, что обуславливается наличием множества подходов к пониманию ключевых показателей для анализа эффективности реализации трудового потенциала. К примеру, О.А. Козлова в качестве показателя эффективности реализации трудового потенциала предложила использовать индекс качества занятости населения, который представляет собой отношение численности занятых в неблагоприятных условиях, в неформальной экономике и общего числа безработных к величине экономически активного населения (Козлова и др., 2012). Эффективность реализации трудового потенциала определяется величиной данного индекса: чем он выше (приближен к 1), тем трудовой потенциал используется эффективнее. Г.В. Якшибаева предлагает индекс развития трудового потенциала, раскрывающий базисные условия обеспечения эффективности трудовой деятельности человека. В качестве ключевых показателей были выбраны продолжительность трудоспособного периода жизни как проявление физического состояния человека в качестве работника; уровень образования, а также периодичность переподготовки работника, способствующие повышению дееспособности работника; условия и вооруженность труда; занятость как показатель возможности реализации трудоспособности человека; уровень дохода как источник воспроизводства и развития трудового потенциала (Якшибаева, 2018). Данный подход был использован, несколько усовершенствован и применен для оценки развития трудового потенциала северных регионов РФ (Попова, Терентьева, 2014). Согласно другому исследованию, индекс эффективности использования трудового потенциала включает такие показатели, как уровень безработицы, производительность труда и покупательная способность за-

работной платы (Баймурзина, Мирзабалаева, 2017). Как показал анализ, эффективность реализации трудового потенциала в большей степени определяется производительностью труда.

Заслуживает внимания подход Е.А. Корчак к разработке индекса качества трудового потенциала (Корчак, 2017). Автор группирует индикаторы, характеризующие качество трудового потенциала в рамках структурных компонентов, отражающих формирование трудового потенциала, его текущее состояние и использование. В качестве индикаторов, характеризующих использование трудового потенциала, применяет соотношение среднемесячной заработной платы с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения, уровень безработицы, напряженность на рынке труда, уровень квалификации безработных граждан.

Стоимостной подход позволяет рассматривать эффективность реализации трудового потенциала с позиции классического понимания эффективности, трактуя ее как характеристику, основанную на сопоставлении общих результатов деятельности изучаемой системы с затратами, направленными на их достижение. В качестве примера следует отметить работу С.В. Шевченко, в которой автор предлагает использовать коэффициент эффективности трудового потенциала, представляющий собой отношение величины результата (валовая добавленная стоимость) к объему инвестиций в трудовой потенциал (средства, выделяемые работодателем на формирование, поддержание и развитие рабочей силы). Соответственно, чем выше валовая добавленная стоимость, тем эффективнее используется трудовой потенциал (Шевченко, 2014).

Руководствуясь этим подходом, Е.А. Чекмарева предложила метод оценки эффективности механизмов государственной политики, направленной на управление реализацией количественных и качественных сторон трудового потенциала региона. В данном случае механизмы поддержки занятости населения являются формой реализации количественной составляющей трудового потенциала,

профессиональное обучение, переобучение и повышение квалификации – формами развития качества трудового потенциала. Наиболее эффективны те механизмы, в которых отношение затрат (кассовых расходов федерального и регионального бюджета) к результату (численности участников программы) было наименьшим (Чекмарева, 2011).

Согласно резервному подходу, эффективность определяется степенью отдачи отдельных компонентов трудового потенциала в процессе трудовой деятельности. Иными словами, чем полнее используется трудовой потенциал (здоровье, образование, ресурсы рабочего времени), тем эффективнее его реализация. Одной из особенностей современной экономики становится недоиспользование трудового потенциала, обусловленное социально-экономическими, медико-демографическими и иными условиями. Недоиспользование трудового потенциала в связи с этим можно рассматривать как резерв (запас), который может быть использован в случае нивелирования влияния негативных факторов социально-трудовой среды.

Масштаб недоиспользования трудового потенциала, согласно этому подходу, определяется уровнем безработицы, неполной и неформальной занятостью, потерями, вызванными преждевременной смертностью населения, высокой заболеваемостью и инвалидизацией.

Уровень безработицы позволяет оценить степень недоиспользования трудового потенциала на открытом рынке труда и характеризуется долей безработных в составе рабочей силы. Гораздо сложнее оценить масштабы неполной занятости, вызванные не только экономическими причинами. Специалисты различают две формы проявления неполной занятости: видимая и невидимая (Облаухова, Казначеева, 2016). Видимая неполная занятость характеризуется недостаточным объемом занятости в форме неполного рабочего времени. Видимая неполная занятость может быть вызвана как экономическими причинами (сокращение производства), так и личными (состояние здоровья, семейное положение, получение

образования). С точки зрения эффективности реализации трудового потенциала ключевое значение имеет разделение на неполную занятость как изначальную форму найма и как результат принудительного сокращения рабочего времени работников (Облаухова, 2014). Если в случае вынужденного сокращения полного рабочего дня можно говорить о недоиспользовании трудового потенциала работника, то в случае, когда неполная занятость оговаривается трудовым договором, такая форма может являться способом реализации трудовых навыков и получения дохода, когда традиционная форма занятости невозможна (по причине ухода за родственниками, получения образования, совмещения работы и рождения детей). Показателями видимой неполной занятости выступают категории лиц, находящиеся в состоянии неполной занятости с точки зрения продолжительности рабочего времени.

Понятие невидимой неполной занятости стало следствием анализа проблемы неэффективной реализации трудового потенциала населения, занятого на условиях полного рабочего дня. Признаками этого могут быть низкие доходы, неполное использование квалификационных возможностей, неудовлетворенность режимом труда и отдыха, работа не по специальности (Облаухова, 2014). Общепринятых комплексных методик оценки масштабов невидимой неполной занятости нет. Косвенным показателем оценки уровня неудовлетворенности своим рабочим местом может быть наличие или активный поиск дополнительной работы.

Одной из особенностей российской модели занятости является значительная доля занятых в неформальном секторе. Ряд исследований показывает, что в неформальном секторе России занято от 20 до 30% всех работников (Плюснина, 2005). Неформальная занятость сопряжена с неудовлетворительными условиями труда, его нестабильной оплатой, низкой социальной защищенностью работников, что не способствует всесторонней реализации трудового потенциала.

Основным показателем, позволяющим оценить степень развития неформальной занятости, является рассчитываемая Росстатом доля занятых в неформальном секторе от общей численности занятого населения².

Особый резерв представляет потенциальная рабочая сила – незанятые лица, выражающие заинтересованность в трудовой деятельности, готовность приступить к работе которых ограничивается несколькими условиями. Данное понятие было закреплено в «Резолюции о статистике трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы», принятой в рамках 19-й Международной конференции статистиков труда в 2013 году³. К категории потенциальной рабочей силы относится население, чье желание трудиться сдерживается рядом экономических и неэкономических факторов: невозможностью найти работу по специальности в данной местности, отсутствием инфраструктуры, другими источниками дохода, семейными обстоятельствами, отсутствием опыта и соответствующей квалификации, трудовой дискриминацией по полу или возрасту. Основу потенциальной рабочей силы составляют студенты дневной формы обучения, пенсионеры по возрасту и по инвалидности, лица, ведущие домохозяйство (Черных, 2019).

Подобный подход к оценке недоиспользования рабочей силы в американском и австралийском статистическом учете нашел отражение в концепции «косвенного отношения к рабочей силе» (*marginal labour force attachment, marginally attached workers*). К этой категории относится население, которое не работает и не ищет работу, но имеет высокую вероятность присоединения к рабочей силе в ближайшем будущем: лица, временно уволенные или отчаявшиеся най-

ти работу; категории населения, встречающие различные социально-экономические барьеры на пути к трудоустройству (возраст, отсутствие необходимого образования, этническое происхождение)⁴.

Значительные масштабы потерь трудового потенциала вызваны также ухудшением состояния здоровья трудоспособного населения. Заболеваемость занятого населения, следствием чего является временная нетрудоспособность и инвалидизация, преждевременная смертность выступают причинами недоиспользования трудового потенциала, следовательно, наносят значительный демографический, экономический и социальный ущерб.

Оценка потерь трудового потенциала вследствие временной нетрудоспособности, согласно одному из наиболее распространенных в России подходов, сводится к расчету человеко-лет несостоявшейся трудовой деятельности в результате заболеваемости путем деления числа дней нетрудоспособности на количество календарных дней в году. Потери трудового потенциала в данном случае отождествляются с потерями рабочего времени и могут быть рассчитаны в отношении причин нетрудоспособности, а также дифференцированы среди мужского и женского населения. Потери трудового потенциала вследствие инвалидности оцениваются как число человеко-лет несостоявшейся трудовой деятельности в связи с инвалидностью. Они рассчитываются как произведение числа инвалидов в определенной возрастной группе и ожидаемой продолжительности трудовой жизни в данном возрасте и последующее суммирование по всем возрастным группам. Масштабы потерь трудового потенциала, согласно этой методике, также можно дифференцировать в зависимости от пола, возраста и при-

² Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 01.10.2022).

³ Резолюция о статистике трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы. URL: <https://www.gks.ru/metod/resol.pdf> (дата обращения 01.01.2022).

⁴ Alternative Measures of Labor Underutilization for States (US Department of Labor). URL: <https://www.bls.gov> (accessed 01.02.2022); Labour Underutilisation: More than Unemployment (Australian Labour Market Statistics). URL: <http://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/0/55> (accessed 01.02.2022).

чин инвалидности⁵. Исследование снижения трудоспособности и производительности труда вследствие хронических заболеваний на основе субъективных оценок широко применяется за рубежом. С этой целью разрабатывают специальные опросники (например, анкета здоровья и труда HLQ, опросник производительности труда и нарушений активности WPAI), которые позволяют количественно оценить не только потери рабочего времени из-за полного (абсентеизм) или частичного (презентеизм) отсутствия на рабочем месте по причине болезни, но и снижение общей производительности наемного труда и повседневной активности (Reilly et al., 1993; Van Roijen et al., 1996).

Значительное место занимают исследования, посвященные оценке социально-экономического ущерба, вызванного смертностью населения в трудоспособном возрасте. Потери трудового потенциала выражаются показателем утраченной трудоспособности, т. е. количеством лет, не дожитых умершим индивидом от 16 лет до конца трудоспособного периода. Другая вариация оценки утраты трудового потенциала вследствие преждевременной смертности – число недожитых до окончания трудоспособного периода лет в среднем на 1 случай смерти; рассчитывается путем деления всех потенциальных человеко-лет жизни на число случаев смерти и позволяет увидеть, сколько лет потенциальной жизни уносит одна смерть. Кроме того, можно оценить, какой период трудоспособности не доработал человек из-за преждевременной смертности. Утраченная доля периода трудоспособности рассчитывается как отношение числа недожитых до пенсионного возраста лет к длительности периода трудоспособности⁶.

Для оценки масштабов социально-демографических потерь вследствие утраты здоровья в настоящее время за рубежом используется понятие глобального бремени болезни. В частности, индикатор DALY (disability

adjusted life years) отражает потерянные годы жизни, утраченные из-за преждевременной смертности, а также потерянные годы здоровой жизни вследствие нарушения здоровья, не приводящего к смертельному исходу (Murray, 1994). Под потерями трудового потенциала в данном случае понимается количество лет, которое мог бы дополнительно отработать среднестатистический занятый при отсутствии преждевременной смертности (Najafi et al., 2016; Oliva-Moreno et al., 2019).

Интегральным показателем, позволяющим оценить количественные потери трудового потенциала в результате взаимодействия экономических и демографических факторов, а также проанализировать их влияние на величину и динамику пребывания человека на рынке труда, выступает ожидаемая продолжительность трудовой жизни. Рассчитываемый методом Салливана на основе показателей по возрастной смертности и периодов экономической активности, данный индикатор позволяет оценить длительность периода труда в жизни человека и экономической неактивности в возрастном и гендерном разрезе (Sullivan, 1971). Эти расчеты могут быть использованы для оценки недополученных индивидуальных и совокупных доходов, включая заработную плату, а также объема налоговых и страховых сборов. В отличие от стран Западной Европы и Северной Америки в Российской Федерации фиксируются более низкая продолжительность экономической активной жизни населения и самый непродолжительный период экономической неактивности. При этом потенциал роста продолжительности экономической активной жизни в России связывают прежде всего со снижением смертности населения в трудоспособном возрасте (Денисенко, Варшавская, 2017).

Опираясь на таблицы по возрастной смертности, но используя показатели не экономической активности, а по возрастной

⁵ Методика расчета медико-социальной и экономической эффективности реализации программ, направленных на улучшение здоровья населения (на примере болезней системы кровообращения): утв. Минздравсоцразвития РФ 14.03.2005. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.06.2022).

⁶ Лещенко Я.А., Лисовцев А.А. (2011). Оценка ущерба, наносимого смертностью населения трудоспособного возраста: методические рекомендации. Ангарск: АГТА. 28 с.

занятости, О.А. Козлова и М.Н. Макарова предложили методический подход к оценке предстоящей трудовой жизни населения региона и потерь трудового потенциала. Для оценки запасов трудовых лет для экономически активного населения региона авторами предлагаются показатели средней ожидаемой продолжительности предстоящей трудовой жизни (запас трудовых лет при сложившемся уровне преждевременной смертности), предположительной продолжительности трудовой жизни (запас трудовых лет при отсутствии преждевременной смертности населения в этом возрасте), потенциальной продолжительности предстоящей трудовой жизни (запас лет в случае 100% занятости населения). Уровень вовлеченности трудового потенциала предлагается оценивать путем соотношения средней и предстоящей продолжительности трудовой жизни. Например, согласно расчетам, уровень вовлеченности трудового потенциала в Ямало-Ненецком автономном округе составляет 57,3%, в Свердловской области – 54,1% (Козлова, Макарова, 2022). Такой подход позволяет анализировать запасы, уровень использования и потери трудового потенциала.

Следует отметить, что большинство методических подходов дает возможность проанализировать эффективность реализации количественной составляющей трудового потенциала. Гораздо сложнее оценить его качественную сторону. Значительный опыт по оценке уровня реализации качества трудового потенциала на основе социологических методов исследования накоплен в Вологодском научном центре РАН. Разработанная его сотрудниками методика на основе оценки личного восприятия позволяет выявить качественные характеристики занятого населения трудоспособного возраста, которые в наибольшей степени оказываются нереализованными в трудовой деятельности в настоящее время. Базовыми качественными характеристиками трудового потенциала выступают физическое и психическое здоровье, когнитивный и творческий потенциал, коммуни-

кабельность, культурный и нравственный уровень, потребность в достижении целей. Исследование показало, что наряду с недоиспользованием трудового потенциала ввиду неполной занятости и безработицы неполностью реализуется качество трудового потенциала. Например, доля нереализованных творческих способностей составляла 51%, а установки на достижение успеха были не реализованы на 49% (Чекмарева, 2018). Рассматривая динамику уровня реализации трудового потенциала, исследователи отмечают повышение уровня реализации в области когнитивных и творческих усилий, а также в части социальных притязаний, что свидетельствует о росте творческой и знанцевой составляющей в экономике России (Леонидова, 2022). Безусловное достоинство данного методического подхода заключается в возможности выявления нереализуемых не менее важных качественных характеристик трудового потенциала. Сложность его применения связана с достаточно высокими финансовыми и трудовыми затратами на проведение социологических исследований на обширной территории и последующим сопоставлением полученных результатов, что делает подход менее универсальным.

Важно отметить, что с помощью большинства приведенных выше научных подходов раскрывается преимущественно полнота или количественный результат реализации трудового потенциала. В данном случае эффективность реализации трудового потенциала понимается скорее как результативность его реализации. К отдельной группе следует отнести методики в рамках программного подхода, которые используются в области государственного регулирования социально-трудовой сферы. Диагностика эффективности управления сферой реализации трудового потенциала осуществляется в рамках следующих оценочных инструментов: оценка деятельности высших должностных лиц и органов исполнительной власти, оценка эффективности реализации государственных программ и мониторинг национальных проектов. Эффективность, согласно этому подходу, представляет собой

комплексное понятие, охватывающее и степень достижения целей, и соотношение полученных результатов к затратам.

Методика оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ⁷ включает показатель ожидаемой продолжительности жизни, отражающий потенциал продолжительности периода экономической активности; уровень бедности и темп роста реальных денежных доходов, характеризующие результат воспроизводства трудового потенциала; уровень образования, определяющий качество рабочей силы; численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, которая характеризует предпринимательскую активность населения. Эффективность в данном случае понимается как степень достижения целевого показателя в отчетном году относительно его установленного значения на этот период: чем выше степень достижения в отчетном периоде в сравнении с другими субъектами РФ, тем выше эффективность деятельности региональных органов исполнительной власти⁸.

Сфера реализации трудового потенциала затронута в основных национальных проектах: «Демография», «Здравоохранение», «Производительность труда», «Наука и университеты», «Малое и среднее предпринимательство»⁹. Законодательство в области национальной проектной деятельности, регулирующее реализацию национальных проектов, предусматривает следующие ас-

пекты оценки: оценка эффективности деятельности участников национальных и федеральных проектов, в т. ч. руководителей проектов; оценка эффективности реализации национального проекта в части достижения общественно значимых результатов, выполнения задач, показателей, результатов соответствующих проектов; эффективность использования средств бюджетной системы Российской Федерации, направленных на реализацию национального проекта; оценка эффективности проектной деятельности в федеральных органах исполнительной власти, органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Аппарате Правительства Российской Федерации¹⁰. При этом уровень достижения целей национальных проектов (программ) и федеральных проектов определяется посредством анализа плановых и фактических количественных показателей, отражающих общественно значимый результат или задачу национального проекта. Также выполняется оценка кассового исполнения мероприятий проекта и уровня удовлетворенности населения полученными результатами по итогам реализации проекта¹¹. Мониторингом достижения национальных целей и национальных проектов с точки зрения эффективности расходования бюджета занимается счетная палата. Эффективность в данном случае показывает, обосновано ли использование федеральных и иных ресурсов полученными результатами. Она отражает степень, в которой та или иная мера дает или могла бы дать результат

⁷ Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915: Постановление РФ от 3 апреля 2021 г. № 542. URL: <http://static.government.ru> (дата обращения 01.09.2022).

⁸ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400181504> (дата обращения 01.09.2022).

⁹ Национальные проекты России. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects> (дата обращения 01.09.2022).

¹⁰ Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации (с изменениями и дополнениями от 09.04.2022): Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288. URL: <https://base.garant.ru/72093040/#friends> (дата обращения 25.08.2022).

¹¹ Методические рекомендации по определению уровня достижения национальных проектов (программ) и федеральных проектов: Письмо Аппарата Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2022 г. № П6-10797. URL: <https://pm.center/bazaznaniy/document/metodicheskie-rekomendatsii-po-opredeleniyu-urovnya-dostizheniya> (дата обращения 25.08.2022).

за счет использования ресурсов. Основными направлениями аудита эффективности выступают достижение запланированных результатов, использование ресурсов в соответствии с планом; соотношение ресурсов и результатов (выявление упущенных возможностей и альтернативных источников ресурсов), достаточность ресурсов¹².

Оценка эффективности государственных программ имеет схожую методику и включает в себя анализ следующих данных: степень соответствия плановых и фактических целевых показателей государственных программ; выполнение расходных обязательств, связанных с реализацией государственных программ; оценка деятельности исполнителей, отвечающих за разработку и реализацию государственных программ. Общая оценка достижения плановых показателей государственной программы определяется через степень достижения показателя (соотношение достигнутого показателя к плановому), скорректированного на коэффициент значимости планового показателя в госпрограмме. Оценка кассового исполнения государственной программы осуществляется путем расчета соотношения объема кассовых расходов к объему запланированных бюджетных ассигнований на реализацию государственной программы. Общая оценка эффективности деятельности ответственного исполнителя государственной программы рассчитывается как соотношение фактических и плановых значений критериев соблюдения установленных требований по разработке и реализации государственных программ. Интегральная оценка эффективности реализации госпрограммы представляет собой сумму полученных индексов, скорректированных на коэффициент общей оценки достижения плановых значений¹³.

Среди основных государственных программ, направленных на реализацию трудового потенциала, следует выделить «Содействие занятости населения», «Развитие здравоохранения», «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Развитие образования»¹⁴.

Безусловным достоинством данного подхода является возможность проведения оценки с точки зрения классического понимания экономической эффективности, т. е. привязки полученных результатов реализации программы или проекта к затратам. Однако следует отметить, что перечень существующих результирующих показателей является недостаточным для представления полной картины. Как правило, в перечень показателей входят уровень безработицы, численность пострадавших при несчастных случаях, коэффициент роста реальной заработной платы, численность занятых в малом и среднем бизнесе. Важным с точки зрения оценки продолжительности трудовой жизни, а значит длительности и полноты реализации трудового потенциала, является показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни, рассчитываемый в частности для оценки эффективности реализации национального проекта «Демография». Проводится значительная работа по предотвращению преждевременной смертности населения – значимого сдерживающего фактора для полного раскрытия трудового потенциала в России. Вместе с тем существующие государственные программы не учитывают такие аспекты, как недоиспользование трудового потенциала вследствие временной нетрудоспособности, неполной занятости и влияния неформальной экономики. Отсутствуют показатели, характеризующие изменение качества трудового по-

¹² Методические рекомендации по применению аудита эффективности: утв. Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 28 сентября 2021 г. № 63К (1506)). URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/5d2/ykthc11mt2zom633f9hklb38f1vinhsw.pdf> (дата обращения 18.08.2022).

¹³ Об утверждении Правил формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 17 июля 2019 г. № 903 (ред. от 02.11.2021) (дата обращения 10.10.2022).

¹⁴ Портал госпрограмм РФ. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/02> (дата обращения 10.10.2022).

тенциала, например образования. Значения плановых показателей, особенно в отношении региональных проектов, реализуемых в рамках нацпроектов, не учитывают региональную специфику.

Заключение

Проведенный анализ позволил систематизировать существующие методические подходы к оценке реализации трудового потенциала с расширенным представлением характеристик, достоинств и недостатков методов оценки. Новизной исследования можно считать попытку интеграции методического инструментария, предлагаемого научным сообществом и принятого в сфере государственного управления социально-трудовой сферой, и разработку предложений по его совершенствованию. Также элементом научной новизны служит анализ методического инструментария с точки зрения различных подходов к понятию «эффективность». Важно заметить, что накопленный в России опыт дает возможность провести сравнительную оценку реализации трудового потенциала региона в территориальном, половозрастном аспекте, оценить успешность реализации количественных и качественных сторон трудового потенциала. Достаточно широк спектр методик, позволяющих объективно оценить недоиспользование трудового потенциала по причине влияния социально-экономических и медико-демографических факторов. Вместе с тем в рамках научных подходов эффективность рассматривается в основном с точки зрения получения (или недополучения) результата. В то же время методики, принятые в управленческом подходе, имеют привязку результатов к затратам, однако не обладают достаточным количеством показателей, позволяющих в

полной мере отразить эффективность реализации трудового потенциала.

Совершенствование методического инструментария, предназначенного для оценки эффективности реализации трудового потенциала, на наш взгляд, должно быть связано с анализом факторов, вызывающих трансформацию территориальных экономических систем и социально-трудовой сферы региона. Методического осмысления требует анализ роли трудового потенциала населения старших возрастов, значимость которого с учетом старения населения будет возрастать. Повышается также роль цифровых технологий, развитие и внедрение которых трансформирует сферу занятости как с позиции организации труда, так и с точки зрения востребованности знаний и навыков. Влияние данного фактора на реализацию трудового потенциала будет оцениваться через показатели безработицы, производительности и фондовооруженности труда. Методического осмысления с точки зрения реализации трудового потенциала требует и анализ последствий внедрения гибких (нестандартных) форм занятости как результата развития цифровых технологий. Немаловажным аспектом является учет региональных средовых факторов, например природно-климатических условий, характера размещения производительных сил, хозяйственной специализации.

Развитие методического инструментария, отвечающего современным вызовам и тенденциям, а также его интеграция в сферу государственного регулирования позволят усовершенствовать систему мониторинга социально-трудовой сферы региона, скорректировать стратегии и программы, направленные на повышение эффективности реализации трудового потенциала населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Баймурзина Г.Р., Мирзабалаева Ф.И. (2017). Индекс эффективности реализации трудового потенциала как показатель качества социально-трудовой среды (региональный аспект) // Проблемы развития территории. № 2 (88). С. 106–123.
- Денисенко М.Б., Варшавская Е.Я. (2017). Продолжительность трудовой жизни в России // Экономический журнал ВШЭ. Т. 21. № 4. С. 592–622.
- Козлова О.А., Кузьмин А.И., Шаймарданов Н.З. (2012). Социально-экономические механизмы реализации трудового потенциала региона // Экономика региона. № 2. С. 208–218.
- Козлова О.А., Макарова М.Н. (2022). Оценка демографических потерь трудового потенциала региона // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент. Т. 16. № 2. С. 64–72. DOI: 10.14529/em220206
- Корчак Е.А. (2017). Трудовой потенциал северных регионов в рамках реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике. Апатиты: КНЦ РАН. 174 с.
- Косаев А.Г. (1988). Некоторые аспекты формирования и эффективного использования трудового потенциала. Москва: Ин-т экономики. 189 с.
- Леонидова Г.В. (2022). Социально-трудовая сфера РФ: тенденции и риски формирования качества трудовой жизни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 182–198. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.11
- Облаухова М.В. (2014) Количественная оценка масштабов неполной занятости: основные подходы и проблемы // Концепт. Т. 20. С. 2756–2760. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54815.htm>
- Облаухова М.В., Казначеева Н.Л. (2016). Об эффективности использования трудовых ресурсов в современной российской экономике // Вестник Томского гос. ун-та. Экономика. № 1 (33). С. 54–66.
- Плюснина Л.К. (2005). Занятость населения: теория, методология, управление. Новосибирск: НГУЭУ. 388 с.
- Попова Л.А., Терентьева М.А. (2014). Трудовой потенциал российского севера // Арктика и Север. № 14. С. 51–69.
- Растворцева С.Н., Фаузер В.В., Задорожный В.Н., Залевский В.А. (2011). Социально-экономическая эффективность регионального развития. Москва: Экон-Информ. 131 с.
- Синк Д.С. (1989). Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение. Москва: Прогресс. 521 с.
- Чекмарева Е.А. (2011). Механизмы реализации трудового потенциала российских регионов // Проблемы развития территории. № 4 (56). С. 91–102.
- Чекмарева Е.А. (2018). Динамика и современные особенности уровня реализации качества трудового потенциала // Социальное пространство. № 3 (15). DOI: 10.15838/sa.20
- Черных Е.С. (2019). Недоиспользование рабочей силы: методологические подходы к измерению и статистический анализ // Уровень жизни населения регионов России. № 2. С. 52–62.
- Шаталова Н.И. (2018) Механизмы саморегуляции и саморазвития трудового потенциала работника // Вопросы управления. № 6 (36). С. 135–141.
- Шевченко С.В. (2014). Оценка эффективности использования трудового потенциала // Труды БГТУ. № 7. С. 25–29.
- Якшибаева Г.В. (2007). Трудовой потенциал республики: количественно-качественная характеристика // Экономика и управление. № 3. С. 57–65.
- Murray C.J.L. (1994) Quantifying the burden of disease: The technical basis for disability adjusted life years. *World Health Organization*, 72 (3), 429–445.
- Najafi F., Karami-Matin B., Rezaei S., Khosravi A., Soofi M. (2016). Productivity costs and years of potential life lost associated with five leading causes of death: Evidence from Iran (2006–2010). *Medical Journal of the Islamic Republic of Iran*, 30, 412.

- Oliva-Moreno J., Trapero-Bertran M., Maria Pena-Longobardo L. (2019). Gender differences in labour losses associated with smoking-related mortality. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16 (19), 3644. DOI: 10.3390/ijerph16193644
- Pitelis C. (1998). Productivity, competitiveness and convergence in the European economy: Supply-side consideration. *Contributions to Political Economy*, 17, 1–20.
- Ridley C., Simon H. (1938). *Measuring Municipal Activities*. ISMA: Chicago.
- Reilly M.C., Zbrozek A.S., Dukes E.M. (1993). The validity and reproducibility of a work productivity and activity impairment instrument. *Pharmacoeconomics*, 4 (5), 353–365.
- Sullivan D.F. (1971). A single index of mortality and morbidity. *HSMHA Health Report*, 86 (4), 347–354.
- Van Rooijen L., Essink-Bot M.L., Koopmanschap M.A. [et al.] (1996). Labor and health status in economic evaluation of health care. The health and labor questionnaire. *International Journal of Technology Assessment in Health Care*, 12 (3), 405–415. DOI: 10.1017/S0266462300009764

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Андреевна Проворова – научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 163020, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20; e-mail: aashirikova@mail.ru)

Provorova A.A.

ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE IMPLEMENTATION OF THE LABOR POTENTIAL OF THE REGION: METHODOLOGICAL TOOLS ANALYSIS

The article is devoted to the search for optimal assessment tools for the effectiveness of labor potential realization. The accumulated labor potential of the population is one of the key factors promoting economic growth, innovative development and social well-being of society. The problem of saving resources and increasing the efficiency of the implementation of labor potential is currently caused by a number of ongoing demographic, economic and technological changes. Strengthening the role of the individual in the labor process, changing the forms of work organization, increasing the importance of individual labor qualities and skills in the aggregate determine the effectiveness of the labor potential implementation, and hence the parameters of economic growth. The purpose of the study is to analyze and systematize existing methodological approaches to assess the effectiveness of implementation of the regional labor potential and to identify areas to improve methodological tools, taking into account contemporary challenges and problems. General theoretical methods of analysis and generalization were used. The works of domestic and foreign scientists, and also the normative-legal documents defining the state policy in the social and labor sphere were used as the theoretical base. In the course of the study integral, cost, reserve, sociological and program approaches were highlighted. The novelty of the study lies in the systematization of methodological approaches to assessing the implementation of labor potential in the context of the effectiveness of this process with an expanded presentation of the characteristics, advantages and disadvantages of assessment methods. The results of the research can be useful in the study of fundamental and applied problems in the formation and implementation of the population's labor potential in terms of territorial economic systems transformation, improving the monitoring of social and labor sphere of the region, the adjustment of regional and sectoral strategies and programs aimed at improving the implementation of the population's labor potential.

Labor potential, efficiency, implementation, methodological tools.

REFERENCES

- Baimurzina G.R., Mirzabalaeva F.I. (2017). Labor potential implementation efficiency index as an indicator of the quality of the social and labor environment (regional aspect). *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2(88), 106–123 (in Russian).
- Chekmareva E.A. (2011). Mechanisms of the Russian regions' labor potential implementation. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 4(56), 91–102 (in Russian).
- Chekmareva E.A. (2018). Performance and modern features of labor potential quality development. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 3(15). DOI: 10.15838/sa.20 (in Russian).
- Chernykh E.S. (2019). Underutilization of labor force: Methodological approaches to measurement and statistical analysis. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2, 52–62 (in Russian).
- Denisenko M.B., Varshavskaya E.Ya. (2017). Working life expectancy in Russia. *Ekonomicheskii zhurnal VShE=The HSE Economic Journal*, 21(4), 592–622 (in Russian).
- Korchak E.A. (2017). *Trudovoi potentsial severnykh regionov v ramkakh realizatsii gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v Arktike* [The Labour Potential of the Northern Regions within the Implementation of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic]. Apatity: KSC RAS.
- Kosaev A.G. (1988). *Nekotorye aspekty formirovaniya i effektivnogo ispol'zovaniya trudovogo potentsiala* [Some Aspects of the Formation and Effective Use of Labor Potential]. Moscow: In-t ekonomiki.
- Kozlova O.A., Kuzmin A.I., Shaimardanov N.Z. (2012). Socio-economic mechanisms of implementation of a region's labor potential. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 2, 208–218 (in Russian).
- Kozlova O.A., Makarova M.N. (2022). Assessment of the demographic losses of labor potential in a region. *Vestnik YuUrGU. Ser.: Ekonomika i menedzhment= Bulletin of South Ural State University, Series Economics and Management*, 16(2), 64–72. DOI: 10.14529/em220206 (in Russian).
- Leonidova G.V. (2022). Social and labor sphere in the Russian Federation: Trends and risks in the formation of the quality of working life. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 182–198. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.11 (in Russian).
- Murray C.J.L. (1994) Quantifying the burden of disease: The technical basis for disability adjusted life years. *World Health Organization*, 72(3), 429–445.
- Najafi F., Karami-Matin B., Rezaei S., Khosravi A., Soofi M. (2016). Productivity costs and years of potential life lost associated with five leading causes of death: Evidence from Iran (2006–2010). *Medical Journal of the Islamic Republic of Iran*, 30, 412.
- Oblaukhova M.V. (2014) Quantifying underemployment: Main approaches and problems. *Kontsept=Koncept*, 20, 2756–2760. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/54815.htm> (in Russian).
- Oblaukhova M.V., Kaznacheeva N.L. (2016). The effectiveness of the use of labor resources in the modern Russian economy. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ekonomika=Tomsk State University Journal of Economics*, 1(33), 54–66 (in Russian).
- Oliva-Moreno J., Trapero-Bertran M., Maria Pena-Longobardo L. (2019). Gender differences in labor losses associated with smoking-related mortality. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(19), 3644. DOI: 10.3390/ijerph16193644
- Pitelis C. (1998). Productivity, competitiveness and convergence in the European economy: Supply-side consideration. *Contributions to Political Economy*, 17, 1–20.
- Plyusnina L.K. (2005). *Zanyatost' naseleniya: teoriya, metodologiya, upravlenie* [Employment: Theory, Methodology, and Management]. Novosibirsk: NSUEM.
- Popova L.A., Terenteva M.A. (2014). Employment potential of the Russian North. *Arktika i Sever=Arctic and North*, 14, 51–69 (in Russian).

- Rastvortseva S.N., Fauzer V.V., Zadorozhnyi V.N., Zalevskii V.A. (2011). *Sotsial'no-ekonomicheskaya effektivnost' regional'nogo razvitiya* [Socio-Economic Efficiency of Regional Development]. Moscow: Ekon-Inform.
- Reilly M.C., Zbrozek A.S., Dukes E.M. (1993). The validity and reproducibility of a work productivity and activity impairment instrument. *Pharmacoconomics*, 4(5), 353–365.
- Ridley C., Simon H. (1938). *Measuring Municipal Activities*. ISMA: Chicago.
- Shatalova N.I. (2018). Mechanisms of self-regulation and self-development of the employee's labor potential. *Voprosy upravleniya=Management Issues*, 6(36), 135–141 (in Russian).
- Shevchenko S.V. (2014). Evaluating the efficiency of labor potential utilization. *Trudy BGTU=Proceedings of BSTU*, 7, 25–29 (in Russian).
- Sink D.S. (1989). *Upravlenie proizvoditel'nost'yu: planirovanie, izmerenie i otsenka, kontrol' i povyshenie* [Productivity Management: Planning, Evaluation, Control, and Improvement]. Moscow: Progress.
- Sullivan D.F. (1971). A single index of mortality and morbidity. *HSMHA Health Report*, 86(4), 347–354.
- Van Roijen L., Essink-Bot M.L., Koopmanschap M.A. et al. (1996). Labor and health status in economic evaluation of health care. The health and labor questionnaire. *International Journal of Technology Assessment in Health Care*, 12(3), 405–415. DOI: 10.1017/S0266462300009764
- Yakshibaeva G.V. (2007). Labor potential of the republic: Quantitative and qualitative characteristics. *Ekonomika i upravleniye=Economics and Management*, 3, 57–65 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Provorova – Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences (20, Nikolskii Prospekt, Arkhangelsk, 163020, Russian Federation; e-mail: aashirikova@mail.ru)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: ИТОГИ 2022 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.10 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и СЗФО

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

С текущего выпуска в перечень регионов для мониторинга тенденций в экономике включаются все регионы Северо-Западного федерального округа. Мы будем благодарны читателям за пожелания и предложения по дальнейшему развитию темы.

Согласно данным Росстата, в 2022 году¹ ВВП России сократился на 2,1% (рис. 1). В течение года экономика страны пережила усилившееся давление комплекса ограничений со стороны недружественных стран, результатами которых стали ощутимая деформация производственно-логистических цепочек и снижение доходов бизнеса и населения.

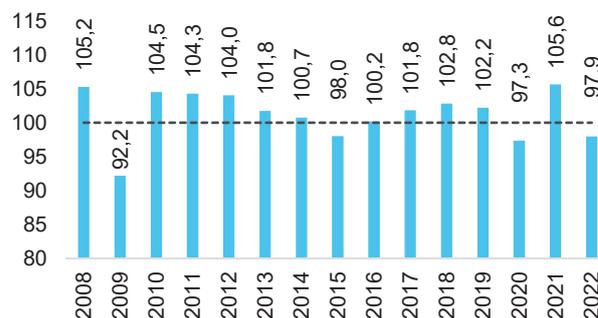

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к предыдущему году

Для цитирования: Сидоров М.А. (2023). Мониторинг экономики: итоги 2022 года // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 145–157. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.10

For citation: Sidorov M.A. (2023). Monitoring of the economy: results of 2022. *Problems of Territory's Development*, 27 (2), 145–157. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.10

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь – декабрь 2022 года сопоставляется с январем – декабрем 2021 года.

▲ Российская экономика продемонстрировала способность к достаточно быстрой адаптации, о чем косвенно свидетельствует динамика индекса предпринимательской уверенности: в феврале 2023 года уровень предпринимательской уверенности в обрабатывающей и добывающей промышленности превысил значение февраля предыдущего года (рис. 2).

▼ При этом в сфере услуг в I квартале 2023 года сохранились негативные ожидания, в строительстве уровень предпринимательской уверенности снизился почти вдвое.

1. Производство валового продукта

Территории страны были в различной степени затронуты необходимостью приспособиться к новым условиям хозяйствования, при этом Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) стал одним из наиболее пострадавших макрорегионов. В частности, в СЗФО было произведено на 1,9% меньше

товаров и услуг в физическом объеме по базовым видам экономической деятельности, тогда как в целом по стране снижение выпуска составило 1,3% (рис. 3). Спад производства зафиксирован в большинстве регионов округа, при этом наиболее негативная динамика отмечена в Калининградской, Архангельской и Вологодской областях. Показатель вырос только в Ненецком автономном округе и Санкт-Петербурге.

▼ Выпуск **промышленности** в РФ снизился на 0,6%, при этом производство продукции обрабатывающей индустрии сократилось на 1,3% (табл. 1). В СЗФО зафиксирован спад промышленного производства на 0,9% (в том числе в обрабатывающей промышленности на 2%), что стало одним из худших результатов среди остальных округов. Снижение показателя отмечено почти во всех регионах СЗФО, за исключением Санкт-Петербурга и ряда сырьевых регионов.

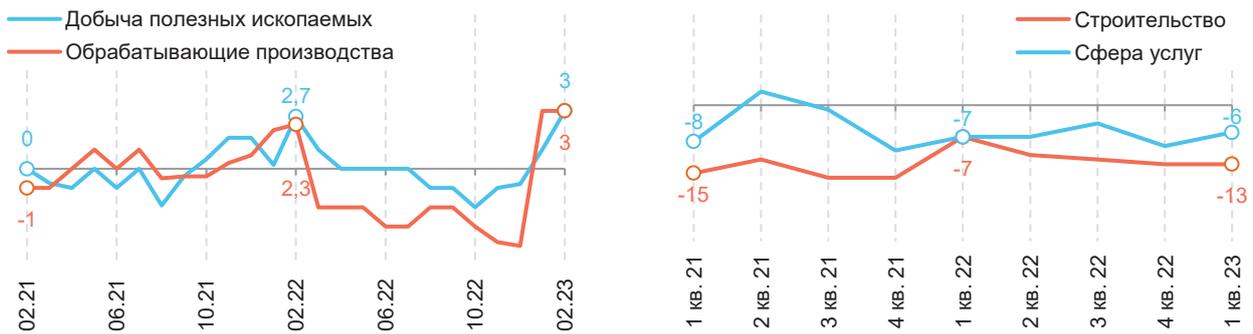

Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности, %

Рис. 3. Динамика выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности* в 2022 году по федеральным округам и регионам СЗФО, % к предыдущему году

* В состав базовых видов экономической деятельности входят растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; деятельность пассажирского и грузового транспорта.

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года*

	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	р**
Промышленное производство						
РФ	106,3	105,1	101,2	100,4	99,4	-
СЗФО	105,2	102,6	99,9	97,6	99,1	7
НАО	102,4	123,9	115,6	114,2	112,3	5
СПб	106,4	98,2	97,9	94,6	103,9	19
Ком	101,7	108,5	105,9	105,0	103,3	21
Пск	105,6	95,9	97,8	100,8	98,6	49
Лен	107,9	102,9	99,3	97,6	97,1	59
Мур	105,7	110,1	106,0	97,8	95,9	68
Вол	101,0	99,4	95,6	95,6	94,4	71
Арх	100,9	97,6	98,3	99,6	94,1	72
Нов	106,8	104,4	99,2	95,2	92,7	78
Кар	101,2	97,9	95,2	93,1	91,4	80
Клн	104,3	94,0	86,6	84,2	82,4	83
Добыча полезных ископаемых						
РФ	104,2	107,4	103,1	102,0	100,8	-
СЗФО	102,2	113,5	108,2	106,7	104,8	1
НАО	102,4	124,3	115,8	114,2	112,4	10
Лен	98,7	108,3	109,8	110,5	109,8	12
Ком	99,7	112,3	108,7	107,9	106,3	15
Арх	123,9	98,4	107,9	105,8	100,5	35
Пск	106,5	120,9	103,8	101,4	96,7	50
Вол	100,3	113,1	96,1	99,2	96,4	51
Кар	104,2	100,5	95,2	94,4	94,0	63
Нов	133,4	104,8	98,0	94,5	93,0	66
Мур	98,2	96,6	93,6	92,5	90,1	68
Клн	98,7	86,3	88,5	87,1	86,8	75
СПб	131,4	136,8	93,4	78,2	67,9	83
Обрабатывающие производства						
РФ	107,4	104,9	100,3	99,5	98,7	-
СЗФО	105,6	101,7	98,3	95,7	98,0	7
НАО	107,6	138,7	132,1	122,5	109,6	12
СПб	105,8	99,1	98,2	94,8	105,1	19
Пск	104,4	92,2	97,7	102,6	100,5	38
Мур	110,1	121,5	113,7	99,6	98,1	58
Лен	107,5	105,2	99,8	97,9	97,3	62
Ком	107,8	100,0	98,7	97,2	94,8	67
Вол	101,9	98,2	94,0	94,4	93,5	72
Арх	97,4	98,8	97,5	99,4	92,9	76
Нов	105,7	105,8	99,5	95,1	91,8	79
Кар	99,8	96,5	94,7	91,1	88,5	81
Клн	103,1	93,5	84,4	81,9	80,5	83

* Условные обозначения: Вол – Вологодская область, Кар – Республика Карелия, Ком – Республика Коми, НАО – Ненецкий автономный округ, Арх – Архангельская область кроме Ненецкого автономного округа, Клн – Калининградская область, Лен – Ленинградская область, Мур – Мурманская область, Нов – Новгородская область, Пск – Псковская область, СПб – Санкт-Петербург.

** Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации по динамике показателя в январе – декабре 2022 года (если не оговорено иное), без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

↗ Динамика добычи полезных ископаемых в стране осталась позитивной (прирост на 0,8%). СЗФО также продемонстрировал высокий на фоне остальных федеральных округов прирост выпуска добывающей промышленности (на 4,8%). В частности, в Ненецком автономном округе и Республике Карелии, добывающих суммарно более 70% полезных ископаемых в СЗФО, отмечен рост показателя на 12,4 и 6,3% соответственно.

↘ Результаты функционирования экономики СЗФО в изменившихся условиях хозяйствования отразились на отраслевой динамике промышленного производства – кратко их можно охарактеризовать как упрощение. В частности, в сфере добычи полезных ископаемых зафиксированы рост выпуска первичных энергоресурсов и снижение объема производства металлических руд (вследствие снижения производственного потребления металлоемкого машиностроения и строительства), две трети которого добывается в Мурманской области и еще треть – в Республике Карелии (рис. 4).

↗ В секторе промышленности конечного спроса продолжился рост выпуска. Наиболее заметным стало увеличение производства отраслей легкой промышленности: одежды – на 127,1%, кожи и изделий из кожи – на 22,2%. Отмечен прирост выпуска лекарственных средств и материалов (на 16,9%), отчасти подкрепленный вводом в эксплуатацию производственного корпуса фармацевтического завода «Северная звезда» (Ленинградская область): «Производственный корпус <...> предназначен для выпуска готовых лекарственных средств – инъекционных растворов, глазных капель и спреев в годовом объеме: 140 млн уп. ампул, 13 млн уп. глазных капель, 10 млн уп. спреев. Объем инвестиций в проект составил более 1 млрд руб., создано более 250 рабочих мест»². Помимо этого существенно увеличилось производство напитков (на 14%), что может быть связано с наращиванием выпуска импортозамещающей продукции, а также с локализацией производств. Схожая ситуация

² Ампулы, спреи и капли – в регионе расширяется фармацевтика. URL: <https://lenobl.ru/ru/dlya-smi/news/51120> (дата обращения 21.03.2023).

Рис. 4. Прирост объемов промышленного производства СЗФО в 2022 году, % к предыдущему году

наблюдалась в производстве прочих готовых изделий (прирост их выпуска составил 10,3%).

❗ Динамика отраслей **сектора промышленности промежуточного спроса** была негативной. В частности, отмечен глубокий спад производства (в размере 16,3%) продукции деревообрабатывающей промышленности, затронувший все специализирующиеся на этой отрасли регионы СЗФО. Снижение выпуска кокса (на 3,1%) непосредственно связано со спадом выпуска металлургической индустрии Вологодской области, перерабатывающей металлургиче-

ский кокс для собственного производственного потребления. Снижился также выпуск нефтепродуктов (на 4,2%), производящихся преимущественно в Ленинградской области.

Химическое производство сократилось на 0,4%, при этом определенный вклад в стабилизацию динамики индикатора внесло открытие новых производственных линий (например, запуск производства кальциевой селитры³ на заводе «Акрон» в Новгородской области и карбоксилатов⁴ на мощностях «Полипласт Северо-Запад» в Ленинградской области).

³ «Акрон» запустил производство кальциевой селитры в Великом Новгороде. URL: <https://www.acron.ru/press-center/press-releases/200946> (дата обращения 21.03.2023).

⁴ 27 мая в Кингисеппе – торжественное открытие «Нового производственного корпуса» компании «Полипласт Северо-Запад». URL: <http://www.кингисепп-сегодня.рф/news/block-15562> (дата обращения 21.03.2023).

❖ Отрасли **сектора промышленности инвестиционного спроса** вследствие нарушения производственно-логистических цепочек испытали наиболее болезненный спад производства, в частности выпуск автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов сократился почти в пять раз. Существенно снизилось производство электрооборудования (на 15,5%), транспортных средств и оборудования (на 11,1%) и других отраслей машиностроения. В другой сфере промышленности инвестиционного спроса – производстве неметаллических минеральных стройматериалов – выпуск продукции увеличился на 4,8%.

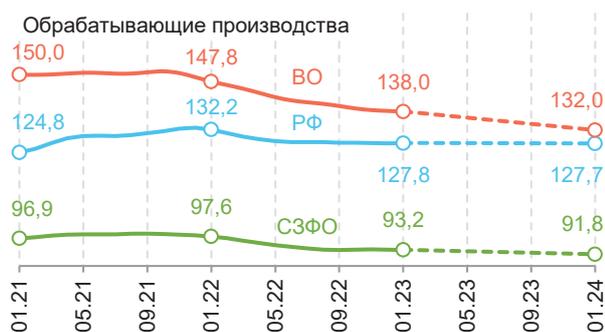
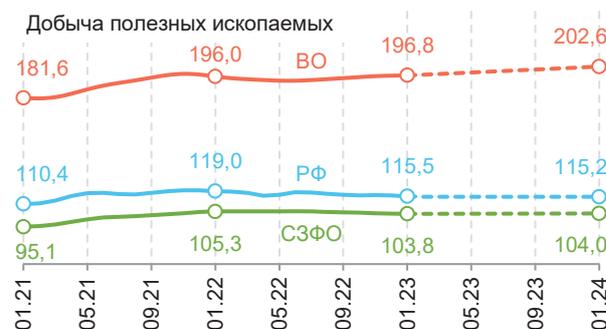
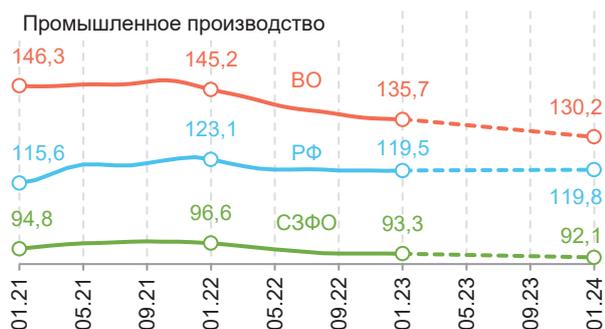
⬆️ **Сельское хозяйство** в РФ увеличило выпуск на 10,2% (табл. 2). В СЗФО значение индекса сельскохозяйственного производства было положительным, но более низким по сравнению с остальными федеральными округами (100,7%). Отмечен прирост показателя в Ленинградской области (на 2,7%), производящей 30% от общего объема сельскохозяйственной продукции СЗФО, а также в поставляющих суммарно еще 31% Вологодской и Калининградской

областях (на 4,5 и 4,8% соответственно). При этом позитивная динамика в большинстве регионов во многом нивелируется существенным снижением показателя на 8% в Псковской области, вклад которой в отгрузку сельскохозяйственной продукции составляет 23%.

Таблица 2. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	Р
РФ	99,6	105,4	107,3	110,6	110,2	-
СЗФО	99,2	95,9	97,3	100,4	100,7	8
Вол	100,7	100,9	99,3	105,4	104,8	41
Клн	99,8	107,0	106,3	106,2	104,5	43
Лен	101,2	103,4	102,5	103,1	102,7	52
НАО	125,6	97,6	98,5	100,3	101,1	61
Кар	94,5	99,8	98,6	100,7	100,5	67
Нов	91,6	86,4	88,7	93,4	100,1	69
Арх	99,6	98,5	98,9	99,1	99,0	72
Ком	98,4	96,8	97,9	96,0	97,0	75
Мур	106,5	92,1	90,8	92,2	92,7	81
Пск	97,7	76,7	82,6	89,8	92,0	83

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2020–2024 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Северо-Западный федеральный округ — Вологодская область

На **рынке труда** зафиксированы позитивные изменения.

↗ Уровень безработицы в России в IV квартале 2022 года опустился в сравнении с IV кварталом 2021 года на 0,6 п. п. до 3,7% (табл. 3). В СЗФО индикатор увеличился до 3,3%, что обусловлено ростом уровня безработицы в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Таблица 3. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	IV кв. 2021 г.	I кв. 2022 г.	II кв. 2022 г.	III кв. 2022 г.	IV кв. 2022 г.	Р
Уровень безработицы, % от численности занятых						
РФ	4,3	4,3	4,2	4,0	3,7	-
СЗФО	3,2	3,3	3,1	3,1	3,3	3
СПб	1,5	1,5	1,6	1,4	2,1	1
Нов	3,2	3,2	3,3	3,7	2,7	11
Клн	3,7	4,5	3,3	3,2	3,2	22
Вол	3,7	3,9	3,0	3,6	3,3	31
Лен	2,9	3,2	2,6	3,0	3,3	32
Пск	4,0	4,0	4,1	4,1	3,8	48
Мур	4,7	4,5	4,9	5,2	4,5	60
Арх	6,2	6,4	5,5	5,5	5,6	65
Кар	6,5	6,0	6,3	5,8	5,8	66
НАО	7,3	6,4	7,5	8,2	6,4	70
Ком	7,3	7,5	7,5	7,1	6,5	71
	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	Р
Потребность работодателей в работниках						
РФ	128,6	126,4	121,3	117,8	115,3	-
СЗФО	121,3	124,2	118,5	115,2	113,4	5
Лен	127,3	134,4	135,2	134,8	133,6	5
Кар	131,0	140,3	127,6	125,4	123,1	13
Нов	139,5	132,7	120,9	123,1	120,9	16
СПб	127,1	129,2	121,9	116,2	114,7	38
НАО	110,0	125,6	106,5	109,0	113,0	47
Мур	100,2	129,7	122,1	115,6	111,3	55
Вол	117,1	131,5	119,3	114,8	106,8	69
Клн	133,7	107,4	103,5	103,2	103,4	74
Арх	111,4	100,3	100,7	102,9	103,1	75
Пск	114,6	108,8	104,9	102,1	99,8	81
Ком	99,2	89,3	90,3	93,6	94,0	85

↗ Объем заявленной в службы занятости страны потребности работодателей в работниках вырос на 15,3%. В СЗФО динамика показателя также положительная (прирост на

13,4%). В большинстве регионов округа отмечено существенное увеличение индикатора, в частности в Ленинградской области заявленная потребность в работниках увеличилась более чем на треть, в Карелии – на 23,1%. При этом у Республики Коми худший результат в стране по динамике зарегистрированных вакансий (-6%).

2. Образование доходов

На стадии образования доходов большинство индикаторов демонстрируют негативную динамику.

↘ **Реальные денежные доходы** россиян сократились на 1,4%, жителей СЗФО – на 2,5% (что является худшим результатом среди остальных федеральных округов; табл. 4). Среди регионов округа лишь Новгородская область продемонстрировала прирост реальных денежных доходов населения (на 1%).

↘ **Реальная начисленная заработная плата** в среднем по стране снизилась на 1%. В СЗФО заработная плата уменьшилась на 1,2%. Увеличение индикатора зафиксировано только в Вологодской и Новгородской областях (на 0,6 и 0,1% соответственно). Наиболее негативная динамика зарплат отмечена в Архангельской и Калининградской областях (снижение 4,4 и 3,5% соответственно).

↗ **Реальный размер назначенных пенсий** россиян увеличился на 0,8%, в СЗФО – на 0,6%. Наблюдаемое снижение реального размера пенсий в Архангельской и Новгородской областях предположительно свидетельствует об отставании указанных регионов по темпам индексации.

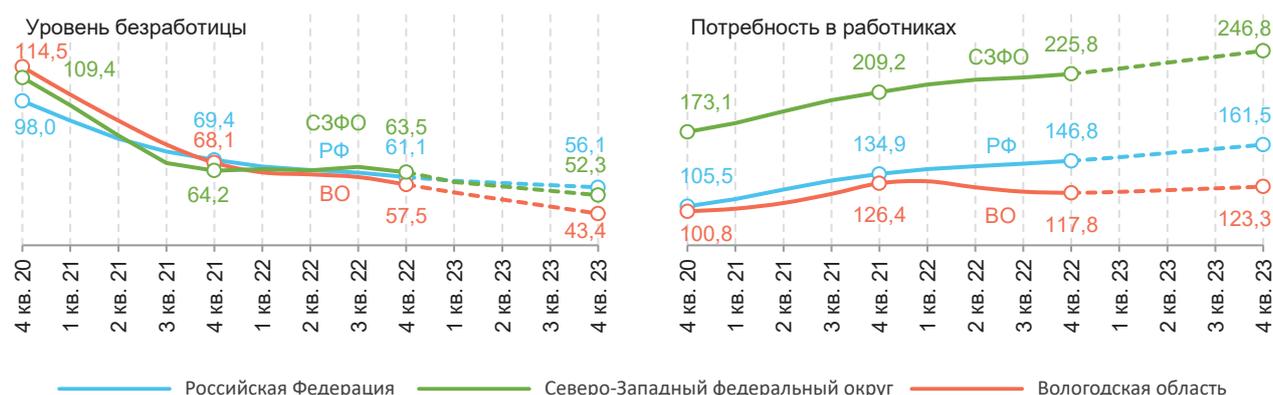
↘ **Сальдированный финансовый результат** деятельности организаций РФ с учетом инфляции продемонстрировал снижение на 12,8%. Предприниматели СЗФО перенесли наибольший спад финансового результата в сравнении с остальными федеральными округами (на 29,6%). Значимым фактором снижения сальдированного финансового результата в целом по округу стала негативная динамика индикатора в Санкт-Петербурге (где зарегистрирован спад почти наполовину).

Таблица 4. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

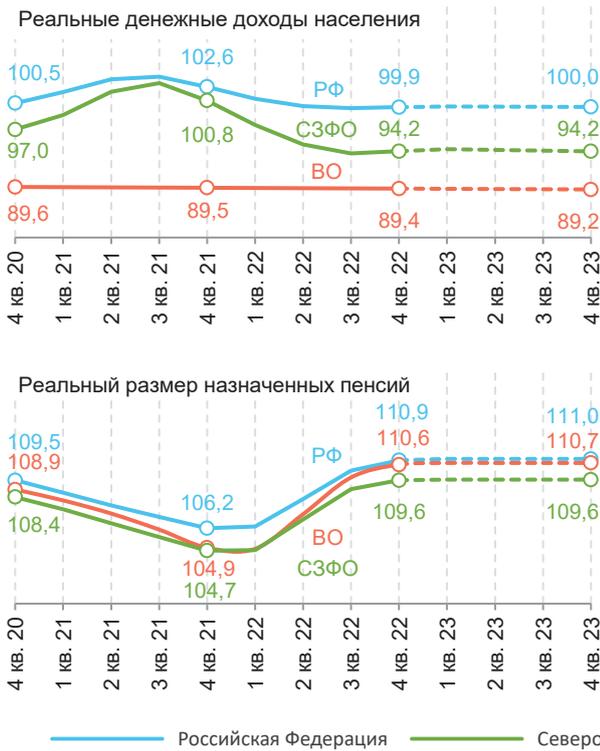
	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	Р
Реальные денежные доходы населения						
РФ	103,8	101,8	95,7	93,8	98,6	-
СЗФО	105,6	104,2	96,1	91,1	97,5	8
Нов	103,1	106,5	100,7	97,2	101,0	7
Лен	105,4	98,6	98,4	94,3	98,7	26
НАО	99,6	106,8	102,3	100,3	98,5	27
СПб	109,5	107,3	94,2	87,1	98,4	30
Пск	103,3	103,6	96,2	93,6	97,5	46
Мур	102,7	100,2	96,4	93,5	96,4	63
Вол	99,4	108,4	100,2	97,1	96,3	65
Кар	99,4	98,6	95,9	94,5	96,1	67
Ком	98,9	98,1	97,1	96,4	95,1	74
Арх	100,1	101,8	97,4	95,4	94,7	76
Клн	101,4	101,8	96,2	93,5	93,7	81
Реальная начисленная заработная плата						
РФ	104,5	104,5	103,1	98,7	99,0	-
СЗФО	104,3	104,3	102,1	98,4	98,8	-
Вол	99,4	99,4	109,7	102,6	100,6	-
Нов	107,9	107,9	100,7	97,8	100,1	-
Лен	102,9	102,9	99,9	98,5	99,0	-
Мур	104,8	104,8	104,3	100,3	99,0	-
Ком	100,2	100,2	100,0	96,6	98,9	-
СПб	104,2	104,2	101,4	97,5	98,0	-
НАО	100,2	100,2	98,9	95,8	97,6	-
Кар	99,1	99,1	99,4	96,1	97,2	-
Пск	105,7	105,7	100,6	97,7	97,1	-
Клн	105,6	105,6	100,8	96,5	96,5	-
Арх	102,5	102,5	95,1	93,7	95,6	-

Реальный размер назначенных пенсий						
РФ	97,0	91,3	96,7	99,8	100,8	-
СЗФО	97,1	91,0	96,5	99,7	100,6	-
Пск	97,8	93,6	98,4	101,3	101,9	-
Вол	96,6	93,2	97,6	100,8	101,7	-
Мур	97,0	92,8	98,0	100,8	101,6	-
Кар	97,0	90,2	96,1	100,0	101,2	-
Лен	96,8	91,4	96,7	100,2	101,1	-
СПб	97,2	91,6	96,4	99,9	100,9	-
Клн	97,3	90,4	95,8	99,2	100,6	-
Ком	98,5	91,4	96,3	99,5	100,5	-
НАО	96,7	88,5	95,2	99,1	100,3	-
Нов	98,1	90,2	94,6	97,3	97,8	-
Арх	99,4	87,1	92,8	95,6	96,1	-
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций						
РФ	256,2	131,8	132,0	97,3	87,2	-
СЗФО	975,3	152,3	134,2	94,6	70,4	8
НАО	-	681,7	229,3	724,7	491,8	1
Арх	101,9	-	-	-	200,1	3
Пск	214,4	63,0	88,4	103,6	147,0	8
Вол	225,3	131,8	253,4	125,8	145,6	9
Лен	195,4	186,6	155,3	128,4	127,4	16
Нов	504,6	476,9	223,3	132,6	89,1	43
Клн	388,8	403,7	90,6	85,6	86,1	48
Мур	180,5	139,5	98,0	79,0	78,4	55
Ком	902,1	386,6	94,5	89,8	72,8	61
СПб	-	125,1	119,7	85,9	52,6	72
Кар	267,0	79,4	64,3	44,2	40,8	77

Тренды развития рынка труда в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

3. Конечное использование

В сфере **потребительского спроса** также прослеживается накапливающееся ухудшение показателей.

❖ **Оборот розничной торговли** в целом по России уменьшился на 6,7%, в СЗФО – на 8,2% (табл. 5), причем показатель снижался существенно сильнее доходов населения. Отметим, что более негативный результат зафиксирован только в Центральном федеральном округе. Это может свидетельствовать об ослаблении роли «двух столиц» в генерировании торгового оборота (в Санкт-Петербурге снижение индикатора составило 12,5%, в Московской области и Москве – 14,5 и 9,7% соответственно). В целом по стране оборот торговли непродовольственными товарами сократился на 11,1%, продовольственными – на 1,5%. В СЗФО снижение оборота торговли непродовольственными товарами (в целом по макрорегиону на 15,2%) затронуло все регионы за исключением Новгородской области (где наблюдался прирост индикатора на 1%), при этом в Санкт-Петербурге спад составил 19,6%. Оборот торговли продовольственными товарами в СЗФО увеличился на 1,5%, чему способствовал рост показателя в Ленин-

градской и Псковской областях (на 5,6 и 4,5% соответственно). Однако в Республике Коми, Новгородской области и Республике Карелии зафиксировано снижение оборота торговли продовольственными товарами (на 5,2, 3,5 и 2,8% соответственно).

Таблица 5. Динамика потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	Р
Оборот розничной торговли						
РФ	107,8	103,5	96,6	94,4	93,3	-
СЗФО	111,7	105,2	96,7	93,5	91,8	7
Пск	107,9	107,4	102,4	101,8	100,7	9
Мур	100,5	99,1	99,4	99,4	99,4	19
Нов	105,1	101,2	98,6	97,8	98,8	21
НАО	100,4	100,6	99,4	98,8	97,7	29
Клн	112,0	101,8	97,8	96,4	96,0	41
Лен	110,7	108,9	104,0	98,3	94,9	48
Вол	104,3	109,0	100,7	97,1	94,7	51
Арх	102,6	100,1	94,1	93,1	92,6	72
Кар	101,8	99,2	92,4	91,7	91,7	76
Ком	101,6	95,1	90,7	90,8	91,3	77
СПб	118,1	106,9	94,3	89,8	87,5	83

Объем платных услуг населению						
РФ	117,2	107,9	104,9	104,0	103,6	-
СЗФО	119,2	105,1	103,2	103,0	103,2	5
Лен	115,2	105,2	105,8	106,1	105,2	12
СПб	124,5	107,2	104,5	104,2	105,0	14
Кар	118,1	106,7	106,1	105,1	104,2	24
Клн	119,3	105,2	104,8	104,2	104,1	26
Нов	110,6	101,1	102,4	102,3	101,6	45
Пск	111,4	102,4	101,5	101,2	101,1	48
Вол	110,0	101,8	101,3	101,3	100,7	55
Мур	112,8	105,4	103,1	101,6	100,7	55
Ком	109,0	97,4	97,1	97,0	97,5	76
НАО	105,2	96,7	93,4	94,2	94,7	81
Арх	114,5	99,3	93,1	94,3	94,7	81
Индекс потребительских цен						
РФ	108,4	110,0	111,4	110,5	111,9	-
СЗФО	108,5	110,3	111,1	110,3	111,9	5
Лен	108,0	108,1	109,9	109,2	110,8	11
Нов	107,4	108,2	110,3	109,4	111,1	14
Ком	107,5	110,5	111,2	110,0	111,4	24
СПб	108,7	110,3	110,7	110,0	111,5	26
Кар	109,4	111,4	112,6	110,1	111,8	30
Арх	109,6	113,1	112,8	111,0	111,9	33
Пск	108,1	109,3	111,3	110,4	112,0	35
Вол	109,3	110,5	111,3	110,9	112,6	54
Клн	109,5	111,4	111,7	110,8	112,9	65
Мур	107,2	110,6	113,3	112,5	115,3	79
НАО	103,7	108,7	113,0	109,6	115,6	81
Индекс цен производителей промышленных товаров (к декабрю предыдущего года)						
РФ	128,5	110,2	104,6	100,4	96,7	-
СЗФО	120,5	108,2	105,1	102,6	102,4	7
НАО	135,8	123,1	107,0	101,2	76,0	1
Вол	148,6	103,4	90,0	76,6	77,3	2
Ком	143,0	108,1	93,0	90,7	89,0	7
Кар	131,6	110,9	99,3	92,8	93,6	16
Арх	122,4	104,5	107,0	99,8	100,2	26
Нов	121,7	102,8	101,9	100,7	101,6	32
Пск	115,9	106,4	107,0	106,6	105,4	47
Клн	110,8	109,5	113,1	106,4	105,5	48
Лен	110,0	104,1	106,0	110,5	108,9	62
СПб	111,8	106,3	114,5	115,9	115,3	76
Мур	106,4	124,9	103,4	106,5	121,0	81

⬆️ Объем оказанных населению страны **платных услуг** увеличился на 3,6%, в СЗФО – на 3,2% после прироста годом ранее на 17,2 и 19,9% соответственно. В Архангельской области и Ненецком автономном округе зафиксировано снижение показателя на 5,3%, в Республике Коми отмечен спад на 2,5%, в остальных регионах динамика была положительной. Наиболее существенным стало увеличение объема оказанных населению платных услуг в Ленинградской области и Санкт-Петербурге (на 5,2 и 5% соответственно).

⬆️ **Потребительская инфляция** в России ускорилась и составила 11,9% к декабрю предыдущего года (годом ранее индекс потребительских цен находился на уровне 108,4%). Наибольшее повышение цен пришлось на непродовольственные товары (на 12,7%); цены на продовольственную продукцию выросли на 10,3%, цены на услуги ЖКХ увеличились на 10,7%. В СЗФО инфляция составила 11,5%, непродовольственные товары в макрорегионе дорожали быстрее, чем продовольственные (на 14,2 и 9,5% соответственно). Наибольший рост цен на непродовольственные товары зафиксирован в Ненецком автономном округе и Мурманской области (на 21,1 и 18,3% соответственно). В то же время в Мурманской и Калининградской областях произошло резкое подорожание продовольственных товаров (на 14,2 и 12,9% соответственно). Цены на услуги ЖКХ в макрорегионе выросли на 8,4%, при этом наиболее существенным стал рост цен в Псковской области (на 13,3%). В целом можно говорить о стабилизации потребительской инфляции, так как в III–IV кварталах ее ускорение практически прекратилось, на что в определенной степени оказала воздействие позитивная динамика цен производителей промышленных товаров.

⬆️ В целом по России **цены производителей промышленных товаров** снизились на 3,3% к декабрю предыдущего года после увеличения на 28,5% годом ранее. В СЗФО цены на промышленные товары выросли лишь на 2,4%, что также существенно меньше подорожания в предыдущем году. Наиболее существенным стал рост цен на продукцию

промышленности Мурманской области и Санкт-Петербурга (на 21 и 15,3% соответственно), экономика которых отчасти специализируется на импортозависимом машиностроении. При этом стабилизирующим фактором выступило резкое снижение цены на продукцию промышленности экспортно-ориентированных регионов, которая во многом определяется внешней конъюнктурой. В частности, в Ненецком автономном округе отмечено снижение показателя на 24%, в Вологодской области – на 22,7%.

📈 В **строительстве** России отмечен прирост объема выполненных работ (на 5,2%), **ввод жилья** при этом вырос на 11% (табл. 6). В СЗФО прирост ввода жилья составил 8,4%, увеличение показателя произошло во всех регионах округа за исключением Республики Карелии (где отмечено снижение на 4,5%). Отметим, что резкое увеличение объема вводимого жилья в Мурманской области и Ненецком автономном округе (в 3,5 и 2 раза соответственно) отчасти связано с изначально низкими темпами жилого строительства.

Таблица 6. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	Р
Объем работ по ВЭД «Строительство»						
РФ	107,0	103,9	103,7	104,4	105,2	-
СЗФО	103,7	95,9	92,9	91,1	89,5	8
Кар	104,9	156,7	148,2	138,6	135,2	8
Клн	81,7	90,0	98,9	115,2	117,5	18
Нов	109,1	57,9	70,5	89,0	112,5	24
Пск	95,2	195,8	101,5	107,0	107,1	33
СПб	96,3	102,4	97,9	97,5	98,0	54
НАО	100,4	89,4	93,0	83,2	95,3	56
Мур	141,6	93,4	85,4	78,5	87,0	67
Лен	108,2	113,8	105,6	89,3	79,4	74
Вол	102,6	50,9	62,7	74,1	72,9	79
Ком	87,1	63,8	70,7	66,9	66,9	81
Арх	152,4	81,9	78,7	78,4	59,1	84
Ввод жилых домов						
РФ	112,7	164,6	144,2	126,5	111,0	-
СЗФО	113,3	143,3	138,8	114,9	108,4	6
Мур	142,8	429,8	454,9	423,2	355,2	1
НАО	80,5	594,4	293,7	276,4	200,8	2
Лен	127,0	106,6	120,4	117,4	117,2	22

Ком	87,8	354,8	161,5	146,9	113,0	25
Нов	108,8	206,4	127,6	122,3	111,9	29
Пск	115,4	165,8	139,4	119,0	108,0	39
Клн	109,2	138,3	127,3	122,5	103,7	54
Вол	127,8	346,6	167,7	127,9	101,4	59
Арх	120,1	134,0	113,1	99,4	100,9	62
СПб	102,8	157,4	157,1	99,5	100,3	67
Кар	110,3	220,5	174,0	142,7	95,5	74
Объем выданных ипотечных кредитов						
РФ	118,3	103,5	62,6	71,6	75,5	-
СЗФО	112,8	100,3	61,7	69,2	70,7	8
Мур	114,9	111,7	62,8	74,2	77,4	25
Лен	113,0	99,8	62,2	73,5	76,2	43
НАО	119,7	93,9	62,8	79,2	73,7	45
Нов	105,1	106,7	59,8	69,3	73,3	56
Арх	105,6	99,6	57,3	66,2	72,8	59
Пск	104,9	102,5	63,0	70,7	72,6	60
Вол	108,2	107,9	61,0	67,3	70,7	69
Ком	104,7	91,7	55,3	64,9	70,3	72
СПб	116,2	99,9	63,8	70,0	69,5	76
Кар	100,2	96,6	53,8	61,8	68,3	79
Клн	110,9	99,1	54,9	59,9	62,9	84

📉 Индекс объема выполненных строительных работ в СЗФО сократился до 89,5%, что стало самым низким значением среди федеральных округов. Ряд регионов продемонстрировал существенное замедление темпов строительства, в частности в Архангельской области спад составил 40,9%, в Республике Коми – 33,1%, в Вологодской области – 27,1%. Позитивным моментом стало увеличение объема выполненных строительных работ в Республике Карелии более чем на треть, в Калининградской области – на 17,5%.

📉 **Объем выданных ипотечных кредитов** в стране снизился на 24,5%. В СЗФО спад уровня показателя был еще более резким и составил 29,3%. В наибольшей степени объем ипотечного кредитования сократился в Калининградской области (на 37,1%), в остальных регионах СЗФО также наблюдается тенденция к существенному снижению выдачи ипотечных кредитов, на что не в последнюю очередь влияет завершение программы льготного ипотечного кредитования.

📈 Объем **инвестиций** в основной капитал в РФ увеличился на 4,6% (табл. 7).

Таблица 7. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	Р
РФ	108,6	107,7	112,8	107,8	104,6	-
СЗФО	103,6	100,9	103,4	100,1	95,0	8
Клн	86,3	77,5	172,4	152,1	120,2	11
Лен	103,0	105,6	124,1	127,4	111,6	15
НАО	82,7	80,4	77,9	88,0	104,5	32
Кар	134,8	121,0	157,9	114,1	103,7	34
Нов	89,0	85,9	89,2	100,3	101,7	41
СПб	109,1	105,5	95,4	93,6	94,9	56
Арх	91,9	92,2	83,4	101,8	86,7	72
Мур	121,3	114,5	121,2	104,2	84,4	75
Ком	88,0	84,0	95,7	79,6	82,6	77
Пск	118,4	107,0	145,0	65,0	70,9	81
Вол	94,9	95,0	77,1	76,6	70,4	82

❖ В СЗФО динамика инвестиций была негативной – индекс их объема составил 95%. Столь существенное снижение может быть обусловлено перенаправлением инвестиций на трансформацию производственно-логистических цепочек, вызванную существенным осложнением доступа к европейским рынкам, на которые был направлен сбыт продукции ряда значимых отраслей макро-региона. При этом в территориальном разрезе динамика показателя различная. Так,

в Вологодской и Псковской областях объем инвестиций сократился на 29,6 и 29,1% соответственно, в то время как в Калининградской и Ленинградской областях зафиксирован рост показателя на 20,2 и 11,6% соответственно.

📈 **Цены на мировых рынках** в 2022 году на наиболее значимые для экспорта страны товары существенно выросли: природный газ подорожал в 2,5 раза, нефть – на 40,6%, фосфорсодержащие удобрения – на 28,5% (табл. 8). Согласно данным Федеральной таможенной службы, в долларовом объеме экспорт страны увеличился на 20%.

Таблица 8. Динамика мировых цен на товары, % к соответствующему периоду предыдущего года

	12 мес. 2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	12 мес. 2022 г.
Нефть	167,4	162,9	163,6	153,1	140,6
Газ	497,2	500,4	419,9	385,8	250,2
Мет.	182,4	131,7	126,2	105,5	91,9
ФУ	192,4	160,7	154,8	143,1	128,5

Условные обозначения: Мет. – металлопрокат, ФУ – фосфатные удобрения.

❖ При этом металлопрокат подешевел на 8,1%.

На начало марта 2023 года цены на металлопродукцию демонстрируют еще более существенное снижение как на мировом рынке, так и на отечественном (табл. 9, 10).

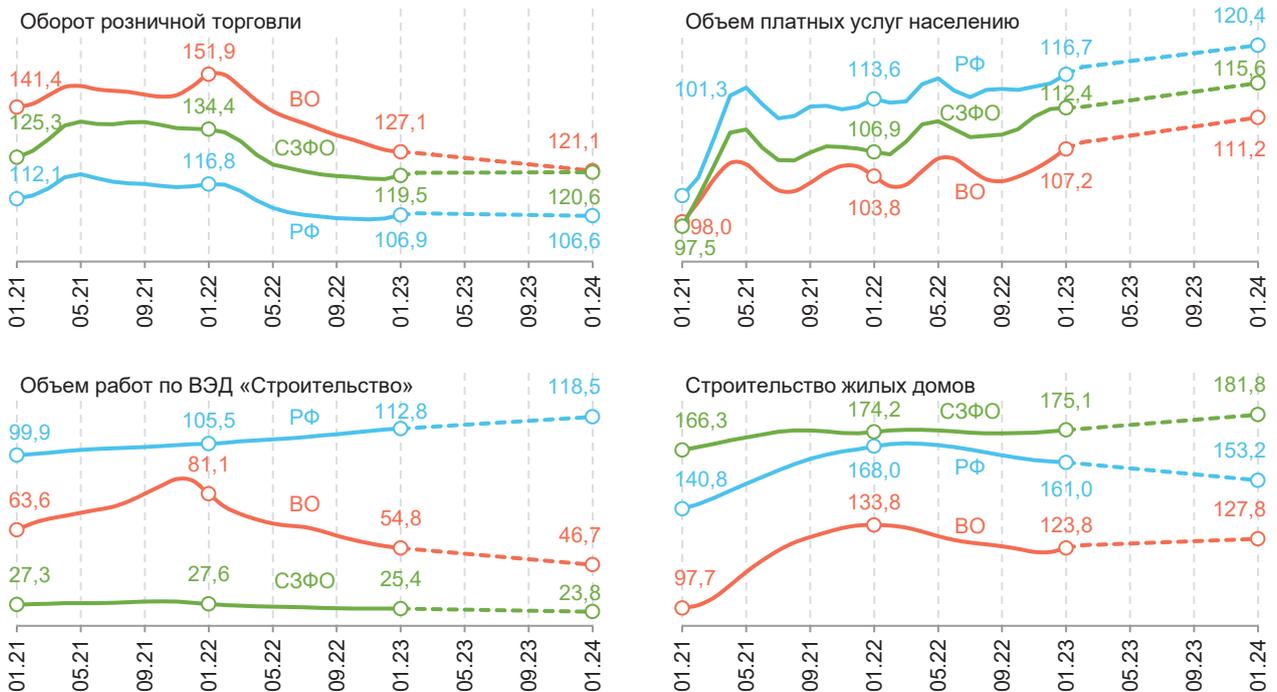
Таблица 9. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на начало марта соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2023 г.	2022 г.	2021 г.	2023 г., % к	
					2022 г.	2021 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	918	1250	995	73,4	92,2
Лист оцинкованный	долл. США	1000	1283	1075	77,9	93,0
Лист горячекатаный	долл. США	830	1098	853	75,6	97,4
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	860	925	693	93,0	124,2
Конструкционные профили	долл. США	930	1223	833	76,0	111,7
Сортовой прокат	долл. США	908	1068	808	85,0	112,4

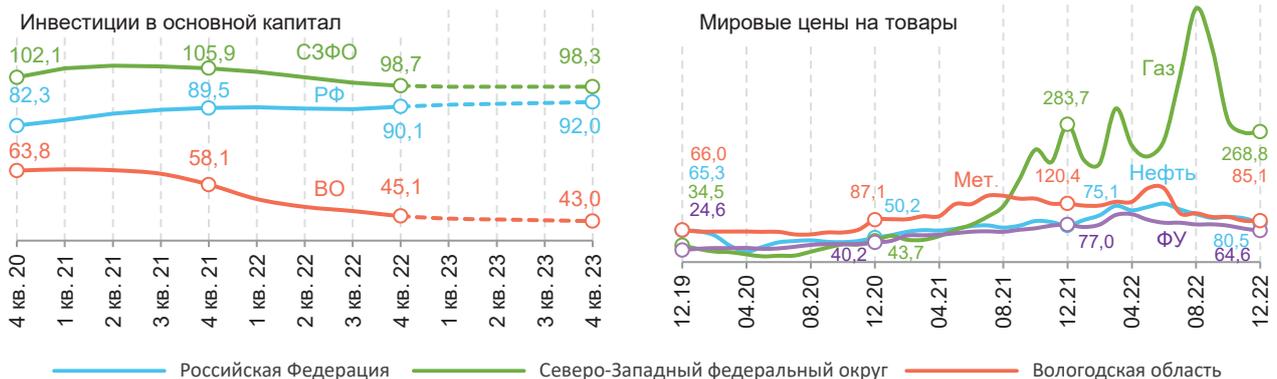
Таблица 10. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну
(на начало марта соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2023 г.	2022 г.	2021 г.	2023 г., % к	
					2022 г.	2021 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	74167	103343	87406	71,8	84,9
Лист оцинкованный	руб.	84040	113500	98617	74,0	85,2
Лист горячекатаный	руб.	69143	100713	66328	68,7	104,2
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	57133	79925	54677	71,5	104,5
Балка и швеллер	руб.	76217	99305	68618	76,8	111,1
Круг	руб.	57800	82700	61204	69,9	94,4
Уголок	руб.	61429	97522	57524	63,0	106,8

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2021–2024 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

Подводя итог, отметим, что в 2022 году СЗФО столкнулся с комплексом внутренних и внешних ограничений. Несмотря на масштабную государственную поддержку, экономике макрорегиона не удалось избежать последствий деформации производства логистических цепочек, которые были выстроены с опорой на поставки компонентов из недружественных стран. В результате снизился выпуск продукции, произошло упрощение промышленного производства, сократились доходы бизнеса и населения, а вместе с ними потребительский спрос. Существенно ухудшилась динамика инвестиций, строительства. При этом стабилизировалась инфляция, населению было оказано больше платных услуг, увеличилось количество заявленных вакансий, заметно стрем-

ление промышленных предприятий занять свободные ниши. В сложившейся ситуации критически важно предпринимать усилия по поддержанию потребительского спроса и предотвращать деградацию отраслей обрабатывающей промышленности, испытывающих наиболее острый компонентный голод и временно лишившихся ключевых рынков сбыта.

Источники: Росстат, Вологдастат, Федеральная таможенная служба, metaltorg.ru, metalinfo.ru, indexmundi.com

Материал подготовил
М.А. Сидоров
научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ФЕВРАЛЕ 2023 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.11 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В январе – феврале 2023 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском муниципальных округах и Кирилловском, Никольском, Шекснинском муниципальных районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины, женщины);
- возрасту (до 30 лет, от 30 до 55 лет, старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее, среднее специальное, высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Для обработки социологической информации и анализа данных используется индексный метод. Для расчета индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

❗ В феврале 2023 года по сравнению с декабрем 2022 года несколько ухудшились оценки социального настроения жителей области: доля тех, кто находится в «прекрасном настроении, нормальном, ровном состоянии», снизилась с 66 до 63%. Соответствующий индекс уменьшился на 4 п. (со 135 до 131 п.; табл. 1). В большинстве социально-демографических категорий населения за последние два месяца отмечаются негативные изменения. ❗ Наиболее существенное снижение индекса социального настроения наблюда-

Для цитирования: Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. (2023). Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в феврале 2023 года // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 158–166. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.11

For citation: Dement'eva I.N., Leonidova E.E. (2023). Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in February 2023. *Problems of Territory's Development*, 27 (2), 158–166. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.11

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Февр. 2023	Изменение (+/-), февр. 2023 к	
																дек. 2022	февр. 2022
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	66,7	67,3	69,3	66,4	68,6	70,0	64,1	65,6	62,6	-3	-7
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	27,3	28,1	26,6	29,0	27,0	24,8	31,1	30,9	31,6	+1	+5
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,6	139,4	139,3	142,7	137,5	141,6	145,2	133,0	134,7	131,0	-4	-12
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	75,8	76,9	76,4	75,7	78,9	79,3	75,4	75,6	75,7	0	-1
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	17,7	16,1	17,7	17,7	16,3	14,1	16,0	14,7	15,5	+1	-2
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	158,1	160,8	158,9	158,0	162,6	165,2	159,4	160,9	160,2	-1	+1

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

ются в возрастных группах до 30 лет (на 13 п., со 161 до 148 п.) и от 30 до 55 лет (на 7 п., со 142 до 135 п.), среди лиц со средним образованием (на 10 п., со 133 до 123 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 18 п., со 121 до 103 п.), а также в Череповце (на 5 п., со 140 до 135 п.) и районах (на 6 п., со 143 до 137 п.).

🕒 Оценки запаса терпения в среднем по региону сохранились на уровне двухмесячной давности: доля людей, считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составила 76%, удельный вес тех, кто не в состоянии «терпеть бедственное положение», – 16%. Соответствующий индекс равен 160 п. В разрезе социально-демографических групп населения за период с декабря 2022 года по февраль 2023 года оценки запаса терпения наиболее существенно улучшились в возрастной группе старше 55 лет (на 5 п., со 154 до 159 п.), среди лиц со средним специальным образованием (на 5 п., со 160 до 165 п.), ухудшились – в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 6 п., со 164

до 158 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 7 п., со 138 до 131 п.).

📌 В феврале 2023 года по сравнению с февралем 2022 года показатели социального настроения существенно ухудшились: индекс социального настроения уменьшился на 12 п. (со 143 до 131 п.). Индекс запаса терпения не претерпел значительных изменений (160 п.).

📈 В динамике самооценок материального положения в среднем по области в феврале 2023 года произошли положительные изменения. Рост фактических доходов наблюдался во всех группах, наиболее существенно – среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в категорию 20% наиболее обеспеченных (с 37550 до 38849 руб., табл. 2).

📈 В феврале 2023 года по сравнению с февралем 2022 года уровень доходов возрос во всех группах населения.

🕒 В период с декабря 2022 года по февраль 2023 года характер суждений об экономическом положении России и области практически не изменился. Доля положительных

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Февр. 2023	Изменение (+/-), февр. 2023 к	
															дек. 2022	февр. 2022
Доход на одного члена семьи, руб.																
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	8529	10008	9073	9827	9792	10595	10414	10347	11032	+685	+1959
60% среднеобеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	15741	17503	16514	16913	16925	17645	18187	18833	19566	+733	+3052
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	30338	37250	36246	36116	36559	36385	40641	37550	38849	+1299	+2603
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	17220	19953	18972	19333	19423	19987	21123	20879	21714	+835	+2742
Прожиточный минимум*, руб.	6563	9639	10658	11042	11509	11767	13633	12781	12781	14059	14059	14059	14059	14519	+460	+1738
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,8	0,7	0,7	0,8	+0,1	+0,1
60% среднеобеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,4	1,3	1,3	1,3	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3	0	0
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,6	2,7	2,8	2,8	2,6	2,6	2,9	2,7	2,7	0	-0,1
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4	1,5	1,5	1,5	0	0

* Источник: Постановления Правительства Вологодской области «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области» // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru>

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Февр. 2023	Изменение (+/-), февр. 2023 к	
															дек. 2022	февр. 2022
Экономическое положение России																
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	11,5	11,7	14,2	9,9	11,2	13,0	9,7	11,9	9,8	-2	-4
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	42,7	42,3	42,1	40,7	43,1	43,7	42,3	41,9	43,9	+2	+2
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	30,8	32,9	30,0	34,3	33,3	30,5	34,8	34,6	32,2	-2	+2
Индекс	85,2	70,7	87,2	88,6	80,6	80,8	78,7	84,2	75,6	77,9	82,5	74,9	77,3	77,6	0	-6
Экономическое положение области																
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	10,9	11,1	11,1	8,8	10,6	13,1	10,6	12,4	11,2	-1	0
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	40,4	40,1	39,9	38,3	40,2	41,3	39,1	41,7	44,5	+3	+5
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	35,9	36,5	36,4	38,7	37,3	34,6	37,6	34,5	32,8	-2	-4
Индекс	80,5	62,2	74,9	76,6	73,9	75,0	74,6	74,4	70,1	73,3	78,5	73,0	77,9	78,4	+1	+4
Материальное положение семьи																
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	8,4	8,8	9,2	7,3	8,2	10,2	8,8	9,3	9,0	0	0
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	48,6	47,9	47,9	47,5	47,9	46,7	48,6	48,5	50,7	+2	+3
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	32,4	32,2	33,4	34,4	32,3	31,2	30,3	31,3	30,2	-1	-3
Индекс	82,7	76,7	81,6	80,4	76,2	76,0	76,7	75,8	72,9	75,9	79,0	78,5	78,0	78,8	+1	+3

оценок относительно ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 10 и 11%, отрицательных – 32 и 33% соответственно

(табл. 3). В оценках населения в распределении по социально-демографическим группам заметных изменений не зафиксировано.

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Февр. 2023	Изменение (+/-), февр. 2023 к	
															дек. 2022	февр. 2022
В России																
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	37,2	27,5	34,1	29,2	28,0	28,6	22,3	22,8	22,0	-1	-12
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	47,2	56,9	50,6	56,6	55,9	54,0	61,4	62,9	64,3	+1	+14
Индекс	96,6	66,8	94,8	103,5	97,8	89,9	70,6	83,5	72,6	72,1	74,6	60,9	59,9	57,7	-2	-26
В области																
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	53,7	47,9	50,2	46,4	48,1	50,2	44,1	48,5	47,2	-1	-3
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	34,3	40,4	36,4	40,2	39,2	38,5	45,2	43,1	43,0	0	+7
Индекс	120,0	106,9	121,6	126,4	121,0	119,8	107,5	113,8	106,2	108,9	111,7	98,9	105,4	104,2	-1	-10

❖ В период с февраля 2022 года по февраль 2023 года оценки экономической ситуации в стране ухудшились (соответствующий индекс снизился на 6 п., с 84 до 78 п.),

✅ области – улучшились (соответствующий индекс возрос на 4 п., с 74 до 78 п.).

⦿ Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его хорошим, сохранился на уровне 9%, негативные суждения высказали 30% жителей региона. В большинстве социально-демографических групп населения заметных изменений не наблюдалось, за исключением лиц с высшим образованием и представителей 20%-й группы наиболее обеспеченных, где суждения ухудшились (на 6 п., с 87 до 81 п. и со 109 до 103 п.).

⦿ В феврале 2023 года индекс материального благополучия семьи сохранился на уровне февраля 2022 года (79 п.).

⦿ За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России и области не изменился: доля положительных оценок сохранилась на отметках 22 и 47%, отрицательных – 64 и 43%. Соответствующие индексы остались на уровне 58 и 104 п. (табл. 4).

❖ В разрезе социально-демографических групп заметное ухудшение оценок политической обстановки в стране наблюдалось в возрастной группе старше 55 лет (на 10 п., с 60 до 50 п.), среди лиц со средним специаль-

ным и высшим образованием (на 6 п., с 66 до 60 п. и с 57 до 51 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 17 п., с 81 до 64 п.), в Череповце (на 8 п., с 40 до 32 п.).

Отрицательные тенденции в оценках политической ситуации в области зафиксированы среди лиц со средним образованием (на 19 п., со 118 до 99 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 19 п., с 87 до 68 п.) и 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 8 п., со 116 до 108 п.), в Вологде (на 6 п., с 87 до 81 п.).

❖ По сравнению с февралем 2022 года индекс оценок политической обстановки в стране снизился на 26 п. (с 84 до 58 п.), в регионе – на 10 п. (со 114 до 104 п.).

Резюме

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в декабре 2022 года – феврале 2023 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области не произошло существенных изменений:

- не изменились оценки запаса социального терпения (соответствующий индекс фиксировался на отметке 160 п.);

- на прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (по 78 п.);

- существенно не изменились оценки политической обстановки в стране и регионе (58 и 104 п.);

– на уровне двухмесячной давности остались оценки материального положения семей (79 п.).

Исключение составляют оценки социального настроения населения. По данному показателю отмечаются негативные тенденции (соответствующий индекс снизился на 4 п., со 135 до 131 п.).

В распределении по социально-демографическим группам за два последних месяца наиболее заметные негативные тенденции отмечались в следующих категориях:

– в зависимости от возраста – в группе от 30 до 55 лет (индекс социального настроения снизился на 12 п., запаса терпения – на 6 п.);

– в зависимости от уровня образования – среди жителей области со средним образованием (индекс социального настроения снизился на 10 п., запаса терпения – на 5 п., политической ситуации в области – на 19 п.);

– в зависимости от уровня доходов – в 20%-й группе наименее обеспеченных жителей региона (индекс социального настроения уменьшился на 17 п., запаса терпения – на 7 п., индекс политической обстановки в регионе – на 19 п.); в 20%-й группе наиболее обеспеченных (индекс экономической ситуации в области снизился на 9 п., материального положения семьи – на 6 п., индексы политической обстановки в России и регионе уменьшились на 17 и 8 п. соответственно).

Отсутствие положительных тенденций в оценках населения Вологодской области по ключевым параметрам (оценки экономической и политической ситуации, материального положения) во многом обусловлено отсутствием позитивных изменений в динамике уровня жизни населения. По данным официальной статистики, в январе – ноябре 2022 года по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года реальные располагаемые денежные доходы населения составили 95,6%, индекс потребительских цен в 2022 году по отношению к 2021 году – 111,7%, в том числе на продовольственные товары – 112,7%, непродовольственные товары – 115,4, услуги – 109,8%¹.

С данными статистики коррелируют результаты социологических опросов: в феврале 2023 года, как и годом ранее, более 40% жителей региона относят себя к категории «бедных и нищих», 37% заявляют о низкой покупательной способности доходов («денег хватает в лучшем случае на еду»), индекс потребительских настроений составляет 82 пункта против 86 пунктов в феврале 2022 года.

Аналогичные тенденции характерны для России в целом. По данным холдинга «Ромир», в январе 2023 года россияне снизили потребительскую активность по сравнению не только с кануном Нового года, что объяснимо, но и с январем 2022 года: расходы в реальном выражении, если учесть инфляцию, сократились. Так, в январе 2023 года средние расходы россиян увеличились по сравнению с аналогичным периодом 2022 года примерно на 6% при годовой инфляции выше 11%, т. е. этот рост был ниже инфляции. Как сообщает фонд «Общественное мнение» (ФОМ), в январе увеличилась доля россиян, склонных к сбережениям, а не крупным покупкам: она составила 55% против 50% в январе 2022 года и 54% в январе 2021 года. По данным экспертов РАНХиГС, можно выделить такие тренды, как сокращение потребительской активности и воспроизводство практик потребительской экономии. Основными причинами этого являются проблемы с доходами населения, накопленная инфляция, опасения возможной будущей нестабильности².

О том, в каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ВолНЦ РАН, который пройдет в апреле 2023 года.

Материал подготовили

И.Н. Дементьева

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

¹ Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru>

² Башкатова А. Потребительским настроениям предсказали откат. В условиях двузначной инфляции покупатели начинают год экономно // Независимая газета. 01.02.2023. URL: <https://www.ng.ru/economics/2023-02-01>

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

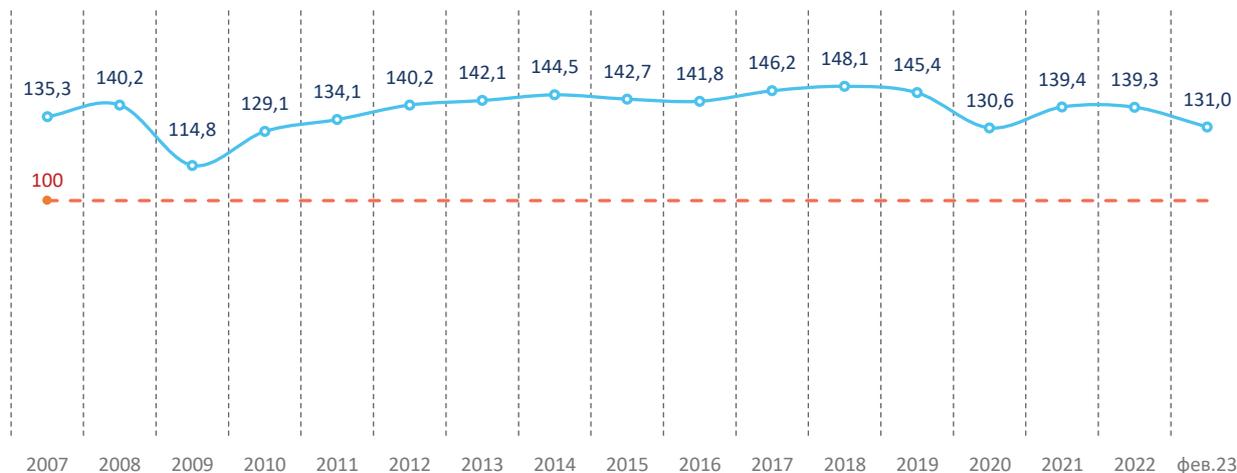

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

В начале 2023 года социальное настроение жителей Вологодской области ухудшилось. Значение индекса опустилось до уровня 2020 года и составляет 131 п., что на 8 пунктов ниже показателей 2021–2022 гг.

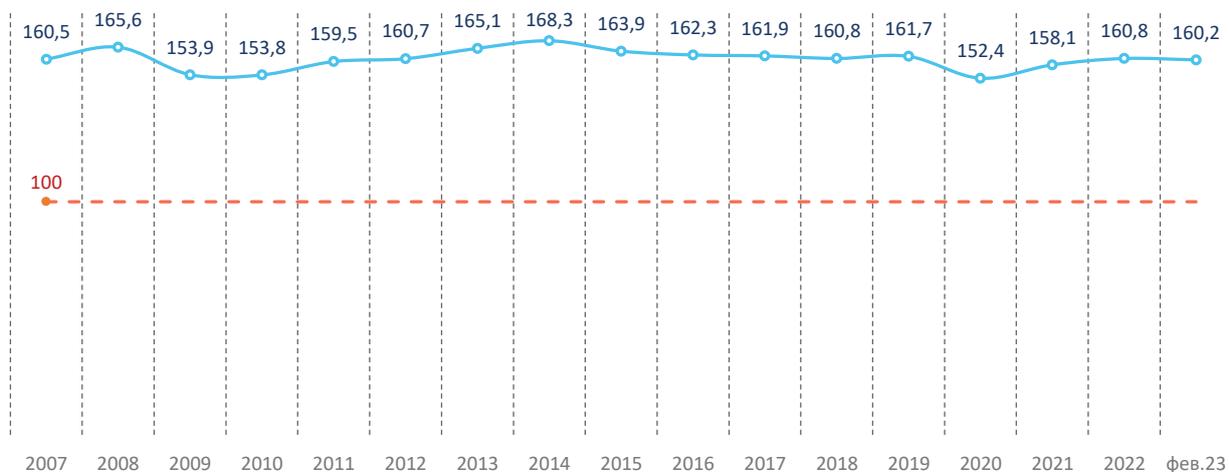

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

В феврале 2023 года индекс запаса терпения жителей Вологодской области не изменился и находится на уровне 2022 года (160–161 п.).

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- - -).

Представлены среднегодовые данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

В начале 2023 года по сравнению с 2022 годом доля населения Вологодской области, одобряющего деятельность Президента РФ, увеличилась на 4 п. п. (с 57 до 61%). В целом по России уровень одобрения работы главы государства находится на уровне 75–76%.

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В начале 2023 года по сравнению с 2022 годом доля положительных оценок населения Вологодской области относительно работы Правительства РФ повысилась на 3 п. п. (с 39 до 42%). В целом по России показатель одобрения деятельности Правительства РФ не изменился (49–50%).

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные ВЦИОМ (<https://wciom.ru>).

* Данные ВЦИОМ – одобрение деятельности Президента РФ и Правительства РФ: данные за 2 опроса, проведенные 05.02.2023 и 12.02.2023.

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений
(доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях
(доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

В начале 2023 года по сравнению с 2022 годом доля жителей Вологодской области, считающих возможными протестные выступления, снизилась на 4 п. п. (с 21 до 17%), а удельный вес населения России в целом, допускающего вероятность акций протеста, уменьшился на 2 п. п. (с 15 до 13%). Возможность личного участия в протестных акциях отмечают 15–16% населения региона и 12–13% жителей РФ.

* Данные ВЦИОМ – вероятность протестных выступлений: данные за 2 опроса, проведенных 05.02.2023 и 12.02.2023; возможность участия в выступлениях: данные опроса, проведенного 31.01.2023.

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В начале 2023 года произошли некоторые положительные изменения в оценочных суждениях жителей региона об экономическом положении области. По сравнению со среднегодовым значением 2022 года доля негативных оценок снизилась на 4 п. п. (с 37 до 33%) при одновременном увеличении удельного веса нейтральных характеристик на 5 п. п. (с 40 до 45%).

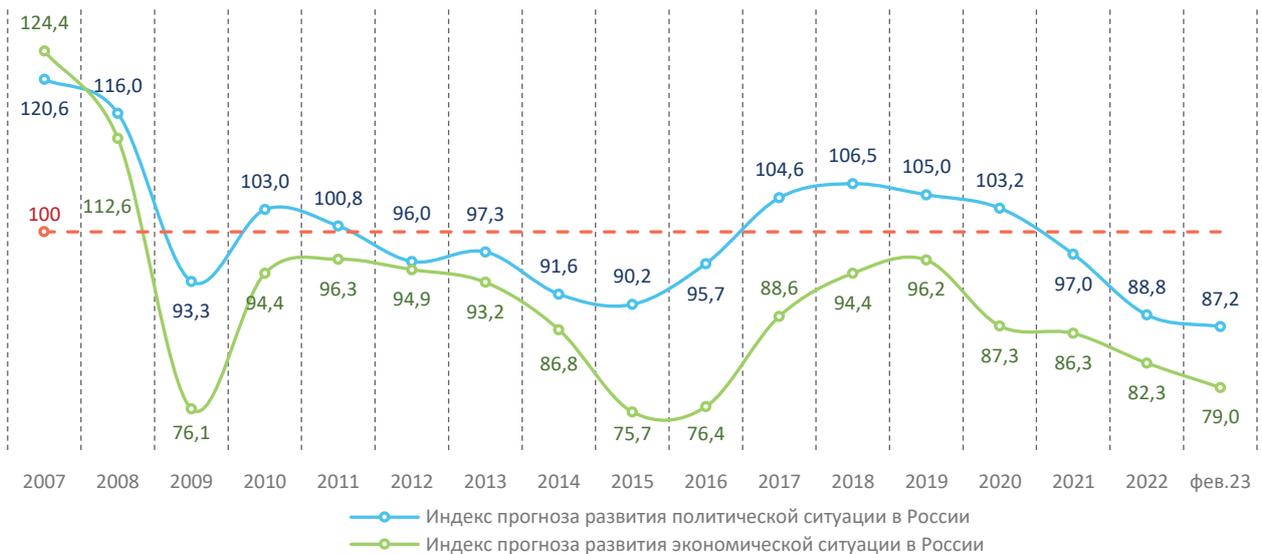

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

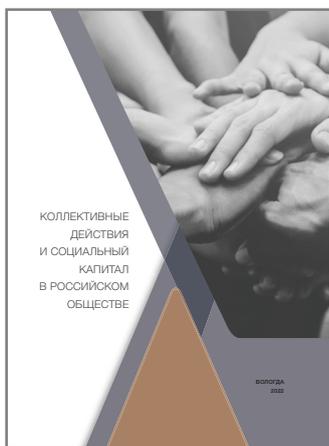
В начале 2023 года продолжилось некоторое снижение индексов прогноза развития политической ситуации в России на 2 пункта (с 89 до 87 п.), экономической – на 3 пункта (с 82 до 79 п.).

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

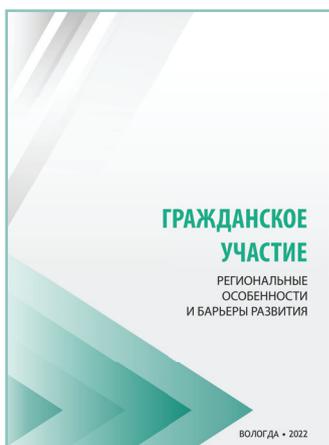

Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Косыгина К.Е. [и др.] (2022). **Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе:** монография / Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 228 с.

В монографии описаны концепции социального капитала и коллективных действий, раскрыты их эвристические возможности при изучении коллективных действий, дана характеристика их форм. Авторы представили разработанные в рамках проведенного исследования индикаторные модели измерения социального капитала и коллективных действий, а также результаты их использования при анализе территориальных сообществ Северо-Западного федерального округа. Исследование позволило показать динамические характеристики социального капитала на примере территориального сообщества Вологодской области. Сравнительный анализ помог выявить территориальные особенности социального капитала в местах проведения исследования: Калининграде, Мурманске, Петрозаводске, Вологде, Череповце. Рассмотрены характеристики субъектов и практик коллективных действий, а также описано влияние на них пандемии. Эмпирической базой исследования послужили данные социологических измерений, полученные в ходе реализации проекта «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

Проект осуществлен при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00326 А).

Монография предназначена для ученых и практиков, преподавателей, аспирантов, магистрантов и всех интересующихся проблематикой социального капитала.

Уханова Ю.В., Косыгина К.Е., Смолева Е.О. [и др.] (2022). **Гражданское участие: региональные особенности и барьеры развития:** монография / отв. ред. Ю.В. Уханова; Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 237 с.

Монография посвящена комплексному изучению гражданского участия с учетом специфики форм его проявления в региональном пространстве, а также барьеров реализации и путей их преодоления. Авторским коллективом проанализированы тенденции развития некоммерческого сектора, его возможности и ограничения в решении социально значимых проблем на местах. Рассмотрена специфика добровольческой деятельности как формы проявления гражданского участия населения на национальном и локальном уровнях. Осуществлено сравнение условий развития и тенденций гражданского участия в целом и добровольче-

ства в частности в России и зарубежных странах. Оценено влияние практик гражданского участия на формирование и развитие качественной городской среды.

Особое внимание уделено реализации различных практик участия в условиях цифровизации, российскому и зарубежному опыту применения информационно-коммуникационных технологий в работе некоммерческих организаций. Предложены рекомендации по преодолению барьеров гражданского участия, внедрение которых в общественную и управленческую практику повысит уровень активности населения в решении актуальных проблем социума, возникающих в условиях новых вызовов и угроз.

Книга адресована работникам органов управления, научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, студентам высших учебных заведений социологической, политологической, экономической направленности, а также широкому кругу читателей, которых интересуют вопросы гражданского участия как важнейшего нематериального фактора в развитии российских регионов.

Кузнецова Е.П., Якушев Н.О. (2022). Развитие малого предпринимательства в регионе: монография / под науч. ред. С.В. Тереховой. Вологда: ВолНЦ РАН. 160 с.

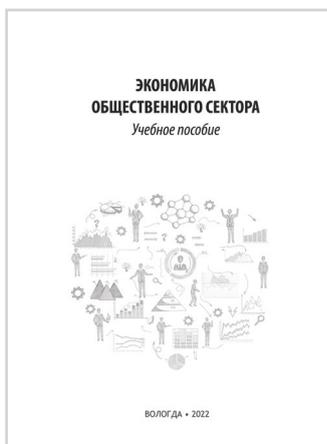
В монографии рассматривается малое предпринимательство как один из важнейших факторов развития экономики в регионе. Исследованы теоретико-методологические подходы к малому предпринимательству и его влиянию на региональное развитие. Проведена оценка влияния малого предпринимательства на социально-экономическое развитие региона. Дана оценка его инвестиционной привлекательности для обеспечения развития малого предпринимательства. Представлен анализ основных тенденций и проблем научно-производственной кооперации в регионе. Предложены направления совершенствования системы ее стимулирования. Проанализирован зарубежный и отечественный опыт содействия экспортной деятельности малого предпринимательства. Проведена ее оценка, и выделены направления ее активизации.

Монография предназначена научным работникам, преподавателям высших учебных заведений, руководителям и специалистам предприятий, представителям органов власти и управления федерального и регионального уровня, осуществляющих деятельность в сфере развития малого предпринимательства и управления экономикой региона.

Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства (2022): мат-лы VI Междунар. науч. интернет-конф., г. Вологда, 14–17 июня 2022 г. Вологда: ВолНЦ РАН. 654 с.

В сборнике представлены материалы VI Международной научной интернет-конференции «Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства», проходившей в г. Вологде 14–17 июня 2022 года. Участие в конференции приняли исследователи из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. Доклады были посвящены вопросам поиска и обоснования путей развития научно-технологического пространства России, активизации инновационных процессов в регионах с целью повышения конкурентоспособности национальной экономики и создания условий для повышения качества жизни населения и развития человеческого потенциала. Отдельный блок докладов был посвящен вопросам формирования цифровой экономики, современным вызовам и возможностям развития общества. Сборник предназначен для ученых и практиков, преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся проблематикой экономического, социального и научно-технологического развития регионов и предприятий.

Калашников К.Н., Калачикова О.Н. (2022). Экономика общественного сектора: учеб. пособие для вузов. Вологда: ВолНЦ РАН. 49 с.

В учебном пособии излагаются некоторые аспекты хозяйствования и управления в общественном секторе экономики, в том числе институциональные изъяны рынка, теория общественного выбора, рассматриваются проблемы оценки эффективности в общественном секторе экономики, раскрывается теория и практика общественных финансов.

Учебное пособие предназначено для обучающихся магистратуры по направлению подготовки 38.04.01 Экономика (направленность: региональная экономика и развитие территорий, экономика фирмы), для преподавателей высших учебных заведений, научных работников, студентов, аспирантов, специалистов органов управления здравоохранением и всех интересующихся данной темой.

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала «Проблемы развития территории»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://pdt.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть написано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес ptd@volnc.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

7. Требования к ключевым словам. К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8(8172) 59-78-32, адрес электронной почты: ptd@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 31.03.2023.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 20.0. Тираж 500 экз. Заказ № 11.
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru